

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
«КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ФЕВЗИ ЯКУБОВА»

На правах рукописи

Фаилова Алие Эльдаровна

**Коммуникативное поведение участников буллинга в условиях
виртуального пространства**

Специальность: 5.3.5. Социальная психология, политическая и
экономическая психология (психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук, доцент
И.С. Лучинкина

Симферополь, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	16
1.1. Теоретико-методологические подходы к определению коммуникативного поведения пользователя в виртуальном пространстве	16
1.2. Конструктивная и деструктивная направленность коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве.....	38
1.3. Конструктивные и деструктивные формы коммуникативного поведения личности подросткового возраста в условиях виртуального буллинга.....	54
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	69
ГЛАВА 2. МЕТОДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	71
2.1. Методические особенности построения эмпирического исследования коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.....	71
2.2. Методические проблемы исследования коммуникативно- поведенческих, ценностно-смысловых и мотивационно-аффективных особенностей участников буллинга в условиях виртуального пространства.....	79
2.3. Эмпирические методы исследования коммуникативно- поведенческой, ценностно-смысловой и мотивационно-аффективной составляющей.....	105
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	113
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	116
3.1. Исследование составляющих коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.....	116

3.2. Исследование стратегий коммуникативного поведения личности в условиях виртуального буллинга	163
3.3. Организация программы психологической коррекции личности в условиях виртуального буллинга	184
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	206

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования. Современный этап развития общества предполагает активное внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Школьники не представляют свою жизнь без социальных сетей и виртуальной коммуникации, включая групповые чаты и индивидуальные переписки. Интернет стал инструментом быстрого общения – представления информации о себе, завязывания коммуникативных связей, а также поддержания устойчивых социальных контактов в виртуальном пространстве.

Вместе с расширениями возможностей сети обостряются и риски, связанные с различного рода кибернетическими угрозами, в первую очередь, кибербуллинг. По результатам опроса, проведенного центром компетенций в области обеспечения безопасности «Альянс по защите детей в цифровой среде» в сентябре 2023 года, 64% подростков сталкивались с кибербуллингом в сети. В октябре 2024 года при поддержке Департамента образования и науки города Москвы и платформы «Сферум» был проведен опрос классных руководителей из разных регионов Российской Федерации, показавший, что более 75% педагогов были свидетелями кибербуллинга среди своих учеников. Согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в марте 2025 года, жертвами интернет-агрессии становятся около 49% подростков в сети.

Кибербуллинг нередко связан с опытом реального буллинга личности подросткового возраста, и эта взаимосвязь может отражать индивидуально-психологические затруднения ребенка как в виртуальном пространстве, так и в реальном пространстве. При этом, буллы и жертвы в реальном пространстве не всегда остаются таковыми в виртуальном пространстве, что может свидетельствовать об изменении имеющихся и появлении принципиально новых составляющих в структуре буллинга.

Вместе с тем, на данном этапе исследований не отражена специфика смены ролевой позиции в буллинг-структуре при переходе в виртуальное пространство. Многообразие виртуальных рисков, связанных с буллингом, может оказывать негативное влияние на личность подростка, находящегося на сензитивном этапе, и формировать у него искаженные когнитивные, аффективные, мотивационные, коммуникативные, ценностно-смысловые и поведенческие паттерны, или закреплять уже существующие.

Несмотря на значимость существующих исследований, отметим их недостаточность для разрешения проблем, связанных с возрастающим количеством детей, находящихся в буллинг-структуре.

Во-первых, не изучены, но нуждаются в исследовании составляющие коммуникативного поведения личности подростка в виртуальном пространстве, в том числе их взаимосвязь с составляющими коммуникативного поведения в реальном пространстве. Во-вторых, важным направлением исследования является анализ стратегий поведения, связанных с ролевой позицией в буллинге, что позволит разработать точечную программу психологической коррекции.

И, наконец, значимым является исследование смены ролевой позиции при переходе в виртуальное пространство.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Анализ изучения проблемы личности подросткового возраста в условиях виртуального пространства может быть осуществлен с позиции ряда научных подходов.

В рамках психологического подхода проблема коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве разрабатывается преимущественно на уровне анализа отдельных параметров. В ряду психологических направлений значимыми следует выделить концепции: коммуникативного поведения в интернет-пространстве (И.С. Лучинкина [2017], С.В. Молчанов [2018]), мотивации пользователей в сети (О.Н. Арестова [2000], Л.Н. Бабанин [1996], А.Е. Войскунский [2010], А.И.

Лучинкина [2014]), виртуальной коммуникации (А.Е. Жичкина [2000], Е.П. Белинская [2017]), ценностно-смысловой регуляции общения (И.В. Абакумова [2020], А.А. Коршак [2024]), эмоциональной регуляции в сети (О.В. Григорьева [2014], Н.В. Ванюхина [2014], А.С. Медведева [2022]), коммуникативного поведения в ситуации реального буллинга (Л.Н. Молчанова [2022], А.В. Фомина [2024]).

В российской психологии проблемы буллинга в подростковой среде нашли отражение в направлениях, исследующих деструктивные формы взаимодействия в сети, в том числе кибербуллинг (А.А. Бочавер [2014], Е.Н. Волкова [2017], Г.У. Солдатова [2019], А.Н. Ярмина [2018] и др.), троллинг (Р.А. Внебрачных [2012], Е.И. Булатова [2017], Л.М. Гриценко [2018] и др.), моббинг (Е.Н. Бондарева [2014], А.И. Морозова [2021], Е.А. Лучина [2017]) и другие формы ненормативного коммуникативного поведения (И.С. Лучинкина [2018], Т.В. Юдеева [2021] и др.). Признавая значимость вышеизложенных исследований, отметим, что существующие классификации конструктивных и деструктивных стратегий коммуникативного поведения представлены преимущественно вне ситуаций буллинга, что не позволяет реконструировать специфику поведенческих паттернов в ситуации травли в реальном и виртуальном пространстве.

В рамках социально-психологического направления акцент с индивидуально-психологических особенностей личности подросткового возраста в ситуации буллинга смещается в сторону исследования выбора ролевой позиции (Ю.П. Кошелева [2018], С.Ю. Рыжкова [2016], Е.Г. Норкина [2016], К.С. Шалагинова [2024]), конфликтности в подростковой группе (Ю.А. Бабенко [2021], А.В. Груша [2021], Д.Н. Соловьев [2014], А.Г. Береснева [2016] и др.), конфликтов в образовательной организации (И.С. Кон [2006], Е.В. Бушина [2022], А.М. Каримова [2022], М.А. Новикова [2021], А.А. Реан [2020], Г.В. Сорокоумова [2023] и др.), безопасности в образовательной среде (И.А. Баева [2017], И.С. Новикова [2015]), ролевой виктимности (О.О. Андронникова [2015]) и онлайн-рисков (Г.У. Солдатова [2017], Е.И.

Рассказова [2020], С.В. Чигарькова [2022]). Однако в приведенных исследованиях авторы не акцентируют внимание на различиях виртуального и реального буллинга, а именно на смену ролевой позиции участников при переходе в виртуальное пространство.

Научная проблема исследования заключается в том, что несвоевременное выявление психологических особенностей коммуникативного поведения участников буллинга в интернет-пространстве может привести к девиации личности, и как следствие, к суициду.

Цель исследования: выявить психологические особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

Объект исследования: коммуникативное поведение участников буллинга.

Предмет исследования: психологические особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

Гипотезы исследования:

1. Коммуникативное поведение участников буллинга в условиях виртуального пространства может определяться когнитивно-аффективными, коммуникативно-конативными, мотивационными и ценностно-смысловыми составляющими.

2. В зависимости от психологических особенностей коммуникативного поведения личности в условиях виртуального буллинга могут быть выделены определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге. При переходе личности из реального пространства в виртуальное возможна смена ролевой позиции в ситуации буллинга.

3. Может быть разработана программа психологической коррекции, учитывающая взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями участников буллинга и определяющаяся стратегиями поведения в условиях виртуального буллинга.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретико-методологические и эмпирические подходы по проблеме исследования.
2. Разработать концептуальную модель коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.
3. Эмпирически изучить когнитивно-аффективные, коммуникативно-конативные, мотивационные и ценностно-смысловые особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.
4. Теоретически обосновать и эмпирически выделить стратегии поведения личности в условиях виртуального буллинга, связанные с ролевой позицией в буллинге.
5. Эмпирически обосновать возможность изменения ролевой позиции в ситуации буллинга, присущей личности в реальном пространстве.
6. Разработать и апробировать программу психологического сопровождения участников буллинга, учитывающую их когнитивно-аффективные и коммуникативно-конативные особенности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили **положения:** деятельностного подхода в изучении личности (А.Н. Леонтьев); **теории:** теория когнитивной сферы (А. Бек, А. Эллис, С.В. Молчанов, Н.Н. Поскребышева), теория интернет-социализации (А.И. Лучинкина), теории буллинга в современном пространстве (Д. Лэйн, А. Пикас, К. Ригби, П.П. Хайнеманн, А.А. Бочавер, К.Д. Хломов, А.А. Реан, Г.В. Сорокоумова и др.), теория психологических механизмов и личностных характеристик участников буллинга (О.Л. Глазман, В.С. Зуева), теория ролевого поведения (Ю.П. Кошелева, С.Ю. Рыжкова, С.Б. Перевозкин, Е.Г. Норкина, К.С. Шалагинова), теория деструктивных форм взаимодействия в виртуальном пространстве (Р.А. Внебрачных, Е.И. Булатова, Л.М. Гриценко и др.); **концепции:** исследования коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве (И.С. Лучинкина), ценностно-смысловой регуляции общения

(И.В. Абакумова, А.А. Коршак), психологической безопасности в образовательной среде (И.А. Баева, И.С. Новикова), исследования кибербуллинга (А.А. Бочавер, Е.Н. Волкова, Г.У. Солдатова), понятие о конфликтности в подростковой группе (Ю.А. Бабенко, А.В. Груша и др.), исследования ненормативности коммуникативного поведения (Т. Хирши, Ш. Берн, Р. Мертон, И.С. Лучинкина), исследования ролевой виктимности (О.О. Андронникова), мотивация пользователей в сети (Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова), суицидальных рисков в подростковом возрасте (Т.В. Разуваева, Е.С. Каган).

Методы исследования: достижение цели и решение исследовательских задач обеспечивалось применением комплекса взаимодополняющих методов, включающего теоретический анализ научной литературы о коммуникативном поведении участников буллинга в условиях виртуального пространства. Эмпирическая часть исследования реализована посредством анкетирования и использования комплекса психодиагностических методик. В качестве группирующей методики для выявления ролевой позиции в буллинг-структуре был выбран авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в буллинге». Для исследования когнитивно-аффективной составляющей применялись: опросник «11 ловушек» (Д. Янг и Дж. Клоско, в адаптации Е. Кваша) (адаптированный для подростков) – для изучения иррациональных установок в реальной коммуникации; опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» (И.С. Лучинкина) – для выявления дисфункциональных установок в виртуальном пространстве; методика «Шкала безнадежности для детей» (А. Каздин, А. Роджерс, Д. Колбус, в адаптации Е.С. Кагана) – для выявления суицидальных рисков; методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» (Р. Лихи, в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского) – для исследования эмоциональных схем в реальной коммуникации. Для исследования коммуникативно-конативной составляющей применялись: методика «Методика исследования виктимного поведения» (О.О. Андронникова) –

определение предрасположенности к реализации различных форм виктимного поведения в реальном пространстве; методика «Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления» (И.Г. Сизова, С.И. Филиппченкова; адаптированная для подростков; авторская адаптация) – исследование стратегий совладающего поведения в реальном и виртуальном пространстве; опросник «Категория ранних решений» (С.В. Максимова) – выявление родительских предписаний в поведении; авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в кибербуллинге»; методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» (В.В. Бойко) – установление коммуникативных установок в реальной коммуникации. Для исследования мотивационной составляющей применялась методика «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина). Для исследования ценностно-смысловой составляющей применялись: методика «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалкова, Д.В. Труевцев) – выявление системы ценностных ориентаций в реальном пространстве; опросник «Смыслы личности в виртуальной среде» (И.С. Лучинкина). Для определения психологических травм (отвержение, оставленность, унижение, предательство и несправедливость) использован тест «Тест на пять травм» (Л. Бурбо, в адаптации М. Завизон).

Анализ экспериментальных данных проходил с помощью программы для статистической обработки данных SPSS 28, а именно непараметрического критерия Н-критерий Краскелла-Уоллиса для независимых выборок, χ^2 -Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, G-критерий знаков, факторного анализа, а также параметрического r-критерий Пирсона.

Эмпирический объект исследования. К исследованию были приглашены 3000 обучающихся школ Республики Крым, из них – 2560 по электронной почте, 440 – в реальном пространстве. Полное исследование прошли 892 респондента подросткового возраста, в возрасте от 14 до 17 лет.

Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования была достигнута за счет: методологической обоснованности

теоретических позиций; теоретического обоснования авторской позиции; многоаспектного анализа проблемы; использования разнообразных методов, валидных для целей и задач; качественного анализа эмпирического исследования; согласованности теории и выводов. Надежность эмпирических данных обусловлена репрезентативностью выборки и применением статистических методов, соответствующих гипотезам и задачам исследования.

Основные научные результаты, полученные лично автором, их научная новизна. Выявлено, что коммуникативное поведение личности подросткового возраста с различной ролевой позицией в буллинг-структуре в виртуальном пространстве определяется специфическим соотношением когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих.

Доказано, что личности пользователя в условиях виртуального буллинга присущи стратегии, связанные с его индивидуально-психологическими особенностями и ролевой позицией в буллинге.

Определено и детально проанализировано, что в зависимости от типа участника ситуации буллинга стратегии могут различаться и включать конструктивную и неконструктивную направленность: конструктивная – жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией, помощник с просоциально-компенсаторной стратегией, защитник с активно-преобразующей стратегией и защитник с адаптивной стратегией; неконструктивная – жертва с защитной стратегией, инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией, помощник с реактивно-компенсаторной стратегией.

Раскрыта и доказана возможность изменения ролевой позиции личности в ситуации буллинга при переходе из реального пространства в виртуальное.

Проанализирована взаимосвязь между коммуникативно-конативными и когнитивно-аффективными составляющими коммуникативного поведения

личности подросткового возраста в буллинг-структуре, что позволило уточнить основные психологические затруднения респондентов.

Обоснована необходимость превентивных психологических мероприятий для сопровождения личности подросткового возраста в ситуации буллинга с использованием когнитивно-поведенческих техник.

Уточнено понятие и содержание ролевых позиций в виртуальном буллинге.

Расширены представления о коммуникативном поведении личности подросткового возраста в ситуации виртуального буллинга.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты исследования позволили расширить и дополнить представления о коммуникативном поведении личности подросткового возраста в ситуации виртуального буллинга, определить стратегии коммуникативного поведения подростков в виртуальном пространстве с учетом их индивидуально-психологических особенностей и ролевой позиции в буллинге. Полученные результаты имеют ценность для общей, социальной и педагогической психологии.

Практическая значимость выполненного исследования состоит в разработке опросника для определения ролевой позиции личности подросткового возраста в буллинг-структуре, который позволит определить устойчивые ролевые позиции на ранних этапах. Созданная система психологического сопровождения личности подросткового возраста, включенной в буллинг-структуру, позволит педагогам и психологам своевременно предвидеть и предотвратить ситуацию буллинга в реальном пространстве.

Положения, выносимые на защиту:

1. Коммуникативное поведение участников буллинга в условиях виртуального пространства определяется когнитивно-аффективными (иррациональные установки, рефлексия, эмоциональные схемы, показатели суицидального риска), коммуникативно-конативными (коммуникативные

установки, виктимность, совладающее поведение, негативные родительские предписания), мотивационными (мотивы пребывания в сети, анализ самоотчетов) и ценностно-смысловыми (система ценностных ориентаций, смыслы личности в виртуальном пространстве) составляющими.

2. В зависимости от психологических особенностей коммуникативного поведения личности в условиях виртуального буллинга существуют определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге, и реализующиеся в ходе интернет-коммуникации: конструктивные – жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией, помощник с просоциально-компенсаторной стратегией, защитник с активно-преобразующей стратегией, защитник с адаптивной стратегией; неконструктивные – жертва с защитной стратегией, инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией, помощник с реактивно-компенсаторной стратегией. При переходе личности из реального пространства в виртуальное возможно изменение ее ролевой позиции в ситуации буллинга.

3. Программа психологической коррекции личности подросткового возраста в ситуации буллинга в виртуальном пространстве учитывает взаимосвязь между когнитивно-аффективными, коммуникативно-конативными, мотивационными и ценностно-смысловыми особенностями участников буллинга, определяется стратегиями поведения в условиях виртуального буллинга и направлена на снижение основных психологических затруднений респондентов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения, выводы, результаты исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры психологии факультета психологии и педагогического образования ГБОУВО РК «Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова» (Симферополь, 2023-2026); были представлены на: Международной научной конференции «Социопсихологические закономерности развития личности в условиях

цифрового общества» (Симферополь, 2024); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых «Молодая наука» (Симферополь, 2024); II Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2024); «Практики наставничества: от науки к прикладным технологиям» (Новосибирск, 2025); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психолого-педагогические основы формирования готовности молодежи к выбору педагогической профессии» (Симферополь, 2025); IV очно-заочном Всероссийском студенческом брифинге «Актуальные исследования психологической науки» (Симферополь, 2025); III Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2025); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых «Молодая наука» (Симферополь, 2025); Международной научно-практической конференции «Психология социализации личности в современных условиях» (Симферополь, 2025); Научно-методологическом семинаре «Психолого-педагогические исследования: концепции, методы и перспективы» (Симферополь, 2025); XVIII Международной научно-практической конференции «Шамовские чтения» (Москва, 2026); Республиканском семинаре-совещании по вопросам профилактики правонарушений несовершеннолетних (Симферополь, 2026).

Материалы исследования используются в деятельности ГБОУВО РК «Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова» (Симферополь).

Публикации. По теме исследования опубликовано 12 работ, из них по теме диссертации – 12 статей (в том числе в журналах, рекомендованных ВАК по специальности 5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки) – 4, в журналах, рекомендованных ВАК по смежным специальностям – 4, прочие – 4), общим объемом 7,6 п. л., авторский объем – 6,6 п.л.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения; трех глав; заключения, включающего основные выводы, практические рекомендации и перспективы дальнейшего исследования проблемы; списка использованной литературы, включающего в себя 247 источников, в том числе 48 – на иностранных языках. Работа иллюстрирована 21 таблицей и 36 рисунками. Основной объем работы составляет 235 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

1.1. Теоретико-методологические подходы к определению коммуникативного поведения пользователя в виртуальном пространстве

Современный этап развития общества предполагает активное внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Совершен глобальный скачок к постиндустриальному обществу, который повлек за собой изменение не только системы отношений, но и методологических принципов, взаимосвязей, знаний в отношении цифровых технологий и общества в целом [55].

В условиях стремительной глобализации особое внимание уделяется вопросам интернет-социализации личности. Интернет все активнее выступает в роли значимого института социализации, поскольку позволяет удовлетворить широкий спектр потребностей пользователя в сети [60]. Начиная от мгновенного доступа к обширным информационным ресурсам, позволяющим обрабатывать и передавать на большие расстояния неограниченные информационные потоки, заканчивая установлением и поддержанием социальных связей в режиме реального времени.

Активная вовлеченность личности в индустриальную деятельность несет за собой изменения в различных аспектах. Вместе с расширениями возможности сети, обостряются и риски, связанные с различного рода кибернетическими угрозами (кибербуллинг, stalking, преследование и запугивание жертвы в интернет-пространстве, создание ложных аккаунтов и пр.) [26]. В настоящее время существуют трудности в дифференциации положительных или негативных аспектов личности в сети. Поскольку, с одной стороны, человек в Интернете выступает как новатор технологий, например, становится источником порождения новых продуктов творчества, контента и

информации. С другой стороны, он становится объектом воздействия со стороны виртуального пространства, что, в свою очередь, влияет и на изменения его структур личности.

Исследования, направленные на изучение проблемы коммуникативного поведения личности подросткового возраста в условиях виртуального пространства, можно рассмотреть в контексте нескольких научных подходов: филологического подхода (И.А. Стернин, Ю.Е. Прохорова, В.Б. Кашкин, Т.Б. Назарова) [173, 175, 77, 133]; междисциплинарного подхода (Е.Н. Галичкина, К.В. Седов, Т.Г. Грушевицкая, Л.М. Землянова, И.Н. Розина, С.В. Бондаренко, Л.Ю. Щипицина, Н.Б. Мечковская, Е.И. Горошко, Т.И. Рязанцева) [46, 51, 58, 71, 153, 24, 122, 52, 156]; семиотического подхода (У. Эко, Ю.М. Лотмана, Дж. Лакофф, Т.В. Алтухова, Н.Б. Лебедева) [183, 95, 221, 5, 90, 74]; принципа системности (Н.А. Лемяскина, Е.Б. Чернышова, Э.А. Татаринцева, В.А. Багрянцева, Т.И. Полюкова) [92, 190, 178, 93, 144]; социологии (Ю. Хабермас, Дж. К. Хомаса, Г. Лебон, Дж. Сулера и др.) [213, 91, 177, 181, 209]; психологии (А.Е. Войскунский, А.И. Лучинкина, О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, И.В. Абакумова, И.А. Баева, И.С. Лучинкина, И.С. Кон, А.А. Реан, С.В. Молчанов, Н.Н. Поскребышева, А.А. Коршак, А.А. Бочавер, А.И. Авдеев, Г.У. Солдатова, Р.А. Внебрачных, Е.И. Булатова, Т.Н. Разуеваева, Л.М. Гриценко, Г.В. Сорокоумова, Л.Н. Молчанова, К.С. Шалагинова, А.В. Фомина и др.) [40, 100, 9, 1, 13, 114, 83, 150, 124, 125, 86, 187, 167, 38, 32, 154, 54, 192, 127, 126]

В российском и постсоветском научном сообществе термин «коммуникативное поведение» был впервые предложен профессором И.А. Стерниным [173]. Одним из первых автор начал исследования коммуникативного поведения в области филологического подхода, тем самым это повлияло на активное внедрение и развитие данного понятия в контексте различных теоретических подходов и междисциплинарных знаний. Коммуникативное поведение по И.А. Стернину понимается как совокупность действий и способов взаимодействия, используемых группой людей и/или индивидом в процессе общения [172].

Между тем, автор в своих работах акцентирует внимание на том, что коммуникативное поведение любой социальной группы, либо личности должно быть описано комплексно. Существует необходимость исследования тех факторов и параметров коммуникативного поведения, которые демонстрируют наиболее яркую специфику общения в той или иной ситуации. Это подводит нас к следующему разделу, где автор выделяет доминантные стратегии коммуникативного поведения [174]. Под доминантными стратегиями подразумеваются те особенности, которые проявляются у определенной социальной группы или личности в большинстве коммуникативных ситуаций. Таким образом, мы предполагаем, что в ситуации буллинга у определенной личности, которая причастна к ролевой позиции инициатора, жертвы или помощника, могут быть выражены определенные коммуникативные установки в отношении к другой личности или социальной группе.

Однако данная теория была ориентирована на лингвокультурный подход, где выделяются доминантные стратегии народов и коммуникативное национальное сознание, в то время как тяжело идентифицировать общие доминантные стратегии для виртуального пространства, поскольку исследования И.А. Стернина были направлены на реальное пространство.

Не менее важным являются исследования авторов, посвященных коммуникативному поведению в области филологического подхода (Ю.Е. Прохорова, В.Б. Кашкин, Т.Б. Назарова) [175, 76, 133]. Исходя из анализа работ Ю.Е. Прохорова, любопытно отметить наличие существующих норм и правил, которые присущи для определенной социальной группы или личности в процессе общения. Нормы, по мнению автора, могут изменяться, а изменение в процессе коммуникации начинается именно с изменения норм [175]. В данном случае мы переносим подобные рассуждения на виртуальное пространство, в котором нормы и правила значительно разнятся с реальным пространством. Можно отметить, что в виртуальном пространстве существует определенная ограниченность в коммуникации из-за ситуативных трудностей

использования всех мультимодальностей. В большинстве своем, общение в сети предполагает использование текста или текстовых сообщений, частично голосовые и видеосообщения. В связи с этим, лишь в процессе общения будут регулироваться нормы и правила конкретно для группы, взаимодействующей друг с другом.

Мы предполагаем, что анализ только коммуникативной составляющей не даст полноценную картину коммуникативного поведения, поскольку стоит учитывать и мотивы пребывания в сети и мотивы взаимодействия в процессе общения. Если для группы пользователей, взаимодействующей друг с другом, троллинг выступает как стиль общения, то автоматически для этой группы становится приемлемым данный стиль коммуникации. В таком случае мы не можем утверждать, что личность имеет склонность к деструктивному взаимодействию. Но с другой стороны, согласно большинству теорий и подходов, нарушается этика цифрового взаимодействия [119, 138, 163, 189].

Кроме того, И.А. Стернин в своих исследованиях выделяет и обозначает нормативность и ненормативность коммуникативного поведения [174]. Усиленное внимание к данной проблеме связано с возрастающей частотой употребления ненормативной лексики. Возможно рассмотреть данную модель и со стороны виртуального общения, так как раскованное поведение становится естественным во многих сферах деятельности человека. Употребление вольных речевых эпитетов, выражений и высказываний являются сомнительными приемами для поддержания внимания. Например, необоснованный хейт под постами, произвольный комментарий от посторонних в личных сообщениях или на странице пользователя могут свидетельствовать о том, что мы говорим о деструктивном способе взаимодействия в сети. Сущность этих рассуждений приводит к тому, что мы наблюдаем специфику воздействия на личность в контексте «свой» и «чужой», где в первом случае, соблюдается собственно построенные нормы и правила, а во втором идет их нарушение [208].

Глубокое и всестороннее рассмотрение коммуникативного поведения дает В.Б. Кашкин. В своих исследованиях автор выделяет 4 типа коммуникантов [76]:

– мобильный, который характеризуется легкостью в установлении межличностных, групповых и первичных взаимоотношений; часто не персонализирует личность, с которой ведет диалог, поскольку полихронен и не сосредотачивается на одном объекте; присуща коммуникативная реализация, выражающаяся в потребности быть признанным;

– доминантный коммуникант эгоцентричен, в общении наблюдается демонстративная автономность, жесткость позиций и негибкость в рассуждениях; вступает в конфронтацию, нетерпим к мнению окружающих, поэтому часто ведет монологическую беседу;

– ригидный коммуникант нерешителен, особенно на этапе установления контакта; способен поддерживать корректные взаимоотношения, учитывающие деловой и межличностный аспект; в ситуации конфликта закрытый, инертный, минимизирует объем коммуникации;

– интровертный коммуникант бессознательно избегает общения; не заинтересован в установлении какого-либо рода взаимоотношений; может быть коммуникативно неграмотен, поскольку идет снижение объема коммуникации; постепенно утрачивает социальные навыки.

Данная типология позволяла собеседникам выявить основные коммуникативные маркеры и взвешивать все достоинства и недостатки у 4 типов коммуникантов. Автор подчеркивал, что общение не носит в себе механистический характер, а деятельность в его процессе создает последствия коммуникации. В общении индивиды проявляют свою коммуникативную подготовленность на основе имеющегося опыта. Мы разделяем позицию исследователя, поскольку сами учитываем негативный личный опыт при анализе коммуникативных установок. Коммуникативная готовность представляет собой совокупность стратегий, в том числе когнитивных,

семиотических и мотивационных, влияющих на коммуникативное поведение индивида в целом [77].

Вместе с тем доктор филологических наук Т.Б. Назарова продолжает исследования В.Б. Кашкина, расширяя представления о коммуникативном поведении личности [133]. Автор особое внимание уделяет мотивационному аспекту, поскольку личность в процессе общения скрывает истинные побуждения и мотивы. Это любопытно отметить в контексте виртуального пространства, так как различные деструктивные сообщества, с экстремистской идеологией, заинтересованы в вербовке пользователей и побуждению их к определенному роду действий. Поэтому, освещенные проблемы нуждаются в конкретных исследованиях, которые позволят рассмотреть мотивационный компонент пользователей с деструктивной коммуникативной направленностью в Сети.

Таким образом, опыт вышеизложенных авторов заслуживает внимания и помогает сделать соответствующие выводы в вопросе рассмотрения нормативности и ненормативности коммуникативного поведения, в том числе и пользователей в виртуальном пространстве. Однако за рамками рассмотрения остаются ценностно-смысловые и мотивационные составляющие, которые могут повлиять на результат коммуникативной интерпретации одного и того же факта или события.

В последние годы, в междисциплинарном подходе, предпринимались попытки изложения существенных проблем коммуникативного поведения в информационном пространстве (Е.Н. Галичкина, К.В. Седов, Т.Г. Грушевицкая, Л.М. Землянова, И.Н. Розина, С.В. Бондаренко, Л.Ю. Щипицина, Н.Б. Мечковская, Е.И. Горошко, Т.И. Рязанцева) [46, 159, 58, 71, 153, 24, 122, 52, 156].

Е.Н. Галичкина и Т.И. Рязанцева в своих работах уделяют особое внимание жанрам коммуникативного поведения, которые используют пользователи в виртуальном пространстве [156]. Мы отметим основные два жанра: инсталляционные и интолерантно-алиенативные. Эти жанры

характеризуются как специфические стратегии, обладающие ярко выраженной атональностью и провокациями, что делает речевые стратегии особенно популярными в виртуальном пространстве. Для этих жанров характерно использование типичных речевых тактик, применяемых, с одной стороны, для эскалации конфликта, а с другой, инвективной организации общения. Первым видом коммуникативной провокации является троллинг, основной целью которого является демонстративное нарушение общей тональности сетевого взаимодействия. В современных исследованиях нередко делают акцент на том, что тролль может бесцельно парировать провокационными и обидными высказываниями с оппонентом, не имея намерений логически завершить конфликт. Однако стоит уточнить, что Е.Н. Галичкина обосновывает характерные отличия троллинга и флейминга [46]. Второй имеет более открытую и агрессивную форму коммуникации, выражающуюся в намерении использования грубой и ненормативной лексики. Таким образом, в филологических исследованиях коммуникативного поведения в интернет-пространстве, существует разница между речевыми стратегиями, троллинг – причина, характеризующаяся действием (преднамеренным или неумышленным), а флейминг является следствием, целью которого разрушить конструктивную дискуссию.

В этой связи в междисциплинарном походе разворачиваются исследования К.Ф. Седова, который рассматривает уровень формирования коммуникативных черт характера в виртуальном пространстве [159]. Любопытным оказался центрированный тип характера, выражающийся в популяризации участников общения. Центрированный тип разворачивает под собой два подтипа коммуникативных черт: пассивно-центрированный и активно-центрированный. Первому типу характерно несоответствие подбора речевых тактик при коммуникативном взаимодействии, интернальность и слабовыраженная соразмерность при поддержании диалога на различные темы [51]. Второму типу свойственна оппозиция при общении, которая

подкрепляется экстернальностью и неспособностью к разделению противоположного мнения [51].

Таким образом, при рассмотрении данной коммуникативной черты, мы рассматриваем личность, включенную в ситуацию буллинга, поскольку одной из разновидностью данного феномена является игнорирование участника группы. При анализе литературных источников, мы обнаружили недостаток исследований в области коммуникативных особенностей участников буллинга.

В этом контексте весьма актуальны исследования М.С. Одинцовой и Н.В. Антоновой, которые подчеркивают неоднородность виртуального пространства как среды, обеспечивающей пользователю различные виды деятельности в сети [8]. Виртуальное пространство сопровождается наличием метаморфоз, влияющих на коммуникативный аспект личности. Одним из значительных преобразований коммуникативного процесса является конфиденциальность, поскольку совершается обход коммуникативных барьеров, теряется соотнесенность с биологическими и социальными факторами. Здесь также стоит уточнить о минимизации власти, так как социальный статус, даже будучи известным, не носит в себе решающий характер. Отсюда мы можем наблюдать значительное преобразование характера коммуникативных актов, связанное с приростом числа деструктивных коммуникаций. Мы связываем это с наличием иллюзорности свободы, которое дарит виртуальное пространство, ввиду представлений о безнаказанности при существующем своде правил.

На наш взгляд немаловажным является и учет солипсической интроекции (Дж. Сулер), заключающейся в достраивании коммуникативных ситуаций в процессе общения в сети [177]. Пользователи в сети, из-за практического отсутствия невербального общения, склонны сами наделять пользователя несуществующими качествами, которые, в свою очередь, только закрепляют коммуникативные и личностные установки в общении.

Мы учитываем тот факт, что степень наличия коммуникативных установок может служить причиной деструктивного и конструктивного способа взаимодействия. Однако современные исследования при рассмотрении коммуникативного поведения личности, включенной в ситуацию буллинга, рассматривают этот параметр недостаточно, либо не учитывают совсем.

Обратимся к рассмотрению коммуникативного поведения личности с точки зрения семиотических исследований в трудах У. Эко, Ю.М. Лотмана, Дж. Лакофф, Т.В. Алтуховой, Н.Б. Лебедевой [183, 95, 219, 96, 5, 90].

У. Эко в своих исследованиях справедливо указывает на то, что не все коммуникативные феномены могут поддаться объяснению с помощью языковых категорий [183]. Автор полагал, что у личности, посредством массовой культуры, можно изменить представление о различных категориях, входящих в культурный код. К ним исследователь относил религиозные, психологические, ценностно-смысловые и культурные установки. Анализируя сказанное, мы учитываем то, что у личности в виртуальном пространстве может присутствовать искаженное представление при взаимодействии с цифровым образом. Стоит учитывать и симулякр, который пользователи демонстрируют при общении в сети, создавая желаемый или реальный образ. Таким образом, исследования У. Эко были ориентированы на то, что образ, полученный в виртуальном пространстве, можно не только продиагностировать по семиотическим параметрам, но и проинтерпретировать его [162].

Подробное и последовательное описание при исследовании коммуникативного поведения было проведено Ю.М. Лотманом, который рассматривал особенности взаимодействия между участниками коммуникативного процесса [95]. Исследователь утверждал, что единое пространственное поле подвергается семиотизации, что в значительной степени влияет на личность, включенную в это пространство. Именно этим переменам подвержена личность в виртуальном пространстве, поскольку,

чтобы стать частью культуры (общности), необходимо подвергнуться изменениям. В данном случае автор описывает дихотомическую модель, а именно интрокоммуникации и автокоммуникации. В первом случае изменениям будет подвержена личность, а во втором – содержание самой информации. Опираясь на данный подход, для нас становится любопытным исследование в этой области, поскольку автокоммуникация отражает в себе стремление к самоидентификации. Здесь акцент стоит уделить виртуальным субкультурам, которые находят свое отражение в сообществах в социальных сетях. В виртуальном пространстве сообщества работают по принципу малых и больших социальных групп, в которых присутствует идейность мнения, авторитеты, заданность положения и пр [96]. Таким образом, личность подвержена изменениям от изначально искаженной информации, так как автокоммуникации напрямую влияют на интрокоммуникации.

Для более полной характеристики исследования вопроса были рассмотрены работы Дж. Лакоффа [219]. Одной из центральных идей автора является концепция, в основе которой лежит предположение, что язык не только отражает, но и формирует наше восприятие мира. В этой связи коммуникативное поведение рассматривается как результат взаимодействия когнитивных и социальных факторов. Одним из значимых вкладов автора является введение термина «фреймы» (рамки), которые помогают людям интерпретировать события и взаимодействия. Автор также рассматривал, как различия в языке и метафорах, используемых в разных культурах и социальных группах, могут определить способы восприятия и интерпретации сообщений. В контексте виртуального пространства теория Дж. Лакоффа может быть прекрасно адаптирована, поскольку пользователи в сети активно используют различные фреймы для интерпретации различного рода контента. Например, фреймы по типу «информационный поток» и «вирусный контент» часто воспринимаются как естественные для пользователей, поскольку они встроены в саму структуру Интернета. Также работает и с концептуальными фреймами в социальных сетях, поскольку они становятся основными

единицами коммуникации, которые структурируют информацию и позволяют пользователям понимать друг друга вне зависимости от культурных особенностей [220, 221].

Попытки систематического изложения проблем коммуникативного поведения реального и виртуального пространства предприняты в работах Т.В. Алтуховой и Н.Б. Лебедевой [5]. С точки зрения авторов, реальное пространство обладает признаками сингулярности, что, в значительной степени, отличает ее от виртуального. Последнее, в свою очередь, обладает признаками глобальности, дифференцированное пространством и временем. Исключительной особенностью является не только отсутствие временных рамок, но и фигурация пространственного процесса. Личность в виртуальном пространстве сталкивается с единовременностью и отсутствием последовательности в коммуникативном процессе [201].

Отметим, что перечисленные исследования в области семиотических подходов внесли большой вклад в рассмотрение вопросов коммуникативного поведения личности. Отсюда следует, что коммуникация принимает автореферентный характер, что способствует формированию своих законов в межличностном и групповом общении, регуляцией временных и пространственных параметров виртуального пространства.

Впервые систематическое исследование проблемы в рамках философского направления были выделены в работах Л. Мамфорд, Н. Лумана, М. Фуко, Э. Гофмана, П. Грайса, Дж. Серла [68, 227, 97, 224, 216, 212, 238].

Стоит учесть, что негативная программа воздействия технологической среды была рассмотрена еще ранее в работах философов. Отметим работу мыслителя Л. Мамфорда, который уделил особое внимание технике, которая становится особым субъектом реальности, тем самым трансформируя человека по своему образу и подобию [68, 227].

Н. Луман в своих исследованиях опирался на социальную структуру, которая, в его представлении, не контактировала с внешним миром, а была закрытой системой. На наш взгляд, данный подход является одним из

ключевых факторов в понимании социальных процессов в эпоху цифровой среды [224]. Поскольку подход Н. Лумана идеально ложится в понимании коммуникативного поведения в виртуальном пространстве, так как процесс общения подчинен не только коммуникативному акту, но и техническому коду. По лумановской теории, ситуация буллинга создает новый акт коммуникации, что свидетельствует о формировании новой коммуникативной реальности. Любопытно отметить, что травля в виртуальном пространстве значительно искажает полученную информацию между пользователями, что констатирует наличие искаженной агрессивной реальности в коммуникации.

В этой связи любопытно отметить работу М. Фуко, который исследовал дискурс в категории борьбы за превалирование смыслов [203]. Несмотря на то, что работа автора была рассчитана на реальное пространство, она, по нашему мнению, применима и для виртуального. Например, виртуальное пространство характеризуется множественностью, а власть в таком случае может присутствовать у модераторов и создателей площадки (фильтрация, бан, блокировка и т.д.), на которой может реализовываться травля. Отсюда следует, что коммуникативное поведение в виртуальном пространстве принимает форму оппозиции, либо смирения. Власть у инициатора буллинга может проявляться в моменте, когда пользователь (жертва) теряет возможность противостоять большому количеству комментариев с оскорблениями, угрозами и пр. В этот момент у пользователей, которые участвуют или наблюдают за происходящим, устанавливаются нормы, которым практически невозможно сопротивляться (жертва одна, а нападающих много). Существует какая-то информация, используемая против жертвы, что подтверждает фукоанскую теорию. Автор утверждал, что знание о чем-либо/о ком-либо и власть неразрывны, а норма, в таком случае, определяется обществом. Однако стоит учесть, что в ситуации кибербуллинга нормы нарушаются, что свидетельствует о деструктивной направленности в сети [246].

Нельзя не отметить работу Э. Гофмана, который исследовал ролевое взаимодействие [216]. На наш взгляд, данная теория отражает мотив воплощения в роль, которую описывала А.И. Лучинкина в работе о личности в виртуальном пространстве. Э. Гофман отмечал, что личность в общении перенимает на себя маску, адаптируясь под окружение, с которым она взаимодействует. В ситуации виртуального пространства, личность также может быть склонна к созданию множественности образа, что значительно усложняет процесс коммуникации. Мы намеренно отмечаем данный подход, поскольку нашей целью является исследование смены ролевых позиций в из реального в виртуальное пространство. На наш взгляд, стоит отметить данную проблему исследования, поскольку это значительно усложняет буллинг-структуру.

Особое значение в свете новых задач исследования приобретает принцип системности, согласно которому все правила коммуникативного поведения рассматривается с точки зрения упорядоченного и общего значения и обладают такими свойствами, которые невозможно вывести из общей концепции. Вопрос коммуникативного поведения, с точки зрения принципа системности, оказывается в фокусе внимания многих исследователей, одними из таких выступают Н.А. Лемякина, Е.Б. Чернышова, Э.А. Татаринцева, В.А. Багрянцева, Т.И. Полюкова [92, 190, 178, 93, 144].

Авторы учитывают и раскрывают проблемы возрастного коммуникативного поведения [196, 23, 45]. Данную тему можно отразить на примере виртуального общения, в котором личность адаптируется или создает языковые нормы, предъявляемые средой. Например, подростки и юноши более активно исследуют виртуальное пространство и находят более новые способы общения, чем старшее поколение, которое привыкло использовать проверенные способы коммуникативного взаимодействия.

Отсюда любопытно отметить исследования Алексеевой О.А., Бостужевой О.Ю., Вершинской О.Н. Галюжиной А.Ю., Скворцовой Е.Е., посвященные трудностям в использовании сети Интернет у пожилых и

молодых людей [3, 78]. Авторы учитывают, что коммуникативная направленность и активность в виртуальном пространстве у молодых и пожилых людей, определяется психологическими особенностями личности и различными социально-психологическими факторами. Сущность этих особенностей сводится к тому, что данные группы пользователей, в большей степени, хотя бы раз в жизни сталкивались с киберугрозами (мошенничество, шантаж, фишинг и т.д.).

Таким образом, широкий репертуар повышенных угроз зачастую объясняется низким уровнем цифровой грамотности, сниженной критичностью к осознанию рисков виртуального пространства и высоким уровнем доверия в коммуникативном процессе. В свою очередь, отмечена проблема психологической безопасности, с которой сталкивается данная группа пользователей при использовании мессенджеров и онлайн-ресурсов.

В психологических исследованиях активно рассматриваются составляющие коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве. Учеными раскрываются особенности мотивации пользователей в сети (О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский, А.И. Лучинкина, Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Г.В. Сорокоумова) [10, 39, 102, 166, 164, 169, 170], виртуальной коммуникации (А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская) [20, 19], коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве (И.С. Лучинкина) [103], когнитивной сферы (А. Бек, А. Эллис, С.В. Молчанов, Н.Н. Поскребышева) [18, 195, 124], эмоциональной сферы (О.В. Григорьева, Н.В. Ванюхина, А.С. Медведева) [53, 123], ценностной сферы (И.М. Богдановская, Ю.В. Петрова, Е.Р. Черемонова) [139], смысловой сферы (Р.И. Зекерьяев, В.Л. Малыгин, А.В. Прокофьева) [69, 120], ценностно-смысловой регуляции общения (И.В. Абакумова, А.А. Коршак) [1, 86] и коммуникативного поведения в ситуации реального буллинга (Л.Н. Молчанова, А.В. Фомина) [184, 185].

Еще в ранних исследованиях, посвященных преобразованию общения посредством компьютера, А.Е. Войскунский рассматривал интернет-

коммуникацию как особую форму взаимодействия [39, 40, 41]. Параметры определялись не только техническим посредником, но и режимом контакта, доступностью вербальных сигналов и структурой аудитории. А.Е. Войскунский рассматривал проблематику психологических детерминант и последствий сетевых коммуникаций. Любопытно отметить, что автор акцентировал внимание на изменении в поведении при переходе из реального в виртуальное пространство. Сетевое общение задает иные правила коммуникации. Ослабляется социальный контроль и образуется устойчивая обратная связь, которая сопровождается расширением аудитории. Таким образом, данные параметры повышают вероятность поведенческих срывов и закрепления деструктивных практик в онлайн-сообществах.

Вклад А.Е. Жичкина и Е.П. Белинской построен вокруг социально-психологического анализа интернет-среды, а именно исследований перестройки восприятия, самопрезентации и идентичности [65, 19]. Интернет описывается как специфическая коммуникативная среда с различными форматами взаимодействия, которые различаются по степени интерактивности. Интернет выступает пространством социализации, где идентичность может быть более экспериментальной и зависимой от аудитории. Отсюда следует феномен конструирования виртуальной личности. Таким образом, когда значимая часть статуса выстраивается вокруг виртуального образа, могут существовать различные виртуальные риски, а именно атаки на репутацию, навешивание ярлыков, манипуляции, высмеивание, что становится особенно болезненным для личности.

Непосредственно в психологических исследованиях А.И. Лучинкиной – интернет рассматривается не как канал передачи сообщений, а как самостоятельная социокультурная среда, в которой перестраиваются способы установления контактов (самопрезентация и регуляция взаимодействия) [103, 104, 105]. Интернет-социализация позволяет расширять социальный опыт пользователей при вхождении в сеть. В интернет-среде резко возрастает роль внутренней активности субъекта, отсюда ведущим психологическим

механизмом социализации выступает самовыражение. Пользователь конструирует виртуальную личность, собственное социальное пространство. Логика напрямую связывает коммуникацию в сети с процессами саморегуляции и идентичности. А.И. Лучинкина описала и систематизировала интернет-социализацию как процесс, который разворачивается по трем взаимосвязанным компонентам: мотивационному, мифологическому и инструментальному.

В работе Г.У. Солдатовой и Е.И. Рассказовой мотивация интернет-пользователей рассматривается как структурный компонент правовой компетентности [164]. Цифровая компетентность не только определяет текущий уровень знаний о цифровой среде, но и определяет готовность и направленность на дальнейшее освоение сетевых практик, включая сферу коммуникации. Авторы выделяют общую и специфическую мотивацию. Общая отражает понимание важности цифровой грамотности и готовность ее повышать. Специфическая же связана с постановкой конкретных целей и задач, возникающих при активном использовании сети. Для подростков характерен разрыв: при высокой общей готовности специфическая мотивация может оставаться, что напрямую связано с проблематикой кибербуллинга. Именно мотивационные основания определяют, будет ли коммуникация строиться на основе кооперации или давления и унижения. Исходя из исследований авторов, среди ключевых мотивов выделяются доминирование и развлечение, а сами действия реализуются через стратегии исключения или преследования. Таким образом, при смещении мотивации общения в сторону доминирования возрастает вероятность перехода коммуникативного поведения в форму кибер-агрессии [165]. Развитие мотивации к ответственному использованию цифровой среды является ресурсом ее профилактики.

Отсюда следует, что кибербуллинг может выступать явлением, которое возникает на пересечении технически опосредованных условий общения и социально-психологических механизмов. Виртуальное пространство при

буллинге облегчает агрессору способы воздействия на другого пользователя, а для жертвы повышается риск длительной фиксации травмирующего опыта, именно через повторяемость, публичность и прикрепление ярлыков к виртуальному образу.

Одними из ключевых исследований в области изучения коммуникативного поведения являются работы И.С. Лучинкиной [114, 107]. Коммуникативное поведение в виртуальном пространстве рассматривается как самостоятельный предмет психологического анализа, поскольку сеть выступает средой, с помощью которой закрепляются нормы взаимодействия и формируются устойчивые способы самопрезентации [110]. Автор отмечает, что в виртуальном пространстве возникают специфические риски, которые способствуют нарушению коммуникации [112].

В данном подходе виртуальное пространство описывается как современный институт социализации, который расширяет социальный опыт, но одновременно создает условия для столкновения пользователей с противоречивым контентом, что усиливает межличностные конфликты.

И. С. Лучинкина предлагает рассматривать коммуникативное поведение личности как структуру взаимосвязанных компонентов, определяющих, будет ли поведение в виртуальном пространстве иметь конструктивную или деструктивную направленность [111]. Наиболее значимым автор выделяет когнитивный компонент [113]. Важно отметить, что именно когнитивные искажения могут являться результатом восприимчивости к провокациям, что оказывает влияние на коммуникативное поведение личности в виртуальном пространстве.

Продолжая анализ когнитивной составляющей, стоит обратиться к когнитивным подходам, в особенности к работам А. Бека, А. Эллиса, С.В. Молчанова, Н.Н. Поскребышевой [18, 195, 124]. А. Бек рассматривает коммуникативное поведение как производную того, как именно человек интерпретирует ситуацию взаимодействия. Эмоциональные реакции и поведение опосредуются мыслительными операциями и устойчивой схемой.

Таким образом, ошибки интерпретации фиксируются как когнитивные искажения [204, 205].

В то же время, в рамках рационально-эмотивно-поведенческой терапии А. Эллиса, ключевым регулятором переживаний выступают иррациональные убеждения [195]. Именно они усиливают и повышают вероятность деструктивных реакций при взаимодействии. Таким образом, искаженная интерпретация повышает вероятность резких оценок и способствует эскалации конфликта. Мы видим необходимость в рассмотрении когнитивной составляющей при исследовании структуры буллинга, поскольку именно то, как человек интерпретирует ситуацию позволит выявить иррациональные убеждения у каждого участника.

В работах С.В. Молчанова и Н.Н. Поскребышевой когнитивная сфера в виртуальном пространстве раскрывается через когнитивные способы переработки социальной информации, а именно то, как подросток воспринимает, декодирует сообщения и интерпретирует их [124, 125]. Авторы выделяют типы переработки, которые различаются целостностью восприятия, интерпретацией и способностью выбирать адекватные формы поведения. Агрессия становится психологически возможной, когда включается механизм морального самооправдания, игнорирования и перекладывания вины на жертву. Подобные когнитивные операции могут снимать внутренние запреты и нормализовать причинение вреда при коммуникативном взаимодействии. Виртуальное пространство усиливает это дефицитом обратной связи и размыванием границ ответственности. Поэтому когнитивный фактор становится одним из ключевых оснований при исследовании кибербуллинга [202].

Таким образом, кибербуллинг можно трактовать как частный случай деструктивного коммуникативного поведения. А когнитивные искажения облегчают приписывание негативных намерений, что упрощает и поддерживает агрессивную интерпретацию ситуации. На уровне социальной среды виртуальное пространство дополняет эти механизмы специфическими

условиями, такими как массовость, скорость распространения информации, анонимность и пр.

Следует отметить, что коммуникативное поведение в виртуальном пространстве также рассматривается с точки зрения мотивационной составляющей. А. И. Лучинкина определяет, что мотивация обуславливает выбор и характер взаимодействия с окружающими [108]. Мотивы в концепции А. И. Лучинкиной дифференцируются по способу реализации, поскольку они предполагают создание новых форм самопрезентации и взаимодействия. Для каждого мотива возможны нормативные и девиантные формы реализации. Например, инициаторам буллинга может быть свойственен мотив вклада, но он может приобретать провокационный смысл – размещение контента используется не как обмен ценным материалом, а как инструмент для подстрекательства и усиления конфронтации. Одновременно с этим, мотив репликации поддерживает анонимность и смену образов, что облегчает агрессивные действия и снижает субъективную ответственность за происходящее. У жертв буллинга может отмечаться уязвимость на уровне базовых представлений о себе. На этой основе творческие мотивы можно интерпретировать как потенциально компенсаторные стратегии поведения: восстановление субъективного контроля, поддержку самооценности или поиск более безопасного формата коммуникации в условиях кибербуллинга [106].

Таким образом, мотивационная составляющая выступает одним из ключевых оснований интернационализации и задает направленность коммуникативного поведения в виртуальном пространстве.

Продолжая анализ составляющих, отметим исследования О.В. Григорьевой, Н.В. Ванюхиной и А.С. Медведевой, рассматривающих эмоциональную сферу в виртуальном пространстве [53]. При интернет-активности у подростков меняется психоэмоциональный фон, а именно способность эмоционально реагировать в коммуникации. Авторы отмечают, что повышенный уровень раздражительности и склонность к не прямой и вербальной агрессии может создавать почву для враждебности в виртуальном

пространстве. Косвенная агрессия понимается как скрытый способ эмоциональной разрядки. Формируется риск перехода от эмоционального напряжения к агрессивно-коммуникативным практикам в сети, то есть без прямого столкновения, но с нанесением социального ущерба пользователю.

А. С. Медведева, анализируя коммуникацию в виртуальном пространстве, описывает, что эмоциональная составляющая не просто сопровождает общение, а становится его диагностическим компонентом [123]. Автор выделяется спектр негативных переживаний, которые способны проявлять пользователи при виртуальном общении (например, беспокойство, отвращение, грусть, стыд и гнев). Способность распознавать свои эмоции и отстаивать личные границы выступает защитным фактором.

Таким образом, чем лучше подросток соблюдает и удерживает свои границы, тем ниже вероятность вовлечения в активную ролевую позицию в буллинг-структуре.

Эмоционально-ценностная сфера коммуникативного поведения в виртуальном пространстве описана в работах Ю.В. Петровой, И.М. Богдановской и Е.Р. Черемоновой и др. [139, 37, 79]. Эмоционально-ценностная в виртуальном пространстве выступает системой смысловых ориентиров, которая трансформируется по мере усиления проблем использования цифровых коммуникаций. В ценностной структуре сохраняется и инвариантная ось, включающая в себя индивидуальные социальные ценности. Стремление к общественному признанию, и ориентация на удовольствие создают психологические предпосылки для инструментального использования агрессии в виртуальном пространстве как способа повысить и укрепить социальную позицию.

Таким образом, при более высокой интеграции виртуальное пространство расширяет поле вероятных сетевых рисков, в том числе и ситуации кибербуллинга.

В исследованиях, посвященных смысловой регуляции поведения в сети, коммуникативное поведение рассматривается как то, какие смыслы

приписывает пользователь в интернет-среде, какие цели считает значимыми и какими ценностями ограничивает свои действия (Р.И. Зекерьяев, В.Л. Малыгин и А.В. Прокофьева) [69, 120].

Зекерьяев Р.И. в своем исследовании показывает, что уровень интернет-активности связан с параметрами ценностно-смысловой сферы [69, 70]. По мере увеличения интернет-активности увеличивается субъективная значимость ориентации на познание и творчество, а также выраженность эмоциональной направленности, а именно – пугнической и гностической. Таким образом, для одних пользователей смысловая сфера строится вокруг поиска информации и самовыражения, а для других – вокруг рекреации и эмоционально-насыщенных взаимодействий.

В работе В.Л. Малыгина и А.В. Прокофьевой показано, что у подростков с сетевой зависимостью более гедонистический ситуативный профиль, что указывает на ориентацию «здесь и сейчас» и сочетается с меньшей удовлетворенностью самореализацией и достижением результатов [120]. В контексте коммуникативного поведения можно рассмотреть, как риск смещения мотивации на общение в сторону компенсации и получения быстрых эмоциональных подкреплений.

Исследование ценностно-смысловой регуляции в виртуальном пространстве можно найти в работах И.В. Абакумовой и А.А. Коршак [1, 56, 86, 101].

Коммуникативное поведение И.В. Абакумова описывает как смысловую регуляцию, то есть при общении не только передается информация, но и задаются рамки ее значимости [1]. Актуализируются ценности, формируется отношение к происходящему, что направляет поведение – собственное и чужое. Смысловая коммуникация понимается как намерение вступить во взаимодействие и организовать коммуникацию как ценностное взаимодействие, которое запускает рефлексивное переосмысление (новый выход в контекст понимания). Таким образом, буллинг в сети – это не только агрессия, но и управление смыслом и статусом [66]. Агрессор в виртуальном

пространстве часто действует через закрепление ярлыков, навязывание интерпретаций, что приводит ситуацию в «ценностную плоскость», отчего вовлекаются остальные. Из-за особенностей и продолжительности кибербуллинга эти смыслы быстро закрепляются к образу человека, что начинает регулировать поведение окружающих и запускает ценностно-смысловую регуляцию групповой коммуникации [56].

Подход И.В. Абакумовой позволяет видеть сетевую агрессию не как набор эпизодов, а как процесс трансляции и закрепления смыслов, который начинает управлять поведением группы.

В исследованиях А.А. Коршак смысловая регуляция в коммуникативном поведении разворачивается с помощью ценностных ориентаций, мотивационных образований и смысловых установок [86, 101]. Автор особое внимание уделяет нравственным ориентациям. Исходя из этого, коммуникативное поведение выступает как выход смысловой сферы в действие. А игнорирование нравственной настройки способствует переносу социальных форм поведения из виртуального пространства в реальное.

Таким образом, при дефиците смысло-жизненной регуляции возрастает вероятность провокативных стратегий поведения в виртуальном пространстве. Кибербуллинг легче возникает там, где моральные и конвенциональные регуляторы ослаблены, а коммуникация получает смысл развлечений, быстрого успеха, риска и борьбы

Особый интерес для нас вызывает исследование коммуникативного поведения в буллинге в реальном пространстве в работах Л.Н. Молчановой и А.В. Фоминой [126]. Коммуникативное поведение в реальном буллинге выступает типом взаимодействия в малой группе, при котором наблюдается нарушение общепринятых правил и норм общения и осуществляется выбор принятия или отвержения для удовлетворения потребности в общении [185]. Авторы подчеркивают значимость не только физической, но и вербальной травли, которая способна наносить выраженный психологический ущерб. Предложенная типология коммуникативного поведения в ситуации реального

буллинга основана на факторной структуре индивидуально-личностных особенностей участников.

Учитывая значимость вышеизложенного исследования, следует отметить, что авторами не был учтен переход реального буллинга в виртуальное пространство и то, как цифровые коммуникации получают дополнительные каналы реализации в ситуации буллинга.

В результате теоретического анализа выявлено, что коммуникативное поведение представляет собой форму социального взаимодействия на межличностном и межгрупповом уровнях, в процессе которого понимание и интерпретация информации опосредуются личностными установками участников виртуальной коммуникации [114].

1.2. Конструктивная и деструктивная направленность коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве

С точки зрения семиотических исследований, в трудах зарубежных исследователей коммуникативное поведение рассматривается в работах Ю. Хабермаса, Дж. К. Хомаса, Г. Лебона, Лд. Сулера, Дж. Шорт, Э. Уильямс, Б. Кристи и др. [91, 177, 247, 244, 206].

Продолжая развивать основные положения работы, стоит отметить, что в социологических исследованиях особый вклад в понимание коммуникативного действия и коммуникативного поведения внес немецкий философ и социолог Ю. Хабермас [213]. Автор рассматривал коммуникацию как механизм социального взаимодействия, в котором участники стремятся к конструктивно-доверительному общению и нормативности через дискурс. Последнее, в понимании исследователя, представляет собой диалог, основанный на аргументах, который позволяет выявить нормативное высказывание. Однако, стоит учесть, что если обнаружена нормативность высказываний, то из нее следует регулятивность поступков, что обеспечивает коммуникативную компетентность. Между тем, в виртуальном пространстве

коммуникативная компетентность несколько трансформируется, потому как нарушается общность дискурса. Выражается это в возможностях виртуального пространства, а именно: в анонимности пользователей, размытии границ высказываний и ответственности, что сопровождается нарушением коммуникативной этики. С одной стороны, исходя из работ автора, возможности виртуального пространства напротив должны были увеличить свободу и открытость к аргументированному общению. Однако виртуальное пространство создало такую среду, которое демократизировало возможность личности подросткового возраста к гармоничной ситуации общения. Например, при рассмотрении ситуации кибербуллинга, жертва сталкивается с тем, что агрессоры переходят к стратегическому подавлению, под видом обоснованной аргументации, со стремлением усмирить или дискредитировать личность подросткового возраста.

Таким образом, коммуникативное поведение личности подросткового возраста несколько трансформируется, поскольку создается среда, которая побуждает адаптироваться под новые реалии современного социально-психологического общества.

Вместе с тем, продолжая анализ социологических подходов, любопытно отметить исследования Дж. К. Хомаса, который уделяет особое внимание теории социального обмена в контексте структурно-функционального анализа [240]. Автор выделяет основные постулаты, исходя из которых можно предположить, что коммуникативное поведение выступает способом обмена пользой и получения вознаграждения. Существует шесть основных постулат, благодаря которым индивид получает ситуацию успеха и стремится ее повторить. Любопытно отметить, что личность подросткового возраста, которая чрезмерно часто получает поощрение и награду, испытывает «пресыщение», после которого следует депрециация этой ценности как таковой. Несомненным интересом выступает поступал агрессии, поскольку в ситуации буллинга определенные модели могут повторяться, как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Например, если поступок индивида не

вызывает реакции одобрения, а вызывает осуждение или наказание, то закономерно следует реакция агрессии, с закреплением данной ролевой модели, если она эффективна. Последняя, в свою очередь, часто свойственна позиции инициатора и помощника инициатора [87].

Исходя из анализа, мы можем предположить, что в виртуальном пространстве данная концепция имеет такой же принцип. Основное отличие будет заключаться в формах и восприятии обмена пользой и получения награждения. Например, в виртуальном пространстве часто элементами вознаграждения выступают лайки, репосты, количество друзей и подписчиков, принадлежность к определенному сообществу и т.д. В ситуации кибербуллинга, норма взаимности и получения вознаграждения окажется искаженной, поскольку инициатор или помощник будет демонстрировать элементом вознаграждения присоединение и включение в группу, а жертва не получает поддержки, отчего у нее снижается доверие к социальной системе.

Для более полной характеристики понимания коммуникативного поведения в виртуальном пространстве в контексте социологических исследований, были рассмотрены работы коллективного поведения Г. Лебона [91]. В отличие от Ю. Хабермаса, Г. Лебон не разделял идеи равенства и общности [137]. Именно в своих исследованиях автор поднимал вопросы психологии толпы и теории дезинтеграции. Последнее, в свою очередь, нашло свое отражение в современном обществе, а именно благодаря Интернету и платформам, позволяющим пользователям взаимодействовать друг с другом. Объясняется это феноменами анонимности и ощущению массовости. В виртуальном пространстве личность подросткового возраста также теряет ответственность за происходящее и включается в толпу, отчего происходит цепная реакция. В ситуации кибербуллинга агрессоры получают положительное подкрепление лайками, репостами и поддерживающими комментариями от незнакомых лиц, а пассивность или запертость наблюдателей воспринимается как безукоризненность агрессивных поступков. Все это влияет на коммуникативное поведение личности

подросткового возраста в виртуальном пространстве, поскольку осуществляется «эффект домино». Каждый последующий участник, не задумываясь о последствиях, подцепляет высказывания со стороны агрессоров и продолжает ситуацию травли. Вышеизложенное подводит нас к анализу того, что личность подросткового возраста в подобном случае, поддается закреплению когнитивных искажений и установок, которые впоследствии влияют на последующие ситуации и действия. Таким образом, формируется эффект «виртуальной толпы» в ситуации кибербуллинга.

Наряду с вышеизложенным, необходимо отметить и подход Дж. Сулера, который рассматривал коммуникативное поведение с позиции «эффекта растормаживания» в сети [177]. Ключевой особенностью данного эффекта является положение о том, что личность подросткового возраста в виртуальном пространстве начинает вести себя так, как не вела бы себя в реальном пространстве. Это сопровождается возможностями виртуального пространства, которое позволяет ослабить психологические защиты и воспользоваться некими его привилегиями. Основные из них:

– диссоциированная анонимность, которая заключается в возможности пользователей выкладывать и делиться тем, что может не являться действительностью в реальной среде; например, создать виртуальный образ, на который можно перекладывать ответственность за проступки в сети, что позволит замаскировать реальную идентичность; также данный фактор позволяет перенести проживание чувств и эмоций (например, чувство вины) на виртуальный образ, не испытывая его в реальной среде, ведь это было совершенно другой личностью – виртуальной [146].

– незримость подобна анонимности, но ключевым отличием является способность сокрыть свои реальные особенности, такие как физические, что значительно усиливает эффект растормаживания в сети, поскольку снижается значимость социального фактора; личность подросткового возраста в виртуальном пространстве способна сокрыть свой реальный возраст, внешний вид, социальный статус, что может повлиять на коммуникативное поведение,

так как повышается уверенность и обостряются стратегии поведения, в том числе и деструктивные.

– асинхронность или неодновременность выражается в возможности личности подросткового возраста контролировать ход беседы из-за временного промежутка, что значительно позволяет обдумать свой ответ, задержать обратную связь или же игнорировать оппонента; коммуникативное поведение видоизменяется, поскольку появляются новые способы, такие как троллинг, флейминг, дискуссированные разговоры с возможностью в любой момент уйти или пренебречь разговором без последствий.

– солипсическая интроекция выражается в наделении оппонента в процессе коммуникации несуществующими качествами, что в значительной степени позволяет идеализировать собеседника; виртуальная среда позволяет ощутить безопасность и эмоциональный комфорт, который значительно упрощает процесс общения и влияет на коммуникативное поведение; начинают усиливаться черты характера и стратегии поведения, которые в реальной жизни тяжело или невозможно проявить.

– диссоциативное воображение позволяет пользователям в сети применять на себе определенную роль, которая значительно влияет на коммуникативное поведение, позволяющее усовершенствовать навыки общения; пользователь в сети может воспринимать общение как ролевую игру, которую он способен отключить или контролировать; в значительной степени, если у пользователя в реальном мире нет возможности осуществлять коммуникативный компонент, он испытывает трудности, то в виртуальном пространстве он может компенсировать эти потребности, ощущая себя полноценно.

– минимизация власти позволяет стереть социальный компонент и иерархию взаимодействия, буквально опустить коммуникацию на степень равный – равному; отсюда следует, что в виртуальном пространстве пользователи способны высказывать любую точку зрения, вступать в

дискуссию с любым человеком, что в реальной жизни было бы почти невозможно сделать.

Таким образом, вышеизложенное позволяет нам перенести рассуждения на коммуникативное поведение личности подросткового возраста в ситуации кибербуллинга, поскольку можем наблюдать процессы, которые активизируются при данном способе взаимодействия. Например, асинхронность, незримость и минимизация власти позволяет ощутить безнаказанность, которая проявляется в структуре буллинга. Агрессор может переносить оскорбления на пользователя, забывая об ответственности с отсутствием страха ответной реакции.

Дж. Шорт, Э. Уильямс, Б. Кристи в своем подходе рассматривали коммуникативное поведение личности подросткового возраста в виртуальном пространстве через призму социального присутствия, которое создает у участников собственное восприятие степени важности другого человека во взаимодействии [247, 244, 206]. Виртуальное пространство, с одной стороны, лишает возможности физического контакта с другими пользователями, но с другой, этот параметр немного расширяется. За физическую составляющую отвечают аватарки пользователей, эмодзи, показатель символов «печатает» или «онлайн», аудио- и видео- сопровождение, что наполняет невербальный компонент [28]. Это следует подводить к тому, что виртуальное пространство все же имеет функцию наполнения личного и социального присутствия, что сопровождается пониманием регулирования своего поведения. Таким образом, чем больше модальностей сети задействовано, тем выше уровень социального присутствия. В контексте кибербуллинга, из-за отсутствия использования всех мультимодальностей, а наличие только текста, формируется средний или низкий уровень социального присутствия. За счет этого пользователь растворяется в безликой толпе, что порождает повсеместный кибербуллинг, с подкреплением негативных и оскорбительных комментариев в виде лайков и репостов. Таким образом, теряется ощущение

социального присутствия агрессоров и жертвы, что значительно усложняет процесс завершения ситуации травли.

В свою очередь, Дж. Уолтер в своей теории гиперсоциального общения или теории обработки социальной информации исследует возможности коммуникативного взаимодействия между пользователями при отсутствии невербальных компонентов [200]. Автор полагает, что виртуальное общение демонстрирует те же характеристики, что и реальное. Одним из ключевых факторов является самопрезентация, поскольку чем больше пользователь осуществляет коммуникацию в достаточном объеме и времени, тем незначительнее становится невербальный компонент общения, то есть он уходит на второй план. Формируется сетевое самовыражение, позволяющее отбирать только те характеристики, которые необходимо проецировать в виртуальном пространстве. В свете сказанного интересно отметить, что подобный подход ложится и на коммуникативное поведение личности подросткового возраста в ситуации кибербуллинга, поскольку у участников появляется возможность выбора тех стратегий поведения, которые будут отвечать их ролевой позиции. Например, исходя из транслируемого контента жертвы, буллер может выбрать выдержки, фразы и наиболее подходящую информацию, чтобы сознательно раскрыть слабые места и продемонстрировать их на публику, которая не вступает в защиту по различным обстоятельствам.

Таким образом, данная ситуация воспринимается жертвой, как предательство, но направленная именно на наблюдателей, которые не вступились и только закрепили социальную уязвимость жертвы. Исходя из этого, коммуникативное поведение жертвы может меняться, из-за страха публичной травли, осуждения или неодобрения, в последствии это может привести к социальной изоляции (закрытый профиль, удаление контента, скрытие комментариев и т.д.), даже внутри виртуального пространства.

Особое значение в свете новых исследований приобретают работы О.Н. Торговановой, А.Г. Горбачевой, А.А. Гнедаш и Н.А. Рябченко, посвященные

социологическим исследованиям направленности коммуникативного поведения личности пользователя в виртуальном пространстве [179, 49, 48].

О. Н. Торгованова предлагает рассматривать коммуникацию в Интернете, как особый виртуальный дискурс – форма речевого взаимодействия, локализованная в сетевых коммуникациях [179]. По мнению автора, виртуальный дискурс перенимает элементы реального дискурса. Однако принципиальным отличием является анонимный характер коммуникативного взаимодействия, который порождает каузальность социальных устоев, что значительно влияет на конструктивное и деструктивное проявление себя в виртуальной среде. Например, в ситуации кибербуллинга, личность подросткового возраста может поддаваться нападкам фрагментированных высказываний, которые разбросаны по различным веткам чатов каналов и обсуждений от других пользователей. Сохраняется анонимность и реализуется «эффект дрейфа целей», благодаря которому личность подросткового возраста переходит с одной категории нападков на другую. Например, агрессор, оскорбляя внешность, может впоследствии разговора перейти на саму личность, ее национальность, этнос, пол и религию.

А.Г. Горбачева различает конструктивную и деструктивную направленность коммуникативных практик в виртуальном пространстве [49, 50]. Под деструктивными практиками автор отмечает троллинг, который является частью элемента, оттягивающего ресурс из реального в виртуальное пространство. Троллинг не имеет выраженных конструктивных практик коммуникативного взаимодействия, поскольку направлен на то, чтобы пользователь в сети испытывал ряд негативных эмоций. Конструктивная направленность имеет обратный характер и выражается в стремлении поддержать жертву нападков, вступить в конфронтацию с обидчиками и регулировать правила поведения в виртуальном пространстве. Однако автор учитывает, что возможности виртуального пространства очень расширены.

Конструктивным и деструктивным может быть способ взаимодействия, а не сама личность подросткового возраста, которая используют эти практики.

В свою очередь, любопытно отметить, что в ситуации буллинга в виртуальном и в реальном пространстве существует необходимость рассмотрения коммуникативных стратегий поведения личности подросткового возраста по типу конструктивной и деструктивной направленности. Поскольку при анализе исследований буллинг-структуры отмечается ограниченное количество исследований, учитывающих когнитивно-поведенческие стратегии коммуникативного поведения в ситуации буллинга у личности подросткового возраста.

А.А. Гнедаш и Н.А. Рябченко в своих исследованиях анализируют как деструктивные практики формируются, распространяются и чем поддерживаются в виртуальном пространстве [48]. Описана механика обратной связи, которая основана на технологии «краудсорсинга» и является связующим звеном между реальным и виртуальным пространством. Способ позволяет реализовать цели с помощью ресурсов сети. Одной из таких целей являются деструктивные практики, к которым можно отнести троллинг. Авторы классифицируют троллинг на два вида: осмысленный и неосмысленный. К формам осмысленного троллинга относятся: отступление от темы, критика, антипатия, доксинг и сталкинг. Данная форма общения служит инструментом для стихийного смещения фокуса внимания пользователей на жертву нападок.

В виртуальном пространстве нет четкого урегулирования, поддержания и развития конструктивных практик, в особенности в общении между подростками. Отчего следует, что для личности подросткового возраста троллинг в общении может показаться наиболее увлекательным занятием, поскольку используются локальный речевой эпитет, позволяющий определенной группе лиц понимать друг друга. Стоит отметить, что одним из таких факторов становится понимание шуток, высказываний и мемов из виртуального в реальном пространстве. Важной в подростковом возрасте

становится принятие и одобрение от референтной группы сверстников, отсюда следует и принятие ее правил, законов и ритуалов. Подросток, который отличается или не принимает правила сообщества склонен быть исключенным из группы, либо подвержен нападкам со стороны сверстников [242].

В этой связи в зарубежной и российской психологии разворачиваются исследования, посвященные деструктивной коммуникативной направленности личности подросткового возраста в виртуальном пространстве [80, 81, 121, 142, 62, 63, 207, 218].

В трудах зарубежного исследователя К. Томаса была описана модель регулирования конфликтов [217, 80]. Модель представляет собой описание поведения в конфликте путем пяти основных стратегий. Исследование во многом базируется на классификации тактик эскалации и дэскалации конфликтных взаимодействий, позволяющих выбирать конструктивный паттерн поведения. Личность подросткового возраста, используя возможности виртуального пространства, может прибегать к деструктивной направленности коммуникативного поведения по типу соперничества либо избегания, игнорируя компромисс и сотрудничество [61].

Вышеизложенный подход демонстрирует общую направленность с исследованиями М. Дойча о конструктивных и деструктивных способах разрешения конфликтных ситуаций [207]. Показано, что совместные способы выхода из конфликтов, доверие между участниками и ориентация на общую цель приводят к конструктивной направленности коммуникативного поведения. В то время как деструктивная спираль ведет к эскалации и разжиганию травли. В виртуальном пространстве конструктивная направленность может быть закреплена путем модерации третьим лицом и этическим нормам взаимодействия между пользователями.

В.Д. Лабов и последователи описывают ритуал, который свойственен подростковым сообществам [218]. Ритуал выступает в форме взаимных оскорблений (социальной игры), в которой присутствует иерархия группового общения. В подростковых сообществах в виртуальном пространстве подобные

коммуникативные обмены пересекают границу социальной игры и нормализуют деструктивную направленность коммуникативного поведения. Таким образом, исчезают нормы речевых практик, что повышает риск экспансии буллинга в виртуальном пространстве.

Дальнейшее развитие идей можно найти в работах российских авторов Г.У. Солдатовой и Е.И. Рассказовой [164, 165, 166]. Исследовали деструктивные формы взаимодействия подростков в виртуальном пространстве, а именно: кибербуллинг, троллинг, хейтинг и киберсталкинг. Авторы утверждают, что данные формы следует рассматривать с точки зрения новой социальной ситуации развития. Виртуальное пространство выступает средой социализации для личности подросткового возраста, направляет вектор коммуникации и способности совладать с угрозами. Общим для данной позиции является связка реального и виртуального пространства. В работе было уделено особое внимание цифровой компетентности, благодаря которой личность подросткового возраста наиболее реалистично может оценивать угрозы и быть адаптивной при столкновении с ними.

Поскольку реальное пространство нередко опережает виртуальное по уровню неблагоприятных ситуаций (буллинга, сталкинга, моббинга, шантажа, угроз и пр.), то личность подросткового возраста может использовать коммуникативную направленность как деструктивного плана, так и конструктивного [25]. В свою очередь, ролевая позиция буллинг-структуры может пересекаться в реальном и виртуальном пространстве, но также может быть совершенно противоположной. Таким образом, было отмечено малое количество работ, посвященных исследованиям перехода ролевой позиции участников буллинга из реального пространства в виртуальное.

Особое значение в свете новых задач приобретают исследования ненормативности коммуникативного поведения в виртуальной среде в работах Т. Хирши, Ш. М. Берна, Р.К. Мертона, А.И. Лучинкиной, И.С. Лучинкиной, Т.В. Юдеевой, Л.Н. Молчановой и А.В. Фоминой и др. [215, 22, 223, 99, 100, 64, 197, 184]

Зарубежным исследователем Т. Хирши был сделан акцент на девиантности, как слабости социальных связей, а именно привязанности, вовлеченности и обязательства [215]. В виртуальном пространстве происходит «сдерживание» связей путем анонимности, низкого контроля взрослых, разрывом с институтами социализации из реального пространства. У личности подросткового возраста, для которой связь со взрослым незначительна и социальной институт недостаточно устойчив, может проявляться принятие ненормативной коммуникации в виртуальном пространстве. Исследование полагало, что привязанность к институтам социализации из реального пространства предсказывает меньшую степень вовлеченности к участию в деструктивной коммуникации в виртуальном пространстве.

В свою очередь, Р.К. Мертон связывает деструктивную направленность поведения с рассогласованием социально-культурных целей и правомерных средств достижения [223]. В виртуальном пространстве символические цели, такие как количество подписчиков, реакция на контент, доступны всем, в то время как правомерные способы ограничены ресурсами и обладаемыми компетенциями. Таким образом, подростки чаще выбирают «инновационные» стратегии. Это могут быть как конструктивные способы, так и деструктивные, позволяющие ускорить получение статуса. В последнее время мы можем наблюдать повышенный уровень интереса к деструктивной направленности контента среди лиц подросткового возраста, среди которых «треш-блогеры», нормализующие провокацию, хейт или травлю в сторону себя или других пользователей сети [211].

В контексте приведенных подходов особое значение приобретают исследования А.И. Лучинкиной, которая обозначает различия нормативной и девиантной интернет-социализации, описывает условия, при которых интернет-пространство может выступать фактором актуализации социальных рисков и девиантных практик [100]. Участие пользователей в деструктивных практиках формирует ошибочное представление о безнаказанности и исключительности интернет-среды. Ведущими мотивами при девиантной

форме реализации становятся мотив личного пространства, обозначенного присутствия и репликации. Когда коммуникация в сети опирается на мотивы доминирования или агрессии, то она переходит в провокацию, унижение или травлю. Когда жертва чаще ориентирована на помощь, то агрессор чаще направлен на доминирование – это задает новые стратегии конфликтной онлайн-коммуникации [99, 105, 106].

Последующее развитие данной проблематики представлено в работах И.С. Лучинкиной, работы которой посвящены психологическим особенностям коммуникативного поведения в интернет-пространстве и отклонениям в ходе интернет-социализации [111]. Выявлено, что специфика виртуального пространства, а именно размытие сетевых норм, анонимность и опосредованность, формируют условия для деструктивных паттернов коммуникаций. Следует отметить, что личность подросткового возраста демонстрирует уязвимость из-за незрелости социально-психологических механизмов регуляции поведения и поиска своей идентичности, согласно возрастной периодизации. Исследования автора подчеркивают необходимость методологически корректного учета виртуальной коммуникации при анализе деструктивных направленностей личности подросткового возраста.

В научной литературе широко обсуждается вопрос мотивации деструктивного коммуникативного поведения подростков в социальных сетях, который исследовала Т.В. Юдеева [197]. Автор акцентирует внимание на анонимности и не предъявлении физического Я. Нормализация деструктивной направленности в сети, а именно использование ненормативных практик в общении, является условием группового давления среди подростков. Направленность на то, как тебя оценит группа сверстников, и выгода от статуса могут усиливать готовность к включению в буллинг-структуру. А сниженная зримость последствий содействует устойчивости паттернов поведения. Отсюда следует укоренение девиантных норм поведения среди подростков в виртуальном пространстве [180].

Л.Н. Молчанова и А.В. Фомина выделяют типологию коммуникативного поведения обучающихся в ситуации реального буллинга, которая детерминируется системой взаимосвязанных индивидуально-личностных факторов, проявляющихся в зависимости от социометрического статуса [184]. Типы коммуникантов выделяются ведущими психологическими основаниями, а именно: необщительный, унылый, невнимательный, напряженный и др. Коммуникативное поведение в ситуации реального буллинга обуславливается совокупностью внутренних и внешних детерминант. К числу внутренних относятся индивидуально-психологические характеристики личности, представленные самооценкой, уровнем тревожности, агрессивностью и сензитивностью, тогда как внешние детерминанты включают возрастные, гендерные и социометрические параметры [126].

Вместе с тем, полученные результаты не описывают в полном объеме коммуникативную направленность личности в ситуации виртуального буллинга.

Подобный взгляд разделяют, и другие исследователи в рассмотрении вопроса троллинга в виртуальном пространстве. В частности, Р.А. Внебрачных, Е.И. Булатова, Л.Л. Гриценко и др. [38, 32, 54, 109, 128].

Р.А. Внебрачных отмечает, что изначально троллинг не относился к компоненту научного дискурса, поскольку зародился и закрепился между пользователями в виртуальном пространстве самостоятельно [38]. Устанавливается специфическая субкультура троллинга, основной целью которого является нормирование эксцесса в общении между пользователями. Формируется стимул, с помощью которого личность удовлетворяет потребность почитания и самореализации, поскольку тролль становится центральным звеном коммуникативного общения. Автор предлагает следующую типологию ролевого поведения тролля:

1. Тролль-комментатор максимально монополизирует внимание окружающих, прибегает к псевдо-эрудиции или убедительному ответу, что

способствует снижению конструктивного взаимодействия между пользователями. Таким образом, у подростков в виртуальном пространстве это формирует норму «говорит один – остальные молчат», что облегчает переход кибербуллинга в адрес неуверенных участников коммуникативного взаимодействия.

2. Отличительной чертой тролля-провокатора является выраженная форма агрессивного поведения; такой пользователь навязывает собственную позицию, опровергает постороннее мнение и целенаправленно провоцирует агрессию. У личности подросткового возраста это может усиливать статусную поляризацию «свой/чужой». При этом общение переходит в постоянную эскалацию конфликта, что может поддерживать или повышать групповую травлю в сети.

3. Тролль герой-любовник выбирает наиболее агрессивную форму взаимодействия, поскольку присутствует конкуренция за внимание; коммуникация смещается с одной цели на межличностные игры, где доминирует агрессия. В подростковой среде это может стать причиной романтизации конкуренции, что способствует символическому исключению «невовлеченных» пользователей, которые не соответствуют нормам группового поведения.

4. Тролль-советчик под видом конструктивной помощи распространяет бессодержательные советы. Пользователь вовлекается в конфликт, опровергая ответы тролля, чем провоцирует флейминг. В подростковом сообществе это легитимирует наказание жертвы в виде бана и исключения из виртуального сообщества.

Сходным образом Е.И. Булатова представляет троллинг как систематическое избегание подлинности, а именно использование анонимности и мотива воплощения в роль [32]. Подобная маскировка перераспределяет ролевое поведение пользователей в сети. У личности подросткового возраста может усиливаться экспериментирование с идентичностью в виртуальном пространстве, что нормализует агрессивное

поведение. Это, в свою очередь, может запустить устойчивый эпизод буллинга в адрес тех, кто не владеет подобными тактиками. Таким образом, автор выделяет два типа троллинга:

– «толстый» троллинг подразумевает откровенные провокации, которые рассчитаны на быстрый эмоциональный отклик у пользователей; для подростка это может сформировать некий «короткий контур» буллинга, то есть быстрое вовлечение наблюдателей для завоевания внимания и статуса.

– «тонкий троллинг» – скрытая форма провокации в виде компетентности, которая может быть формально допустимой; среди подростков это повышает риск длительной травли, поскольку агрессивные нормы закрепляются как нормативный стиль коммуникации.

Наряду с вышеизложенными подходами внимание привлекает исследования моббинга в виртуальном пространстве в работах Е.Н. Бондаревой, А.И. Морозовой и Е.А. Лучиной [27, 98]. Эти подходы объединяют внимание к исследованию образовательного моббинга, как элемента групповой травли. Отличительной особенностью моббинга от буллинга является возрастные особенности участников конфликтного взаимодействия. Поскольку образовательное учреждение включает в себя не только обучающихся, но и педагогов, то стоит обратить внимание на устойчивые ролевые структуры, которые впоследствии могут переходить в виртуальное пространство. Устойчивая ролевая структура подразумевает под собой вступление в коалиции, набеги, шейминг, эйджизм и пр. Е.А. Лучина выделяет два вида моббинга [92]:

– вертикальный, когда издевательства направлены на подчиненного от вышестоящего лица; в подростковой среде им может выступать учитель, директор или другой педагог.

– горизонтальный моббинг может подразумевать издевательства от коллектива сверстников, коллектива работников, родителей, педагогического персонала и пр.

Отсюда следует, что отличительной чертой является то, что причина конфликта уходит на второй план, в то время как причиной агрессии становится сама личность жертвы.

Таким образом, на основе работ, рассматривающих исследование деструктивных форм поведения и коммуникации в виртуальном пространстве обоснована актуальность комплексного рассмотрения взаимосвязи мотивационных оснований и коммуникативных проявлений личности в ситуации буллинга. Отмечено, что изучение указанных аспектов является значимым для углубления представлений о формировании ненормативного поведения в ситуации кибербуллинга. Вместе с тем, полученные результаты не описывают в полном объеме коммуникативную направленность личности в ситуации виртуального буллинга.

1.3. Конструктивные и деструктивные формы коммуникативного поведения личности подросткового возраста в условиях виртуального буллинга

Значимый вклад в развитие исследований буллинга в зарубежной психологии внесли труды Д. А. Лэйна, А. Пикаса, К. Ригби, П.П. Ханейманна и др. [117, 222, 233, 234, 235, 214, 210].

Д. А. Лэйн один из первых выдвинул идеи, согласно которым проблема школьной травли впервые была систематизирована [117]. Определена роль личностных и семейных условий. Описана структура, исходя из которой выделены основные факторы буллинга как социального явления. К таким факторам относятся: прогнозирование поведения в будущем, роль влияния психологических особенностей на предпочитаемый стиль поведения, роль неблагоприятных факторов на вовлечение в травлю, позиция школы и семьи [243]. В исследованиях были описаны роли участников буллинга, включающие агрессора, жертву и свидетелей. Одним из первых Д. Лэйн обратил внимание на концепцию вмешательства, коррекции и

профилактических мер по работе с данным явлением [222]. Подход представляет несомненный интерес для исследований, поскольку динамика и модели ролевого поведения, описанные автором, транслируются в виртуальном пространстве.

Благодаря исследованиям П.П. Хайнеманна групповая травля рассматривалась как социально обусловленный процесс [214]. Автор впервые использовал термин «моббинг», чтобы обозначить проблему травли в подростковой среде. Исследования фокусировались на описании и систематизации форм взаимодействия между лицами подросткового возраста, которые переходили границы конструктивной коммуникации.

Теоретические положения, изложенные К. Ригби, стали основой для последующих исследований в области буллинга среди подростков [235]. Автор описывал практики вмешательства, позволяющие предотвратить ситуацию травли среди лиц подросткового возраста. Основные направления работы заключались в двух способах, среди которых: профилактика и реактивное вмешательство [72]. В основу исследований легли факторы риска и защиты, которые мы можем наблюдать в виртуальном пространстве (модерация, правила поведения в сети, реакция на символы и выражения). В современных исследованиях отмечается эффективность метода групповой поддержки, который способствует разделению ответственности между участниками буллинга.

А. Пикас также описывал метод разделенной ответственности, благодаря которой в будущем были построены программы профилактики и коррекции данного явления [233]. Процедура представляла собой многоэтапную работу с участниками буллинга и формирование у них принятия общей ответственности за происходящее. Таким образом, реализовывался совместный план прекращения травли в группе. С активно вовлеченными были проведены индивидуальные беседы, исходя из моделей «агрессор-жертва». Результаты исследования позволяют включать в буллинг-структуру свидетелей и активных участников данного процесса, поскольку

именно роль наблюдателя часто определяет устойчивость и долговременность процесса травли [234].

Таким образом, в зарубежных исследованиях впервые была систематизирована и описана проблема подростковой травли в образовательной среде. Однако наблюдается отсутствие исследований, учитывающих роль психологических особенностей участников буллинг-структуры и коммуникативной направленности личности подросткового возраста в реальном и виртуальном пространстве.

Обозначенное понятие следует рассмотреть в контексте широкой системы научных знаний среди российских исследователей, а именно И.С. Кона, В.Р. Петросянца, А.А. Реана, Г.В. Сорокоумовой, О.Л. Глазман и В.С. Зуевой, К.С. Шалагинова, А.В. Фоминой и др. [82, 140, 168, 15, 193, 21]

И.С. Кон особое внимание уделяет подростковому возрасту как этапу активного формирования образа Я [82]. Самосознание личности складывается во взаимодействии с окружающими, именно благодаря оценке и ожиданиям от референтной группы. С учетом виртуального пространства «социальное зеркало» расширяет поле, с помощью которого подросток может сформировать самовосприятие. Например, лайки, комментарии, обратная связь могут усиливать зависимость мнения подростка и провоцировать конформизм к нормам, присущим в виртуальном пространстве. Чрезмерно повышенное внимание может увеличить риск уязвимости пользователя в сети.

Например, отличительной особенностью кибербуллинга является масштабное и длительное унижение от незнакомых людей. В свою очередь, при незрелости механизмов эмоциональной и волевой регуляции, личность подросткового возраста может столкнуться с трудностями психологического и физического характера (низкая самооценка, избегание социальных связей, апатия, тревога, нарушение сна и пр.) [83].

А.А. Реан сформировал подход, согласно которому буллинг рассматривается как широкое асоциальное проявление, в котором акт агрессивности как свойство, и акт агрессии имеют разную трактовку [].

Впервые была отмечена разноплановость работы. С одной стороны, существовала необходимость работы с коммуникативными установками педагогов, с другой – с коммуникативными навыками обучающихся в школах. Исследование позволило выделить интересную закономерность, поскольку выявлена кумуляция рисков личности подросткового возраста, сталкивающейся с ситуацией буллинга. Таким образом, автор задал вектор для дальнейших исследований, где существует необходимость рассмотрения связи ролевой позиции и ее перехода из реального пространства в виртуальное.

В.Р. Петросянц делает акцент на диагностике ролевой позиции личности в подростковом возрасте и ее психологических особенностях [140]. Автор описывает взаимосвязь компонентов жизнестойкости и ролевой позиции участников буллинг-структуры. Психологическая поддержка и совладание, как элементы жизнестойкости, могут служить готовностью подростка к конструктивному риску, а именно обращению за помощью и повышению когнитивно-поведенческих стратегий преодоления ситуации. Существует проблема расхождения взглядов взрослых и детей на масштабы и формы буллинга. Профилактика травли в образовательной среде позволяет выровнять представления о явлении и оказать поддержку всем участникам буллинг-структуры [141].

Среди российских исследователей впервые описывает устойчивую ролевую модель буллинга О.Л. Глазман [47]. Автор фиксирует психологические различия ролевых позиций у агрессоров, жертв и наблюдателей. Учитывает связь показателей с ролевыми моделями. Среди основных особенностей у обидчиков присутствует внешне направленная враждебность и выраженный уровень превосходства. У жертв: тревожность, сниженная самооценка и низкая социальная активность. Свидетели варьируют стратегии между конформизмом/невмешательством и просоциальным поведением. В исследовании учитывается, что для личности подросткового возраста важен социальный статус и качество взаимодействия с группой

сверстников, отсюда следует, что в коррекционно-профилактическую модель необходимо включать всю группу, задействованную в ситуации травли.

В.С. Зуева и Шамаев А.Н. акцентируют внимание на роли педагога-психолога как активного участника в профилактике буллинга в ученических группах [73]. Выделяются социально-психологические особенности агрессоров, жертв и наблюдателей, исходя из которых описывается ролевая триада в контексте образовательного буллинга. Особое внимание авторы уделяют групповым санкциям, с помощью которых агрессор воздействует на жертву. Низкий социометрический статус может стать причиной устойчивости травли в групповой практике.

А. В. Фомина рассматривает коммуникативное поведение в буллинге как тип взаимодействия в малой группе, при котором наблюдается нарушение общепринятых правил и норм общения и осуществляется выбор принятия или отвержения для удовлетворения потребности в общении [126].

Таким образом, анализ российских исследований позволил определить, что психологические особенности выступают лишь модуляторами, но исход групповой травли определяется нормами, установленными коллективом. Следует отметить, что в таком случае мы говорим о конструктивных и неконструктивных когнитивно-поведенческих стратегиях преодоления ситуации травли у подростков, которые остались за пределами исследования на настоящем этапе.

Следующее направление исследований посвящено работам российских авторов, посвященным кибербуллингу в виртуальном пространстве (А.А. Бочавер, К.Д. Хломов, Е.Н. Волкова, И.В. Волкова, Г.У. Солдатова, Ярмина А.Н. Д.Н. Погорелов, А.А. Баранов и др.) [31, 30, 42, 43, 162, 143, 2, 16, 17].

А.А. Бочавер и К.Д. Хломов подчеркивают специфику кибербуллинга как формы буллинга, которая не ограничивается временными промежутками [30, 31]. Особенностью кибербуллинга является анонимность, постоянная доступность преследования, отсутствие своевременной обратной связи от

жертвы и неограниченное количество аудитории. Кибербуллинг объединяет в себе типичные виртуальные практики, основные из них [29, 129]:

- флейминг – это кратковременный, но интенсивный конфликт, содержащий оскорбительные реплики; часто разворачивается среди широкой аудитории; наблюдается устойчивое преследование;

- гриферство – это намеренная ликвидация игрового процесса с помощью блокировки ресурсов и спама; используется для причинения вреда досугу других игроков; зачастую направлен на менее опытного пользователя; особое значение имеет иерархия навыка или статуса игрока;

- троллинг представляет собой провокацию с желанием вызвать яркую реакцию и унижить другого пользователя;

- дениграция – это намеренная публикация клеветы и фэйковых материалов, которые подрывают репутацию жертвы среди остальных пользователей;

- аутинг – это публичное разглашение личных данных или выманивание информации путем последующей публикации;

- имперсонация – это выдача себя за другого человека; чаще используется взлом аккаунта для нанесения вреда репутации или выманивания материальных или иных благ;

- секстинг – это слив откровенных изображений, пересылка интимных данных, распространение их среди других пользователей;

- киберсталкинг – это навязчивое преследование, угроза с вариантом перехода в реальное пространство;

- остракизм (исключение) – это форма реляционной агрессии, с целью исключения пользователя с значимого для него канала, чата или игровой гильдии.

Таким образом, высокая вовлеченность в виртуальном пространстве и низкий уровень цифровой компетентности могут послужить причиной сокрытия инцидентов от взрослых, что в значительной степени осложняет степень уязвимости подростка в сети.

Е.Н. Волкова и И.В. Волкова отмечают, что ролевая позиция в кибербуллинге зависит от предыдущего участия в буллинге в реальном пространстве [42]. Результаты исследования позволили определить, что в кибербуллинге позиция зачинщика свойственна личности подросткового возраста, которая в реальном пространстве занимала неопределенную позицию. Личность подросткового возраста с ролью жертвы и инициатора в виртуальном пространстве реже вовлекается в процесс кибербуллинга. Таким образом, авторы выдвигают предположение, что подросткам свойственна попытка применения ненормативного поведения в виртуальном пространстве как способу исследования новых паттернов социального поведения [43, 44].

Подробное описание ролевой структуры кибербуллинга можно наблюдать в исследованиях Г.У. Солдатовой и А.Н. Ярминой [169]. Авторы предлагают интегрированный анализ, в котором осуществляется сравнение между кибербуллингом и буллингом. Онлайн-травля выступает как намеренное и повторяющееся преследование жертвы в виртуальном пространстве, с использованием различных способов (флейминг, троллинг, шейминг, киберсталкинг и пр.). Ролевая структура описана как динамическое явление, в котором выделены основные позиции: жертва, наблюдатель, помощник агрессора, защитник жертвы и хамелеон. Последняя ролевая позиция отличает авторскую структуру от других. Роль хамелеона позволяет подростку быстро коммутировать между ролями агрессора, жертвы и наблюдателя.

Подход Г.У. Солдатовой и А.Н. Ярминой расширяется наличием типологии стратегий совладания с виртуальными рисками [199]:

– избегающе-блокирующая стратегия представляет собой изоляцию, благодаря которой можно предотвратить ситуацию кибербуллинга; однако способ эффективен только в виртуальном пространстве, поскольку в реальном пространстве травля продолжается;

– коммуникативная стратегия представляет собой форму обращения к значимым взрослым и друзьям; при повышенной социальной поддержке способ может оказаться эффективным;

– проблемно-ориентированная стратегия нацелена на обращение к администрации площадки, сбор доказательств травли, обращение к службам помощи.

По мнению ученых, последняя стратегия применима в том случае, когда личность обладает высоким уровнем цифровой компетентности и сниженным уровнем рассогласованности с цифровым самоповреждением.

В работах в А.В. Ларионовой сетевые риски описываются через феномен деструктивной коммуникации и то, как они влияют на субъективное ощущение безопасности в реальном пространстве [89]. В цифровой среде возникают новые практики активности с потенциально разрушительным содержанием, которые способны становиться источником психологических рисков для молодежи. Опыт столкновения с деструктивным общением распространен, однако доминируют пассивные стратегии самообладания, а именно игнорирование и наблюдение [130].

С.В. Чигарькова фокусируется на кибер-агрессии, которая обладает выраженным и длительным психологическим эффектом. Автор выделяет и сравнивает опыт подростков в отношении форм кибер-агрессии, показывая, что для подростков столкновения, преследование и травля в интернете встречаются часто и в ряде возрастных групп достигают очень высоких значений. Таким образом, сетевые риски интерпретируются как продукт цифровой социализации, где именно коммуникативная деятельность становится центральной зоной уязвимости [166].

А.Г. Горбачева противопоставляют конструктивные и деструктивные коммуникативные практики [49]. В качестве деструктивных практик в виртуальном пространстве упоминаются, в частности, троллинг, а также публичные разглашения конфиденциальной информации. Таким образом, кибербуллинг может выступать не как отдельный эпизод, а как узловая форма

сетевых рисков коммуникативного типа. Поскольку кибербуллинг возникает на фоне деструктивных практик и поддерживается особенностями виртуального контекста. А усиление и длительность процесса осуществляются благодаря пассивным стратегиям реагирования и нормализации агрессивных стратегий поведения. Характеристики коммуникативного поведения в сети становятся психологическим мостом от общих сетевых рисков к устойчивым траекториям травли [50].

Д.Н. Погорелов рассматривает буллинг в виртуальном пространстве, в свою очередь, как форму киберагрессии в социальных сетях и других онлайн-площадках, усиливаемую анонимностью и ощущением безнаказанности и проявляющаяся через публичные и личные сообщения [143].

Таким образом, идеи авторов формируют важную теоретическую предпосылку для дальнейших исследований перехода ролевой позиции личности из реального пространства в виртуальную среду. Однако за рамками таких исследований остается рассмотрение направленности коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве.

Продолжая анализ проблемы исследования, следует отметить тему конфликтных взаимодействий в подростковой группе (Ю.А. Бабенко, А.В. Груша, Д.Н. Соловьев, А.Г. Береснева и др.) [11, 171, 145].

Ю.А. Бабенко и А.В. Груша в своих исследованиях раскрывают тему конфликтной некомпетентности [11]. Последняя коррелирует с выбором неконструктивных стратегий коммуникативного поведения, вследствие чего повышается уязвимость вовлечения в деструктивные сообщества. Низкая компетентность усиливает шанс вступления в конфликтные взаимодействия, в том числе и в буллинг в виртуальном пространстве. В дальнейшем прослеживается толерантность к деструктивному способу взаимодействия, что приводит к закреплению подобного паттерна уже во взрослом возрасте. Исследования подтверждают, что конфликтная некомпетентность формируется исходя из семейного типа воспитания.

В то же время Д.Н. Соловьев рассматривает буллинг как вариант деструктивного конфликтного взаимодействия [170, 171]. В случае, если педагог или администрация школы не включены в решение ситуации травли, может усилиться характер внутригрупповой агрессии. Если в группе нет здорового ядра, нет обучающего и воспитательного элемента, то учащиеся предоставлены сами себе. В таком случае автор приводит аналогию с пауком в банке: «выживает» только сильнейший. Когда нет структуры и дисциплины, то класс сам формирует свои правила.

Таким образом, существует необходимость рассмотрения устойчивых паттернов мышления и поведения у личности подросткового возраста в ситуации буллинга и конфликтных взаимодействий. Поскольку это позволит создать программу коррекционно-профилактического сопровождения, которая позволит изменить устойчивые схемы и убеждения, влияющие на вовлечение подростка в ситуацию буллинга и кибербуллинга.

Обратимся к рассмотрению подходов к пониманию ролевого поведения подростков в ситуации конфликтов (Ю.П. Кошелева, С.Ю. Рыжкова, К.С. Шалагинова, Е.Н. Норкина и др.) [88, 155, 135, 176, 186, 57, 192, 158].

К.С. Шалагинова обозначает, что межролевой конфликт образуется в том случае, когда ролевые ожидания чрезмерно завышены, либо не соответствуют заявленной действительности [192, 193]. Можно отчетливо наблюдать теорию межролевого конфликта в виртуальном пространстве. В подростковом возрасте, в особенности в тематических группах, игровых гильдиях, социальных сетях, можно наблюдать предъявление несогласованных ролевых ожиданий при обсуждении определенной тематики, задающей ограничения в виде возрастной или гендерной характеристики. Теория находит свое отражение в исследованиях групповой динамики, поскольку личностный статус позволяет легитимировать свои действия. В буллинг-структуре, как правило, жертва не соответствует ожиданиям группы, либо неспособна или не желает соответствовать требованиям. У личности возникает проблема выбора. При условии соответствия роли, которая не

свойственна личности, возникает личностно-ролевой конфликт. Например, подросток может совершать то, что он не хочет делать, общаться с теми, с кем не хочет взаимодействовать и делать что-то против воли. При отказе от соответствия данной роли, возникает межролевой конфликт. Группа отвергает жертву и воздействует на нее, чтобы она соответствовала ролевому поведению.

С.Ю. Рыжкова определяет ролевое поведение как единство социальной и личной роли [155]. Если Ю.П. Кошелева указывает на особенности ролевых конфликтов, то С.Ю. Рыжкова подчеркивает роль приписываемых (атрибутивных) ошибок. Ролевое поведение реализуется опосредованно и непосредственно. В виртуальном пространстве опосредованная коммуникация усиливает атрибутивные ошибки, исходя из чего происходит рассогласование ожиданий.

В работах, связанных с диагностикой ролевого участия в буллинге, Е.Г. Норкина предлагает рассматривать буллинг как групповую систему взаимодействия со стабильным распределением функций между участниками [135]. Выделяются пять ключевых позиций, а именно: инициатор, помощник инициатора, защитник жертвы, жертва и наблюдатель. Каждая роль описывается через типичные эмоциональные маркеры и поведенческие реакции. Таким образом, буллинг можно описать как коммуникативную ролевую динамику, в которой инициатор и помощники задают агрессивную норму общения, а наблюдатели своим молчанием или поддержкой легитимируют происходящее [229]. Защитники же вводят альтернативные социальные правила коммуникации. В виртуальном пространстве буллинг-структура воспроизводится, но усиливается особенностями цифрового общения, а именно публичностью и дистанцией. Благодаря чему ролевые стратегии закрепляются быстрее и легче переходят в масштабы кибербуллинга.

Таким образом, отмечена необходимость рассмотрения когнитивных и иррациональных установок личности подросткового возраста при

взаимодействии с пользователями и участниками буллинга в виртуальном пространстве.

В последнее время особое внимание ученых было сфокусировано на исследованиях конфликтов в образовательных организациях (Е.В. Бушина, А.М. Каримова, М.А. Новикова, А.А. Реан, Г.В. Сорокоумова, И.А. Коновалов и др.). [34, 59, 131, 168, 132]

Е.В. Бушина и А.М. Каримова в своих исследованиях показали взаимосвязь аккультурации и ситуации школьного буллинга среди российских подростков [35]. В рамках исследования социокультурного подхода выявлена закономерность того, что иммигранты являются более уязвимой группой, в то время как этническое большинство выступает в доминирующей роли. Преобладает мнение, что личность подросткового возраста, обладающая низкой социальной компетентностью, не умеет устанавливать доверительные контакты и чаще других попадает в ситуацию травли. Исследование подтвердило, что порой сама жертва придерживается такого мнения, отчего происходит самовиктимизация. В особенности, если подросток-иммигрант плохо или недостаточно хорошо владеет русской речью, то в большинстве случаев становится мишенью для насмешек. В этот момент наблюдается этническая ассимиляция: подросток отказывается от своей культуры и причисляет себя к большинству, у которых есть власть. При отказе от своей культуры у подростков наблюдается повышенный уровень фрустрации и агрессии [241]. В виртуальном пространстве культурная дистанция повышает уровень сетевой агрессии, которая сопровождается флеймингом или шовинизмом.

М.А. Новикова, А.А. Реан и И.А. Коновалов исследовали распространенность буллинга в образовательной среде и определили его взаимосвязь со школьным климатом [134, 148, 149]. Буллинг всегда разворачивается в определенном социальном контексте, которым выступает школьный климат. Под школьным климатом подразумевается конструкция, включающая в себя чувство принадлежности к сообществу, ощущение

безопасности, особенность взаимоотношений по типу «ученик – ученик», «ученик – учитель» и т.д. В подростковом возрасте нормы ожидания от сверстников особенно чувствительны. Об этом свидетельствуют особенности построения взаимоотношений со взрослым (педагогом), ощущение справедливости по отношению к миру и мира к тебе. В случае, если в школьном климате нормой становится деструктивная направленность коммуникативного взаимодействия, то существует риск переноса этих норм в виртуальное пространство. При других случаях именно виртуальное пространство выступает климатом, поддерживающим безопасность и доверительное взаимодействие с другими пользователями. Однако существует необходимость определения, с учетом какой ролевой позиции осуществляется потребность обращения к виртуальному пространству у личности подросткового возраста, подверженной ситуации травли в образовательном учреждении [228].

В исследованиях Г.В. Сорокоумовой проблема буллинга рассматривается с точки зрения риска психологической безопасности образовательной среды. Буллинг трактуется не как единичный конфликт, а как устойчивый деструктивный формат взаимодействия, который создает риски для благополучия всех субъектов образовательных отношений. Автор отмечает, что подобный стиль взаимодействия деформирует нормы межличностного общения, что влияет на школьный коллектив [167]. Принципиально важным Г.В. Сорокоумова выделяет отдельную линию работы, связанную с первичной профилактикой буллинга как наиболее ресурсосберегающее и эффективное направление. Таким образом, подчеркивается значимость обучения подростков социально одобряемым способам достижения успеха, что может способствовать повышению социального статуса в коллективе сверстников [168].

Таким образом, существует необходимость исследования мотивов пребывания в сети личности подросткового возраста, включенной в ситуацию буллинга.

В российской психологии категория психологической безопасности в образовательной среде разрабатывалась И.А. Бaeвой и И.С. Новиковой [12]. По И.А. Бaeвой безопасность рассматривается как характеристика качества школьной среды, которая отражает защищенность участников от психологического насилия, а также возможность удовлетворять базовые потребности в доверительном общении, уважении и принятии [13]. Безопасность понимается не только как отсутствие агрессии, но и наличие норм отношений, которые поддерживают субъективное благополучие и особенности конструктивной коммуникации. Автор оценивает безопасную среду по параметрам удовлетворенности взаимодействием, значимости среды и переживанию защищенности [14].

В работах И.С. Новиковой буллинг рассматривается как феномен, который напрямую влияет на школьный климат и подрывает психологическую безопасность [134]. Это проявляется в устойчивых практиках унижения и демонстрации власти, групповом давлении, формирующих норму небезопасного общения, снижающих доверие к окружению и институтам поддержки, а также повышающих риск миграции агрессии в виртуальное пространство.

Понятие ролевой виктимности раскрывается в исследованиях О.О. Андрониковой и понимается как устойчивый комплекс личностных и поведенческих характеристик, повышающий вероятность оказаться в позиции жертвы в межличностных отношениях [6, 7]. Акцент делается на том, что виктимность может закрепляться как ролевая позиция. Например, она включает специфические ожидания по отношению к другим, сценарные способы реагирования и уловимые коммуникативные стратегии, которые воспроизводятся в типичных ситуациях общения [245]. Небезопасная образовательная среда выступает не только как фон, но и как фактор, поддерживающий и закрепляющий активные роли, а сама роль проявляется в коммуникации.

Таким образом, дефицит психологической безопасности создает условия для нормализации агрессии, а ролевая виктимность повышает вероятность включения подростка в ролевую позицию и закрепления соответствующих коммуникативных паттернов поведения. Буллинг в виртуальном пространстве выступает формой киберагрессии, осуществляемой в социальных сетях и проявляющейся через публичные и личные сообщения. Он усиливается анонимностью и ощущением безнаказанности. Перенос взаимодействия из реального в виртуальное пространство сохраняет и усиливает эти механизмы за счет публичности, анонимности и скорости распространения информации.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

1. В результате теоретического анализа определено, что коммуникативное поведение представляет собой форму социального взаимодействия на межличностном и межгрупповом уровнях, в процессе которого понимание и интерпретация информации опосредуются личностными установками участников виртуальной коммуникации

2. Существующие типологии направленности коммуникативного поведения личности в условиях реального и виртуального пространства (А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина, Л.Н. Молчанова, А.В. Фомина и др.) описывают условия, при которых интернет-пространство может выступать фактором актуализации социальных рисков и девиантных практик, а также выделяют систему взаимосвязанных индивидуально-личностных факторов, проявляющихся в зависимости от социометрического статуса в ситуации буллинга. Вместе с тем, полученные результаты не описывают в полном объеме коммуникативную направленность личности в ситуации виртуального буллинга.

3. В ходе теоретического анализа выявлено, что буллинг как коммуникативное поведение в реальном пространстве понимается как тип взаимодействия в малой группе, при котором наблюдается нарушение общепринятых правил и норм общения и осуществляется выбор принятия или отвержения для удовлетворения потребности в общении (А.В. Фомина). Буллинг в виртуальном пространстве, в свою очередь, рассматривается как форма киберагрессии в социальных сетях и других онлайн-площадках, усиливаемая анонимностью и ощущением безнаказанности и проявляющаяся через публичные и личные сообщения (Д.Н. Погорелов). В то же время, мотивационные и коммуникативные маркеры буллинга в виртуальном пространстве остаются недостаточно изученными и требуют более длительного анализа. Например, наличие возможных неконструктивных стратегий поведения в виртуальном пространстве.

4. Коммуникативное поведение участников буллинга в виртуальном пространстве представлено когнитивно-аффективной, коммуникативно-конативной, мотивационной и ценностно-смысловой составляющими. Когнитивно-аффективная составляющая включает в себя дисфункциональные установки, эмоциональные схемы и суицидальные риски, позволяющие выявить субъективное отношение к будущему, в частности негативного отношения и позитивной установки. Коммуникативно-конативная составляющая включает коммуникативные установки, тип виктимного поведения, а также когнитивно-поведенческие стратегии преодоления различных жизненных ситуаций. Мотивационная составляющая включает в себя ведущие мотивы коммуникации в реальном пространстве и мотивы пребывания в сети. Ценностно-смысловая составляющая содержит систему ценностно-смысловых ориентаций, которые позволяют выявить составляющие антивитального поведения и категорию жизнестойкости, а также выраженность цифровых смыслов у пользователей.

5. В качестве рабочего определения предлагаем следующее: коммуникативное поведение участников виртуального буллинга – это совокупность конструктивных и неконструктивных стратегий межличностного и межгруппового взаимодействия в сети, которые определяются устойчивыми ролевыми позициями и психологическими особенностями участников буллинга. Ролевая динамика, сложившаяся в виртуальном пространстве, может выступать прямым продолжением буллинга в реальном пространстве. При этом виртуальное пространство предоставляет возможности для реализации компенсаторных стратегий поведения.

ГЛАВА 2. МЕТОДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

2.1. Методические особенности построения эмпирического исследования коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства

Анализ многочисленных исследований зарубежных и отечественных авторов, направленный на изучение коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве, раскрывает разнообразие научных подходов.

В частности, работы, ориентированные на филологический подход, акцентируют внимание на нормативности и ненормативности коммуникативного поведения подростков, в том числе в виртуальном пространстве, рассматривая эти вопросы через коммуникативных код и языковые категории (И.А. Стерин, Ю.Е. Прохоров) [175]. Междисциплинарные исследования анализируют уровень формирования коммуникативных навыков личности подросткового возраста в виртуальном пространстве и предполагают исследования различных социально-психологических факторов для более глубокого понимания данных процессов (Е.Н. Галичкина, К.В. Седов, Т.Г. Грушевицкая) [46, 51, 58]. Принцип системности же подчеркивает необходимость комплексного подхода, который учитывает взаимосвязь всех факторов, определяющих коммуникативное поведение личности подросткового возраста (Н.А. Лемяскина, В.А. Багрянцева) [92, 93]. Тем не менее, несмотря на углубленные исследования данных аспектов, они были направлены на решение других эмпирических задач.

Одним из таких пробелов является отсутствие всестороннего анализа коммуникативного поведения участников буллинга в виртуальном пространстве. Проблема анализа мотивационного и коммуникативного

компонента, а также взаимодействие этих элементов в контексте буллинга (Д. Лэйн, А. Пикас, К. Ригби, П.П. Хайнеманн, Д.Н. Погорелова и др.) [117, 233, 235, 214, 143], и других деструктивных форм коммуникации в виртуальном пространстве (Т. Хирши, Ш. Берн, Р. Мертон, А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина, Л.Н. Молчанова, А.В. Фомина и др.) все еще остаются недостаточно изученными [215, 22, 223, 106, 103, 127]. В частности, изучение этих аспектов важно для более глубокого понимания механизмов формирования ненормативного поведения в виртуальном пространстве по типу кибербуллинга, троллинга, моббинга и т.д. (А.А. Бочавер, А.И. Авдеев, Е.Н. Волкова, Г.У. Солдатова, Г.В. Сорокоумова и др.) [29, 43, 168, 164]. Существующие исследования часто фокусируются на описании самого феномена буллинга и его социальной значимости, но индивидуально-психологические особенности, такие как когнитивные искажения и мотивация ведения провокативной деятельности личности подросткового возраста в ситуации буллинга требуют более длительного анализа.

Личность подросткового возраста в ситуации буллинга в реальном и виртуальном пространстве имеет свои индивидуально-психологические особенности, а именно: когнитивные ошибки, иррациональные установки, коммуникативные установки, психические состояния, когнитивно-поведенческие стратегии поведения, мотивы пребывания в сети и ценностно-смысловые ориентации [85, 94, 188, 136, 147, 151, 152]. Исходя из положений, разработанных в предшествующих исследованиях, необходимо определить параметры, позволяющие определить стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге.

Исходя из теоретического анализа проблемы коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства, была создана теоретическая модель исследования (Рисунок 1).

Данные, представленные на Рисунке 1, позволяют установить, что ролевая позиция в буллинг-структуре в реальном и виртуальном пространстве разворачивается через четыре составляющие: когнитивно-аффективную,

коммуникативно-конативную, мотивационную и ценностно-смысловую. В рамках каждой из выделенных составляющих значимы факторы, с помощью которых возможно выявить определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге.

Рисунок 1. Теоретическая модель исследования

Когнитивно-аффективная составляющая включает в себя дисфункциональные установки, суицидальные риски в реальном пространстве, позволяющие выявить субъективное отношение к будущему, в частности негативного отношения и позитивной установки. Выявление эмоциональных схем в общении в реальном пространстве позволяет определить первоначальную оценку ожиданий, которые формируются у личности подросткового возраста в отношении собственных эмоций и эмоций других людей в процессе коммуникации. Иррациональные установки включают в себя когнитивные ошибки в мышлении, в том числе и

дисфункциональные, влияющие на коммуникативное поведение в виртуальном общении.

Коммуникативно-конативная составляющая включает коммуникативные установки, позволяющие определить проблемы, затрудняющие коммуникацию в реальном пространстве. Реализация различных форм виктимного поведения позволяет измерить предрасположенность личности подросткового возраста к реализации различных типов виктимного поведения в реальной коммуникации. Совладающее поведение дает возможность оценить когнитивно-поведенческие стратегии преодоления различных жизненных ситуаций, используя конструктивно-преобразующие, конструктивно-приспособительные и неконструктивные стратегии коммуникативного поведения. Негативные родительские предписания в поведении предназначены для выявления и определения детских установок, влияющих на поведение в осознанном возрасте.

Мотивационная составляющая включает в себя ведущие мотивы коммуникации в реальном пространстве и мотивы пребывания в сети.

Ценностно-смысловая составляющая содержит систему ценностно-смысловых ориентаций, которые позволяют выявить составляющие антивиталяного поведения и категорию жизнестойкости у личности подросткового возраста в реальном пространстве. Смыслы личности подросткового возраста в виртуальном пространстве определяют выраженность цифровых смыслов у пользователей.

Психологические травмы позволяют определить ведущие глубинные травмы и маски, влияющие на коммуникативное поведение личности подросткового возраста.

Основные характеристики выборки

К исследованию были приглашены 3000 обучающихся школ Республики Крым в возрасте от 14 до 17 лет. Эмпирическое исследование было реализовано в реальном и виртуальном пространстве с использованием

дистанционных средств. В окончательную выборку вошли 892 человека, которые были отобраны экспертами как участники буллинга в реальном и виртуальном пространстве. Изучению подлежало рассмотрение когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

Структура построения эмпирического исследования

Построение теоретической модели предопределило постановку следующих эмпирических задач:

1. Выделить ролевые позиции личности подросткового возраста в буллинг-структуре в реальном и виртуальном пространстве.

2. Эмпирически изучить когнитивно-аффективную, коммуникативно-конативную, мотивационную и ценностно-смысловую составляющие коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

3. Теоретически обосновать и эмпирически выделить стратегии поведения личности в условиях виртуального буллинга, связанные с ролевой позицией в буллинге.

4. Эмпирически обосновать возможность изменения ролевой позиции в ситуации буллинга при переходе из реального пространства в виртуальное.

5. Разработать и апробировать программу психологического сопровождения участников буллинга, учитывающую их когнитивно-аффективные и коммуникативно-конативные особенности.

Планируемое эмпирическое исследование реализовалось в три последовательно сопряженных этапа:

На первом этапе при помощи экспертных заключений, первичного анкетирования и авторских исследовательских опросников были выявлены роли и позиции личности подросткового возраста в ситуации буллинга в реальном пространстве (инициатор, помощник инициатора, жертва, защитник и наблюдатель), а также в позиции кибербуллинга в виртуальном пространстве

(инициатор, помощник инициатора, жертва, защитник, наблюдатель и не принимающий участие).

На втором этапе исследовались специфические компоненты коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства (когнитивно-аффективной, коммуникативно-конативной, ценностно-смысловой и мотивационной составляющими).

Опираясь на теоретическую модель, была составлена эмпирическая модель исследования, включающая процедуру отбора и обоснование психодиагностического инструментария для анализа составляющих коммуникативного поведения личности подросткового возраста в ситуации буллинга в виртуальном пространстве (Таблица 1).

Таблица 1

Эмпирическая модель исследования

Компоненты	Измеряемые характеристики	Методики
Группирующий	Позиция личности в буллинг-структуре в реальном пространстве	Авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в буллинг-структуре», самоотчеты респондентов
Когнитивно-аффективная составляющая	Иррациональные установки в реальной коммуникации	Опросник «11 ловушек» (Д. Янг и Дж. Клоско, в адаптации Е. Кваша) (адаптированная для подростков)
	Иррациональные (дисфункциональные) установки в интернет-общении	Опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» (И.С. Лучинкина)
	Суицидальный риск; выявление эмоциональных (дисфункциональных) схем в реальной коммуникации	Методика «Шкала безнадежности для детей» (А. Каздин, А. Роджерс, Д. Колбус, в адаптации Е.С. Кагана); методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» (Р. Лихи, в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского)

Коммуникативно-конативная составляющая	Предрасположенность к реализации различных форм виктимного поведения в реальном пространстве; стратегии совладающего поведения в реальном и виртуальном пространстве; негативные родительские предписания в поведении; позиция личности в буллинг-структуре в виртуальном пространстве	Методика «Методика исследования виктимного поведения» (О.О. Андронникова); методика «Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления» (И.Г. Сизова, С.И. Филиппченкова) (адаптированная для подростков; авторская адаптация); опросник «Категория ранних решений» (С.В. Максимова); авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в кибербуллинге»
	Коммуникативные установки в реальной коммуникации	Методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» (В.В. Бойко)
Мотивационная составляющая	Мотивы пребывания в сети; анализ самоотчетов пользователей	Методика «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина)
Ценностно-смысловая составляющая	Система ценностных ориентаций в реальном пространстве; смыслы личности в виртуальном пространстве;	Методика «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев); опросник «Смыслы личности в виртуальной среде» (И.С. Лучинкина);
	Определение психологических травм (отвержение, оставленность, унижение, предательство, несправедливость)	«Тест на пять травм» (Л. Бурбо, в адаптации М. Завизон)

Экспертами, а именно педагогами-психологами, классными руководителями и родителями респондентов, были отобраны участники буллинга в реальном и виртуальном пространстве. Было получено согласие от родителей (законных представителей) несовершеннолетних на участие в психологическом исследовании. Также сведения об опыте участия в процессе

буллинга и кибербуллинга собирались на основе первичного анкетирования и авторских исследовательских опросников.

Анкета стояла из двух блоков:

Первый блок включал в себя общий перечень вопросов:

1. Укажите, пожалуйста, имя.
2. Укажите, пожалуйста, возраст.

Во втором блоке были заданы девять общих скриннинговых вопросов для выявления личного опыта участия или столкновения с буллингом и/или кибербуллингом:

1. За последние 12 месяцев в школе (или в компаниях) вы оказывались целью насмешек, оскорблений, унижений или исключения из группы со стороны одного или нескольких людей?

2. За последние 12 месяцев вы становились целью повторяющихся унижений, обидных постов, издевательств в комментариях, массовых жалоб на страницу, взлома, публикаций личных данных, исключений из бесед или игр в Интернете?

3. Ощущаете ли вы неравенство сил, находясь в коллективе сверстников?

4. Были ли намеренные издевательства в ваш адрес, даже после просьбы прекратить все это?

5. За последние 12 месяцев вы использовали обидные высказывания или предпринимали действия в адрес другого человека, чтобы намеренно унижить или задеть его?

6. За последние 12 месяцев вы становились инициатором или поддерживали обидные высказывания в Интернете?

7. Становились ли вы когда-либо свидетелем травли в реальной жизни или в Интернете?

8. Предпринимали ли вы когда-либо попытки предотвратить травлю?

9. Где, по-вашему мнению, чаще всего происходит конфликты и угрозы? В реальной жизни или в Интернете? (нужное подчеркнуть)

Таким образом, первичное анкетирование позволило разграничить от общего числа респондентов (3000 человек) тех, кто был активным участником и/или свидетелем буллинга в реальном пространстве и кибербуллинга в виртуальном пространстве.

Методический комплекс предъявлялся респондентам с помощью раздаточного материала (бланк с инструкциями и опросными листами). Для сбора эмпирических данных в виртуальном пространстве задействован функционал Яндекс-форм, который позволил конструировать методики в онлайн-формате. Полученные ответы респондентов фиксировались в электронном виде, что существенно оптимизировало процедуру подсчета результатов исследования для последующего статистического анализа.

Таким образом, в работе аргументирована репрезентативность выборки, предложена теоретическая и эмпирическая модель исследования, а также описана структура проведения эмпирического исследования.

2.2. Методические проблемы исследования когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых особенностей участников буллинга в условиях виртуального пространства

Исследование ролевой позиции личности подросткового возраста в ситуации буллинга выявило проблему недостаточного количества методик. Наиболее близким для выявления ролевой позиции в буллинге являются опросник риска буллинга за авторством А.А. Бочавера, а также методика Д. Олвеуса (в адаптации А.М. Муминовой и Е.В. Бушиной) [29, 230]. Опросник Е.Г. Норкиной является наиболее близкими для данного исследования, однако его реализация затруднена в следствии высокого процента социально-желательных ответов и вопросов, которые требуют открытого обозначения позиции респондента, что может вызвать сопротивление [135]. Существующие опросники не в достаточной степени отражают специфику участия личности подросткового возраста в ситуации буллинга. Данная

проблема значительно сужает спектр анализа ролевых позиций участников буллинг-структуры. Большинство инструментов акцентируют внимание на психологических особенностях, которые характерны для позиции инициатора и жертвы буллинга. Подобная редукция не позволяет в полной мере конструировать структуру ролевой позиции в буллинге и определить динамику процесса, а также то, какие позиции детерминируют друг с другом. Таким образом, наблюдаемые роли нередко выходят за рамки обозначенных категорий, что снижает гностическую чувствительность и усложняет интерпретацию полученных данных.

Важно подчеркнуть, что значительная часть опросников, направленных на изучение буллинг-структуры, не были подвергнуты полноценной проверке валидности. Между тем диагностический инструмент должен подтверждать надежность измерения. При повторном его применении он должен демонстрировать стабильные, воспроизводимые и внутренне согласованные результаты. Таким образом, чтобы преодолеть ограничения в исследовании ролевой позиции личности подросткового возраста в ситуации буллинга, необходимо было разработать новый диагностический инструментарий.

Именно недостаточность психодиагностических методик позволила разработать авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в буллинг-структуре» (Фазилова А.Э., 2024 г.), который включает в себя 40 пунктов, объединенных в четыре шкалы, каждая из которых направлена на выявление ролевых позиций в буллинге (инициатор, помощник инициатора, защитник и жертва) (Рисунок 2) [182].

№ п/п	Позиция в буллинг-структуре	№ вопроса
1	Инициатор	1, 5, 9, 13, 17, 21, 25, 29, 33, 37
2	Помощник инициатора	3, 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 35, 39
3	Защитник жертвы	4, 8, 12, 16, 20, 24, 28, 32, 36, 40
4	Жертва	2, 6, 10, 14, 18, 22, 26, 30, 34, 38

Рисунок 2. Распределение вопросов согласно заданным шкалам

К экспертизе опросника дополнительно привлекались педагоги-психологи с профессиональным стажем не менее пяти лет, а также исследователи в области психологии, социологии и врачи-психиатры, занимающиеся проблематикой буллинга. Их участие позволило оценить содержательное соответствие формулировок вопросов в структуре каждого блока и уточнить распределение пунктов по тематическим разделам. Выраженность (либо отсутствие) ролевой позиции фиксировалась на основе интегрального показателя, рассчитываемого как сумма баллов, набранных по ответам в соответствующих тематических блоках.

Разработанный авторский опросник включает три компонента: стимульный материал, бланк ответов и инструкцию для испытуемого. Процедура проводилась в индивидуальном формате – каждому респонденту предоставлялся персональный бланк для ответов и отдельное рабочее место, что минимизировало внешнее влияние и обеспечивало корректность психодиагностической процедуры. При выполнении задания в виртуальном пространстве каждому участнику была отправлена ссылка на Яндекс-форму с соответствующим приглашением для участия в исследовании.

Описание основных блоков опросника приведено ниже. Блоки основных позиций и ролей подростков в ситуации буллинга разработано в соответствии с моделью Д. Лейна [117].

Инструкция предписывала респондентам оценить каждое суждение посредством дихотомического выбора «да» или «нет», руководствуясь принципом искренности. Шкальные оценки формировались путем подсчета количества положительных ответов по каждой шкале (1 балл за каждый положительный ответ).

Блок «Инициатор» представлен в таблице (Рисунок 3).

Блок: «Инициатор»		
№ п/п	Вопросы	Варианты ответов
1.	Вы склонны срываться на других, когда у вас был плохой день.	Да/нет
2.	Желали ли вы, чтобы те, кто в чем-то превосходит вас, потеряли свое преимущество?	Да/нет
3.	Считаете ли вы, что действительно можете разрушить чью-то самооценку своими обидными словами?	Да/нет
4.	Чтобы добиться успеха, нужно применять давление и даже силу.	Да/нет
5.	Чувствовали ли вы искушение продемонстрировать свою силу, когда злитесь?	Да/нет
6.	Теряли вы самообладание в споре с людьми?	Да/нет
7.	Как только начинаете критиковать кого-то, вам кажется, что вы можете просто продолжать находить все больше и больше доводов.	Да/нет
8.	Смогли бы вы написать негативный комментарий со своей личной страницы?	Да/нет
9.	Вам часто все сходит с рук.	Да/нет
10.	Испытываете ли вы раздражение, когда что-то мешает планам?	Да/нет

Рисунок 3. Распределение вопросов по блоку «Инициатор»

Позиция инициатора представляет собой то, что субъект инициирует и целенаправленно поддерживает травлю. Инициатор задает нормативный контур агрессивного взаимодействия, поддерживая нападки, угрозы, оскорбления и социальную изоляцию [231]. Буллинг часто выступает инструментом для закрепления статусных преимуществ в группе.

По итогам экспертного рецензирования блока «Инициатор» в опросник был включен пункт в формулировке: «Вы демонстрируете силу, когда злитесь?», вопрос дополнен и представлен в редакции: «Чувствовали ли вы искушение продемонстрировать свою силу, когда злитесь?» [182]. Эксперты указали, что для ролевой позиции инициатора значимым является не только поведенческие проявления, но и субъективное намерение (готовность) к осуществлению действия. Последнее, в свою очередь, отражает

направленность и потенциальную склонность к доминирующим стратегиям поведения.

Также эксперты отметили, что смещение акцента с активного действия на переживаемое побуждение снижает вероятность социально желаемых ответов, поскольку прямые вопросы могут провоцировать отрицание.

Вопрос «Вы часто критикуете кого-то?» был дополнен и уточнен в формулировке: «Как только начинаете критиковать кого-то, вам кажется, что вы можете просто продолжать находить все больше и больше доводов» [182]. Эксперты подчеркнули, что данное утверждение поможет фиксировать не только единичный акт критики, а инерцию процесса, что является наиболее чувствительным индикатором для выявления коммуникативной установки.

Также респондент оценивает не нормативность поведения, а собственное внутреннее состояние в момент взаимодействия.

Блок «Помощник инициатора» представлен на рисунке (Рисунок 4).

№ п/п	Вопросы	Варианты ответов
1.	В глубине души вы знаете, что некоторые вещи, в которых вы обвиняете других, на самом деле, присущи вам.	Да/нет
2.	Приходилось ли вам поступать с другими несправедливо, чтобы заработать авторитет среди сверстников?	Да/нет
3.	Те, над кем издеваются, сами виноваты в своем положении.	Да/нет
4.	Многие люди вокруг втайне хотят спровоцировать вас.	Да/нет
5.	Если вам не нравится человек, то вы демонстрируете скептицизм и раздражительность, но прямо не говорите, что чувствуете.	Да/нет
6.	Вы склонны критиковать незнакомых людей в социальных сетях?	Да/нет
7.	За спиной обсуждаете людей, которые вам не нравятся?	Да/нет
8.	Замечали ли, что вас раздражают выскочки?	Да/нет
9.	Вы можете пренебречь дисциплиной в школе, если это сделает большинство из вашего класса.	Да/нет
10.	Вы не видите ничего плохого в том, чтобы подшучивать над другими, зная, что это может быть неприятно.	Да/нет

Рисунок 4. Распределение вопросов по блоку «Помощник инициатора»

Помощник инициатора – это участник, который обеспечивает поддержку агрессору и усиливает воздействие на жертву, не будучи зачинщиком травли [226]. Участие может носить прямой (физическое воздействие), либо косвенный (моральное или психологическое насилие) характер, что способствует эскалации травли и повышает устойчивость динамики буллинг-структуры.

По результатам экспертного рецензирования в опросник был включен вопрос в формулировке: «Вы пренебрегаете дисциплиной в классе?» и дополнен: «Вы можете пренебречь дисциплиной, если это сделает большинство из вашего класса?» [182]. Эксперты отметили, что данный вопрос направлен на определение конформного поведения подростка. Вопрос направлен на исследование готовности подростка к нарушению дисциплины при наличии поддержки со стороны большинства. Это может позволить оценить чувствительность респондента к социальному давлению и механизмам нормативного влияния.

Пункт «Нет ничего плохого в том, чтобы подшучивать над другими» был включен и переформулирован экспертами: «Вы не видите ничего плохого в том, чтобы подшучивать над другими, зная, что это может быть неприятно» [182]. Эксперты подчеркнули, что вопрос фиксирует не единичный эпизод поведения, а более устойчивую социальную установку и нормативно-оценочное отношение к потенциально унижающим формам взаимодействия.

Блок «Защитник жертвы» представлен на рисунке (Рисунок 5).

№ п/п	Вопросы	Варианты ответов
1.	Вы чувствуете, что ваше положение в жизни во многом является справедливым отражением навыков, к которым вы приложили усилия.	Да/нет
2.	Многие люди в вашей жизни, вероятно, хотели бы причинить вред или обмануть вас.	Да/нет
3.	Люди, которые унижают других, должны ответить за свои поступки.	Да/нет
4.	Когда другой ученик подвергался издевательствам, вы вмешивались, чтобы остановить это.	Да/нет
5.	Приходилось ли вам заступаться в Интернете за кого-то?	Да/нет
6.	У вас есть авторитет в коллективе сверстников.	Да/нет
7.	Вы бы назвали себя человеком, за которым пойдут люди?	Да/нет
8.	Сверстники обращаются к вам за советом, помощью?	Да/нет
9.	Вас раздражает, когда кто-то пытается самоутвердиться за чужой счет.	Да/нет
10.	Вы заступаетесь за тех, кто не способен дать отпор.	Да/нет

Рисунок 5. Распределение вопросов по блоку «Защитник жертвы»

Защитник жертвы представляет собой участника, который направлен на противодействие травле и снижение последствий от нее. Реализуются просоциальные стратегии поведения, а именно вмешательство в конфликт, поддержка пострадавшего от травли, а также направленность на психологическую безопасность и поддержку группы [225].

Был включен и сформулирован пункт: «Люди должны отвечать за свои поступки» и представлен в форме: «Люди, которые унижают других, должны ответить за свои поступки» [182]. Эксперты утверждают, что пункт позволяет фиксировать готовность поддерживать социальные санкции по отношению к психологическому насилию и степени принятия ответственности за унижающее поведение.

По результатам экспертного рецензирования в опросник был включен пункт: «За вами могли бы пойти люди?» и дополнен в формулировке: «Вы бы назвали себя человеком, за которым пойдут люди?» [182]. Пункт фиксирует не формальный статус, а самооценочное представление респондента о способности к тому, чтобы направлять поведение окружающих. К тому же,

самооценочная формулировка позволяет выявить устойчивую ориентацию на влияние и ответственность за групповое взаимодействие.

Блок «Жертва» представлен на рисунке (Рисунок 6).

№ п/п	Вопросы	Варианты ответов
1.	Чувствуете ли, что неосознанно готовитесь к тому, что вас оскорбят или пристыдят? (пример: я готовлюсь к тому, что надо мной пошутят в компании сверстников).	Да/нет
2.	Ловите ли вы себя на мысли, что постоянно извиняетесь за то, что находится вне вашего контроля (чужое поведение или действие)?	Да/нет
3.	Оскорбляли ли вас по поводу вашей национальности, религии, пола, гендера и других убеждений?	Да/нет
4.	Тяжело ли вам находиться в коллективе сверстников?	Да/нет
5.	Часто ли вы слышите негативные комментарии от других, даже если вы не сделали им ничего плохого?	Да/нет
6.	Часто ли вы чувствуете себя лишним в классе?	Да/нет
7.	Бывало ли такое, что вы не хотели идти куда-то из-за определенного человека/группы людей?	Да/нет
8.	Зовут ли вас одноклассники на общие мероприятия вне школы?	Да/нет
9.	Очень трудно перестать думать о несправедливости, которую другие причиняли вам.	Да/нет
10.	У вас есть фейковая страница, которая позволяет прятаться от внешнего мира?	Да/нет

Рисунок 6. Распределение вопросов по блоку «Жертва»

Жертва – это участник, который систематически подвергается целенаправленным и агрессивным нападениям со стороны одного человека или группы людей [239].

В блоке «Жертва» вопрос «Вы постоянно извиняетесь за то, что находится вне вашего контроля?» был дополнен и предложен: «Ловите ли вы себя на мысли о том, что постоянно извиняетесь за то, что находится вне вашего контроля?» [182]. Эксперты подчеркнули, что данный вопрос позволит определить коммуникативную установку по типу гиперответственности и склонности к самообвинению. Подобная установка может выступить индикатором уязвимости к групповой коммуникации.

В опросник был включен пункт: «Многие несправедливо относятся к вам», он был дополнен и предложен в формулировке: «Очень трудно перестать

думать о несправедливости, которую другие причиняли вам» [182]. Экспертами было отмечено, что данное утверждение направлено на выявление когнитивно-аффективной уязвимости к переживанию несправедливого отношения. Пункт фиксирует не факт внешнего воздействия, а субъективную трудность осмысления и переработки.

Опросник был апробирован на выборке из 240 респондентов. Стандартизация опросника осуществлена в двух этапах. На первом этапе рассчитывались коэффициенты линейной корреляции, а на втором были проанализированы константы показателей. Для оценки показателей стабильности результатов проведено ретестовое исследование спустя три месяца после первичного измерения. Внутренняя согласованность шкал проверялась с использованием α -коэффициента Кронбаха. Полученные значения находились в диапазоне 0,70–0,76, что позволяет рассмотреть опросник как надежных и сбалансированный исследовательский инструмент (Фазилова А.Э., 2024) [182].

Процедура стандартизации включала оценку содержательной и критериальной валидности. По результатам экспертной оценки была уточнена структура блоков и выполнена адаптация формулировок под подростковую выборку. После редактирования инструмент апробировался на гомогенной выборке респондентов. Первичные баллы по опроснику соотносились с экспертными оценками. На этапе установления критериальной валидности производилось сопоставление результатов опросника с основными выделенными составляющими участников буллинга в условиях виртуального пространства. Установлено, что эмпирические значения критерия ($\rho_{\text{эсп}}$) превосходят теоретические ($\rho_{\text{теор}}$), при $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$, что служит обоснованием для признания валидности разработанного опросника (Таблица 2).

Показатели валидности и надежности авторского исследовательского опросника

№ п/п	Шкала	Валидность		Надежность			$\rho_{\text{теор}}$ 0,05	$\rho_{\text{теор}}$ 0,01
		$R_{\text{эксп}}$ содер жател ьная	$R_{\text{эксп}}$ крит ериа льная	Инст руме нтал ьная	Кон ста нти ность	Ста бил ьно сть	0,78	0,79
1	Инициатор	0,71	0,79	0,69	0,8	0,7		
2	Помощник инициатора	0,7	0,8	0,73	0,76	0,71		
3	Защитник жертвы	0,7	0,81	0,7	0,7	0,68		
4	Жертва	0,82	0,79	0,7	0,71	0,71		

По эмпирическому распределению суммарных баллов определены интерпретационные пороги для каждой шкалы, где отсутствие или низкие показатели определены порогом в 0 – 4 балла; тенденция к формированию ролевой позиции – 4 – 7 баллов; сформированная ролевая позиция – 7 – 10 баллов.

Таким образом, указанный авторские опросник успешно реализуют свои цели для определения ролевой позиции в буллинг-структуре в реальном пространстве.

Одной из главных проблем в исследовании буллинга в виртуальном пространстве является отсутствие методик, позволяющих определить ролевую позицию личности подросткового возраста в кибербуллинге. В большей степени известные опросники на выявление кибербуллинга и агрессии в виртуальном пространстве направлены на выявление форм деструктивного поведения. Одним из таких является опросник «Кибербуллинг и агрессия в Интернете» в адаптации А. А. Вихман, Е. Н. Волкова и др., который исследует кибервиктимность, негативные эмоции, киберагрессивность и участие взрослых [42]. Также существует опросник «Стратегии преодоления ситуаций кибербуллинга», в котором рассматриваются формы стратегий преодоления

онлайн-хулиганства, а именно дистальный совет, близкая поддержка, выстраивание границ и активное игнорирование [44]. Однако диагностического инструментария, который позволил бы исследовать ролевую позицию в кибербуллинге, обнаружено не было. Поскольку существующий методический арсенал не располагает инструментами для исследования ролевой позиции в кибербуллинге, был разработан авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в кибербуллинге. Опросник представляет собой совокупность кейсовых ситуаций, определяющих отношение к различным видам кибербуллинга в виртуальном пространстве (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение вопросов согласно заданным шкалам

№ п/п	Название шкалы	№ вопроса
1	Троллинг как провокация в Интернете	1, 10
2	Оскорбление и личные нападки	2, 11, 19
3	Разглашение личной информации	3, 12
4	Моббинг в Интернете	4, 13, 20
5	Киберсталкинг	5, 14
6	Флуд и спам	6, 15
7	Репутационные риски	7, 16,
8	Изоляция	8, 17
9	Создание ложных профилей	9, 18

Опросник содержит 20 кейсовых ситуаций с вариантами ответов, которые объединены в девять блоков: троллинг как оскорбление и провокация в интернете; оскорбление и личные нападки; разглашение личной информации; моббинг в интернете; киберсталкинг; флуд и спам; репутационные риски; изоляция; создание ложных профилей.

Разработанный авторский опросник включает три компонента: стимульный материал, бланк ответов и инструкцию для испытуемого. Процедура проводилась в индивидуальном формате – каждому респонденту предоставлялся персональный бланк для ответов и отдельное рабочее место, что минимизировало внешнее влияние и обеспечивало корректность

психодиагностической процедуры. При выполнении задания в виртуальном пространстве каждому участнику была отправлена ссылка на Яндекс-форму с соответствующим приглашением для участия в исследовании

Описание основных блоков опросника приведено ниже.

Опросник «Ролевая позиция в кибербуллинге».

Инструкция для респондентов: «Уважаемый участник, перед вами представлены короткие ситуации, которые возникают у пользователей в результате интернет-общения. Пожалуйста, выберите один вариант ответа, который наиболее точно отражает, как бы вы поступили в подобной ситуации. Здесь нет «правильных» или «неправильных» вариантов ответов. Если вам подходят два ответа, отметьте тот, который вы, скорее всего, выбрали бы в первую очередь, не раздумывая.»

За каждый ответ по соответствующей шкале начисляется по баллу.

Варианты ответов:

А. Я бы включился в ситуацию и осуществил высказывание или действие (например, задал бы тон обсуждению, добавил новый повод для комментариев, пошутил);

Б. Я бы подхватил общий тон группы, ограничившись невербальной поддержкой (например, поставил реакцию, лайк, переслал сообщение друзьям или написал комментарий);

В. Я бы предпринял попытку снизить интенсивность конфликта (например, обозначить границы допустимого, оказать поддержку и при необходимости инициировать обращение к модерации/администрации ресурса или обратиться ко взрослым);

Г. Мне было бы неприятно и тревожно (например, я бы предпочел промолчать и не вмешиваться в обсуждение, избегал бы действий, которые могли бы привлечь внимание, исходя из-за опасения самому стать объектом негативного воздействия);

Д. Я бы сохранил позицию стороннего наблюдателя (например, отслеживал происходящее, но не предпринимал активных действий, не выражал бы поддержку ни одной из сторон);

Е. Я бы сознательно прекратил вовлечение в ситуацию (например, закрыл обсуждение, вышел из чата или группы, отключил уведомления и не предпринимал никаких действий, связанных с данным эпизодом).

Больше ответов А – ролевая позиция инициатора виртуального буллинга.

Больше ответов Б – ролевая позиция помощника инициатора виртуального буллинга.

Больше ответов В – ролевая позиция защитника жертвы виртуального буллинга.

Больше ответов Г – ролевая позиция жертвы виртуального буллинга.

Больше ответов Д – ролевая позиция наблюдателя виртуального буллинга.

Больше ответов Е – не принимает участие в виртуальном буллинге.

К экспертизе опросника дополнительно привлекались специалисты профессиональным стажем не менее пяти лет – исследователи в области интернет-психологии, психолингвистики, социологии, занимающиеся проблематикой буллинга. Участие специалистов позволило определить блоки опросника, уточнить распределение пунктов по тематическим разделам, оценить соответствие ситуаций ролевым позициям, а также задать необходимые уточнения. Выраженность (либо отсутствие) ролевой позиции фиксировалась на основе интегрального показателя, рассчитываемого как сумма баллов, набранных по ответам в соответствующих тематических блоках.

Блок «Троллинг как провокация в Интернете»

Ситуации:

№ 1 (1). В школьном Telegram-канале, где выкладывают «моменты недели», публикуют смешную нарезку с турнира по волейболу. Парень

промахнулся и упал, а это сняли на видео. Выкладывают пост с описанием: «Сигма-момент века, легенда». Сначала в комментариях отправляют смеющиеся стикеры, а потом появляется человек, который создает «мемный стикер-пак» из этого видео. Стикеры быстро распространяются по чатам школы. Через некоторое время обсуждение соревнований переходит в насмешки и использование стикеров. Какая бы у тебя была реакция, если бы ты стал свидетелем происходящего?

№2 (10). Парень попробовал снять трендовое видео с макияжем в TikTok, после чего оно попало в общие рекомендации. В комментариях под видео начинают разбирать человека по внешности: «Чел, ты выглядишь, будто фильтр сломался», «Это вообще не по-мужски», «Убежище» и прочее. Сначала это один-два комментария, но потом кто-то скинул удачную фразу и дальше уже идет поток подобных комментариев. Люди словно соревнуются, кто жестче всего пошутит. Автор видео ответил один раз, но это только подогревает аудиторию. Ему пишут все больше и больше. Как бы ты поступил, если бы стал свидетелем этой ситуации?

Согласно экспертному анализу, троллинг как провокация в Интернете характеризуется краткими уничижительными репликами, которые направлены на обесценивание личности и провокацию эмоциональной реакции. Важно отметить, что на первом этапе подобные высказывания воспринимаются как единичные случаи, однако появление удачной формулировки запускает механизм группового подхвата. Таким образом, изначально предлагалось описание ситуации без комментариев: «В чате появляется новый участник. Из первых сообщений было понятно то, что он проверяет границы, пишет цепляющие фразы, иронизирует над другими, задает неудобные вопросы». Ситуация была изменена и добавлена в существующую формулировку в №2 (10).

Эксперты отмечают, что для подростка важно увидеть в ситуации наличие молодежного сленга. Поскольку троллинг как провокация в Интернете выступает одним из механизмов, который запускает кибербуллинг,

так как снижает барьеры агрессии и легитимирует унижение как контент [237]. Ключевым психологическим маркером, который подводит к кибербуллингу является не содержание конкретной оценки, а ее функция – вызвать ответы и закреплять уязвимую позицию у жертвы.

Блок «Оскорбление и личные нападки».

№ 1 (2). Девочка ведет небольшой и спокойный стрим «для своих» на Твиче по игре. В чате всего несколько знакомых. В какой-то момент подключается группа пользователей, которая начинает писать гневные комментарии: «голос отвратительный», «мерзко звучишь», «вали отсюда, баба». Потом добавляются и требования: «покажи лицо», «врубай камеру, иначе ты фейк». Один начинает писать, что ее можно найти, а другой сообщает, что уже скинул ссылку друзьям. Девочка пытается отшутиться и переключиться на игру, но чат продолжает спам. В какой-то момент появляется фраза: «Да, нормально все, не ной», «Если выключишь эфир, то признаешь, что ты никто». Что бы ты сделал, если бы случайно оказался зрителем данного стрима?

№ 2 (11). В чате по подготовке к экзамену один участник задает вопрос, который выглядит просто, а еще часто повторяет то, что уже обсуждали. Вместо ответа один пользователь пишет: «Ты вообще понимаешь, где находишься? Не позорь чат». Другой подхватывает: «Все из-за тебя тормозят». Кто-то начинает цитировать его вопрос и добавлять уничижительные комментарии, кто-то пишет, чтобы его убрали. Через несколько минут участник задает еще один вопрос, но уже осторожно, и получает: «Закрой рот», «Ты не сдашь, смирись». В чате начинают обращаться к нему не по имени, а через ярлык по типу «тормоз/дуб». Человек перестает писать, но чат продолжает упоминать его: «Пусть сидит, читает», «Не мешай людям готовиться». Как бы ты отреагировал, если бы был в этом чате?

№ 3 (19). Девушка сняла трендовое видео с танцами под любимую корейскую группу. В комментариях под своим видео она отвечает на критику. Но один комментатор начинает писать не про содержание видео, а про нее

саму: «Ты себя видела?», «Молодец! Ни шагу вперед!», «Все айдолы уже в страхе от ее таланта». Потом подключаются другие. Кто-то пишет советы в форме унижения: «Не снимай, это не твое», «М-да, после 10 лет пройдет». Все повторяется: эти же пользователи начинают писать под другими постами с танцами и переходить в личные сообщения. Когда кто-то пытается остановить, ему отвечают: «Мы просто честные», «Не надо играть в жертву», «Интернет – не место для нежных». В итоге пользователь либо резко отвечает, либо замолкает. Как бы ты отреагировал, если бы оказался свидетелем происходящего?

Согласно экспертному анализу, оскорбления и личные нападки отличаются ориентацией на подрыв социального статуса и самооценки пользователя. Высказывания строятся вокруг уничижительных характеристик личности и подаются в кратких формах, таких как реплики, ярлыки и насмешливые формы обращения. Эксперты отмечают, что ключевым становится не единичный комментарий, а повторяемость и публичность. Отсюда изначальная формулировка: «Девочка пытается отшутиться и переключиться на игру, но чат продолжает писать негативные комментарии» была изменена и дополнена в новой: «Девочка пытается отшутиться и переключиться на игру, но чат продолжает спамить. В какой-то момент появляется фраза: «Да, нормально все, не ной», «Если выключишь эфир, то признаешь, что ты никто». По мнению экспертов, ключевым становится не единичные комментарии, а повторяемость, ведь это формирует устойчивое ощущение небезопасности и постоянного ожидания новой волны нападков. В структуре личных нападков важную роль играет фиксация на уязвимой позиции. Участники получают социальное подкрепление от аудитории и начинают конкурировать за наиболее «остроумное» высказывание [236].

Блок «Разглашение личной информации».

№ 1 (3). В чате по перепродажам человек выкладывает скриншот, чтобы доказать оплату. На изображении случайно остаются видимыми детали, которые обычно скрывают (имя, фамилия, часть адреса доставки и номер

телефона). Сначала это выглядит как мелочь, но потом кто-то замечает и пишет: «О, так вот как тебя зовут». Другой пользователь подхватывает: «Узнаю район». Затем тон меняется и начинают задавать вопросы не о сделке, а о человеке: «Ты там реально живешь?», «Это твой номер?», «А у тебя рядом...». Пара участников уже не скрывает интерес, пересылает скриншот в личные сообщения, отмечают на нем нужные элементы, обсуждают. Появляются намеки: «Если что, знаем, куда писать». Человек пытается удалить сообщение и просит не распространять информацию, но исходник уже сохранен. Как бы вы отреагировали, если бы стал свидетелем происходящего в чате?

№ 2 (12). В закрытом телеграм-канале «для своих» кто-то выкладывает снимок, который был получен в личной переписке. Это не публичная фотография, она сделана для одного адресата, без намерения показывать ее другим. На фото детали, по которым человека очень легко узнать. Сначала реакция подается как шутка: «Серьезно? Так кто-то фоткается? Вот это уверенность». Кто-то быстро обрезает изображение и делает из него стикер, добавляет подпись. Дальше фото начинает жить отдельной жизнью: его пересылают другим в чат, потом дальше уже без объяснений, просто как картинка. Появляются варианты с отметками, выделяются детали внешности и придумываются прозвища. Пользователи, которые не знают контекста, просто реагируют на картинку, воспринимая ее как контент. Человек узнает об этом не сразу, но в момент понимает, что остановить распространение уже почти невозможно, поскольку копии продолжают расходиться. Как бы ты поступил, если бы стал свидетелем произошедшего?

Согласно экспертному анализу, разглашение личной информации подразумевает под собой перевод приватных сведений в публичную зону и использование этой информации как ресурса контроля над личностью. Эксперты отмечают, что в отличие от прямых оскорблений, здесь давление строится на нарушение границ приватности и демонстрацию личной жизни человека. Экспертами была дополнена и обозначена первоначальная

формулировка: «На изображении случайно остаются видимыми детали, которые обычно скрывают (имя, фамилия, часть адреса доставки и номер телефона). Сначала кто-то пишет, что увидел номер телефона, а после кто-то узнал местность» на формулировку: «Сначала это выглядит как мелочь, но потом кто-то замечает и пишет: «О, так вот как тебя зовут». Другой пользователь подхватывает: «Узнаваемый район». Затем тон меняется и начинают задавать вопросы не о сделке, а о человеке: «Ты там реально живешь?», «Это твой номер?», «А у тебя рядом...»». Эксперты отмечают, что первоначальные реплики могут восприниматься как невинные фиксации, однако внимание группы переключается с содержания общения на персональные детали. Таким образом, изначально предлагалось описание деталей без реплик, однако ситуация была уточнена и представлена в новой формулировке. Разглашение личной информации легитимируется через нейтральные рамки общения, что снижает субъективную ответственность и способствует вовлечению наблюдателей.

Блок «Моббинг в Интернете»

№ 1 (4). В группе по интересам появляется сообщение от человека, которого многие считают авторитетом: «С ним не делаем совместки, не лайкаем, не отмечаем и не тянем проекты. Пусть остынет». Никто не использует слово «травля», все звучит как правило или дисциплина. Через пару дней этот участник пишет нейтральное сообщение в общий чат, в ответ – тишина. Сообщение читают, но реакции никто не оставляет, никто не отвечает, не ставит эмодзи и не цитирует, как будто его не существует. Постепенно этот пользователь видит, что совместная активность с ним отменяется без причин. Остальные избегают прямых объяснений. Кто-то в личных сообщениях осторожно пишет: «Прости, мне сказали не общаться. Я не хочу влететь тоже». В группе начинает работать негласный механизм игнорирования этого пользователя. Как бы ты поступил, если бы стал свидетелем этой ситуации?

№ 2 (13). В небольшом телеграм-канале, где люди давно знают друг друга, девушка выкладывает короткое видео после неприятного общения: «Все парни одинаковые». Формулировка звучит резко, но без конкретных имен. Первые комментарии поступают в спокойной форме: кто-то спорит, кто-то просит не обобщать. Через пару часов один парень снимает в ответ видео в защитном тоне. Он делает нарезку ее фраз, выделяет самые острые моменты и добавляет: «Вот такие потом нормальных парней унижают». Видео быстро подхватывают другие пользователи: появляются реакции и разборки, где уже обсуждают не тему, а саму девушку, то, как она говорит, как выглядит и какой у нее характер. Под каждым ее роликом начинают повторять одинаковые реплики: «Извинись», «Удаляй», «Все понятно, типичный хайп». Кто-то отправляет ее старые видео, вырезает неудачные куски и собирает подборки. Несколько человек пишет, что просто защищают парней, но на практике разговор превращается в ситуацию, где любой ее ответ воспринимается как повод продолжать. Как бы ты отреагировал, если бы случайно оказался в этом чате?

№ 3 (20). В одном сообществе появляется пост пользователя, который довольно уверенно высказывается на спорную тему. Он никого не оскорбляет, но пишет очень надменно и резко. Сразу же в этом чате поступают комментарии: «Ну что? Объясним человеку, что так нельзя?», «Пусть почувствует обратную связь». Пользователи начинают оставлять похожие комментарии по смыслу: «Сними корону», «Все ясно», «Цирк». Постепенно это выходит за пределы одной темы. Пользователь пытается выложить видео, но появляется поток тех же сообщений. Ему начинают напоминать, пересказывать и обсуждать. Когда он ничего не отвечает, то пишут комментарии: «Притих», «Так и надо», «В следующий раз будешь умнее». При этом часть пользователей убеждена, что они соблюдают порядок и не делают ничего плохого. Как бы отреагировал в этой ситуации?

Согласно экспертному обобщению, моббинг в интернете характеризуется конкретными организованными атаками с эффектом

коллективного давления. Отсюда эксперты в описании ситуации уточнили, что группа должна быть сформирована по интересам, поскольку это принципиально важное отличие моббинга от других форм деструктивного поведения в виртуальном пространстве. Для личности подросткового возраста внутригрупповая динамика имеет большое значение, поскольку она сопровождается страхом быть исключенным. Эксперты добавили реплику: «Остальные избегают прямых объяснений. Кто-то в личных сообщениях осторожно пишет: «Прости, мне сказали не общаться. Я не хочу влететь тоже». В группе начинает работать негласный механизм игнорирования этого пользователя». Это позволит обозначить конформное молчание наблюдателей и закрепление статусов агрессоров [232].

Блок «Киберсталкинг»

№ 1 (5). У пользователя появляется аккаунт, который ведет себя как фан-аккаунт: первым ставит реакции, комментирует, появляется практически под каждым постом. Сначала это все выглядит как ненавязчивое внимание, но потом аккаунт начинает оставлять сообщения, которые звучат слишком осведомленно: «Видела ты была тут...», «Ты ночью была онлайн», «Почему удалила историю?», «Ты сегодня ничего не выкладываешь, что случилось?». Со временем становится заметно, что это не просто комментарии. Однако через пару дней один из участников делает пост-разбор и выкладывает скриншоты комментариев, а также пишет, что это похоже на слежку. И тут история резко меняется. В комментариях приходят люди, которые не были в курсе ситуации. Они начинают писать гневные комментарии про фан-аккаунт, просят исчезнуть. Другие внезапно накидываются на самого автора поста и девушку, обвиняя их в том, что они специально «ловят внимание», «играют в жертву» и «делают драму ради охватов». Как бы ты отреагировал, если бы столкнулся с этой ситуацией?

№ 2 (14). У пользователя появляется подписчик, который ведет себя слишком внимательно. Он не пишет каждый день, но появляется в нужные моменты: поднимает старые темы, вспоминает детали, которые обычно никто

не помнит. В комментариях бросает фразы как будто между делом: «Ты тогда еще ходил в ту секцию», «У тебя раньше аватарка эта была», «Это место любишь, знаю». Потом начинается более странное совпадение. Человек выкладывает истории из нового места и почти сразу получает реакцию: «Ты там часто бываешь». Удаляет историю и в какое-то время в комментариях: «Жаль, что убрал историю, она была интересной». Иногда присылает в личные сообщения скриншоты старых публикаций, старых подписей и старых комментариев. На вопрос «откуда» отвечают «я просто внимательный». Внутри беседы это начинает выглядеть двояко: одни говорят, что это «очень мило», «человек в теме», а другие чувствуют напряжение и обсуждают между собой, что это уже похоже на контроль. Через некоторое время в общем чате появляется сборка скриншотов, кто-то выкладывает подборку его реплик и пишет: «У нас тут детектив». Тут включается поток: одни начинают шутить, делать мемы, спорить, а другие начинают оскорблять «сталкера». Часть наоборот накидывается на автора, чтобы он не делал вид, что ему не приятно такое внимание. Как бы ты поступил, если был бы в этом чате?

Киберсталкинг представляет собой давление, которое проявляется в форме длительного наблюдения и вторжения в личную жизнь. Эксперты отмечают, что ключевым фактором при киберсталкинге является не массовость, а постоянное чувство доступности жизни пользователя. Экспертами были предложены и дополнены реплики в формулировке ситуации №2 (14). Даже при попытке уйти из поля зрения, контроль сохраняется за счет мониторинга других лиц.

Блок «Флуд и спам»

№ 1 (6). В чате кто-то пишет важную информацию. Сообщение видно всем на пару секунд, даже появляются паузы, будто пользователи читают. Но дальше происходит резкое переключение, и чат внезапно наполняется потоком стикеров, мемов, односложных предложений, короткими голосовыми сообщениями и набором случайных символов не по теме. Сообщения идут очень быстро, и поднятая тема буквально «тонет», и возвращаться к ней

становится неудобно – нужно листать вверх и снова объяснять. Если кто-то пытается вернуться к разговору, то ему отвечают обесценивающе: «Душно», «Создавай отдельный чат». Что бы ты сделал, если бы оказался в этом чате?

№ 2 (15). В чате кто-то поднимает тяжелую тему: одного из участников систематически травят. Тон сообщения спокойный и без обвинений, но он требует внимания. Почти сразу начинается спам: много коротких сообщений, стикеры, мемы, голосовые сообщения, набор букв, вопросы по типу «что задали?», «кто видел?». Все выглядит так, будто чат просто ожил, но по факту обсуждение не может начаться, и любые попытки вернуть тему исчезают из-за «шума». Автор остается в позиции того, кто «вечно портит настроение». Как бы ты отреагировал, если бы оказался в этом чате?

Экспертами отмечено, что флуд и спам, в отличие от прямых оскорблений, преимущественно выступает технологией управления коммуникацией. Флуд используется для размывания проблемных тем. Экспертами были дополнены и представлены в новой формулировке высказывания: «Сообщения идут очень быстро, и поднятая тема буквально «тонет», и возвращаться к ней становится неудобно – нужно листать вверх и снова объяснять». Это создает эффект символического контроля, потому что группа демонстрирует, что решает, о чем можно говорить, а о чем нет. А отсюда усиливается максимизация, поскольку человек, который поднял тему, оказывается в позиции нарушителя атмосферы, поэтому были предложены данные реплики.

Блок «Репутационные риски»

№ 1 (7). В Telegram появляется отдельный пост, объясняющий, почему определенный человек токсичен. Начинают присылать доказательства, скриншоты, обрывки переписок и пересказы ситуаций. Некоторые материалы выглядят двусмысленно, и непонятно, где шутка, а где конфликт, а где фраза вырвана из контекста. Но подача устроена так, будто вывод уже сделан заранее. Те, кто задает уточняющие вопросы, сталкиваются с давлением: «отмазки», «тоже такой же». Получается ловушка: если человек молчит, это

расценивается как признание, а если отвечает, то ему предъявляют новые доказательства и извращают смысл его слов. Даже участники, которые ничего не знают, втягиваются, потому что им проще согласиться с тоном большинства. Как бы ты поступил, будь ты в этом чате?

№ 2 (16). В обсуждениях появляется скриншот, где человек якобы писал что-то мерзкое и оскорбительное. Скриншот сделан так, что выглядит убедительно: знакомый ник, привычная аватарка и стиль общения похож. Большинство реагирует быстро: пересылают дальше, комментируют, ставят реакции и делают выводы на месте. Те, кто осторожно говорит, что это может быть фотошоп или вырванный фрагмент текста получает давление по типу того, что защищает. Скриншот выступает фактом, его пересылают как доказательство. Как бы ты отреагировал, если бы оказался свидетелем?

Репутационные риски позволяют оказать давление путем публичного разоблачения. Экспертами была дополнена ситуация в формулировке: «Скриншот сделан так, что выглядит убедительно: знакомый ник, привычная аватарка и стиль общения похож. Большинство реагирует быстро: пересылают дальше, комментируют, ставят реакции и делают выводы на месте». Важно отметить, что цель достигается не доказательностью, а созданием социального давления путем фиксирования реакций. Эксперты отмечают, что публичная коммуникация перестает быть инструментом защиты и превращается в фактор уязвимости.

Блок «Изоляция»

№ 1 (8). В большом телеграм-канале по интересам появляется новый активный участник. Он пишет часто, задает вопросы и предлагает идеи. Сначала ему отвечают, потом реакция становится короче, а дальше просто исчезает. Проходит время, и этот пользователь как будто перестает существовать: в чатах его сообщения читают, но не отвечают, на предложения не реагируют и на вопросы тоже не отвечают. Если он пишет в общий чат, то тут же перебивают другой темой. Если он что-то публикует, то его игнорируют, но через минуту кто-то другой публикует похожую информацию,

и сразу реагируют. Формально никто ничего не сделал. Как бы ты отреагировал в этой ситуации?

№ 2 (17). В сообществе есть привычная практика делать совместки, звать друг друга, отправлять голосовые и отмечать в историях. Один участник в какой-то момент становится спорным, либо из-за конфликта, либо из-за того, что кто-то сказал, что он неприятный. Потом появляется сообщение от одного из администраторов: «Давайте без него, чтобы не было токсичности и драм». Это подается как забота о комфорте группы. Люди соглашаются, что никто не обязан терпеть. Дальше все происходит тихо: на его сообщения отвечают формально, как чужому. Если он спрашивает напрямую, ему говорят: «Ты сам понимаешь, не начинай», «Это не буллинг, просто мы убираем круг». Некоторые сочувствуют, но молчат. Как бы отреагировал в этой ситуации?

Эксперты обозначают, что изоляция представляется как нейтральная практика, однако она проявляется как устойчивое игнорирование пользователя. Была дополнена и представлена формулировка в форме отсутствия ответов, обнуления реакции или исключения из совместной активности. Эксперты указывают, что важна неопределенность, потому что пользователю не сообщается конкретная причина и не задаются условия для восстановления контактов.

Блок «Создание ложных профилей»

№ 1 (9). В сообществе появляется новый аккаунт. Он вроде обычный: подписан на тех же людей, пишет грамотно, даже поддерживает. Но постепенно становится заметно, что он быстро включен в тему, знает старые конфликты и задает вопросы, будто уже видел переписки. Он начинает писать разным людям примерно одно и то же по типу: «Почему перестали общаться?», «Он реально такой?». Формально выглядит просто как интерес. Но после таких диалогов в общем чате неожиданно всплывает фраза, которую человек говорил только в личном сообщении. В какой-то момент кто-то замечает, что стиль общения подозрительно похож на одного конкретного участника. Остальные говорят, что это просто совпадение и паранойя. Другие

считают, что это фейк для сбора информации, поскольку через нового легче вытянуть то, что напрямую не скажут. Как бы ты поступил, если бы оказался в этом чате?

№ 2 (18). В сообществе ходят слухи, что кто-то собирает скриншоты и любит публично выкладывать чужие сообщения. После пары неприятных историй один участник заводит второй аккаунт без личных данных. Он объясняет это просто тем, что не хочет, чтобы его потом вычисляли. Сначала этот аккаунт действительно ведет себя нейтрально: читает сообщения, ставит реакции и иногда задает вопросы. Постепенно начинает делать то, что с основного делать неудобно: провоцировать спор, подбрасывать намеки и писать людям в личных сообщениях разные вещи. Потом в общий чат приносит скриншоты и пишет: «Смотри, что мне написали». Часть группы воспринимает это как справедливую самозащиту: если тут все сливают информацию, то и он имеет право. Другие видят, что фейк становится инструментом безответственности, что можно жестко высказаться, а потом спрятаться. Как бы ты поступил, если бы оказался в этом чате?

По экспертной оценке, «создание фейков» позволяет собирать информацию через доверительные диалоги и провоцировать конфликты. Экспертами было дополнено в обеих формулировках то, что фейковый аккаунт нарушает предсказуемость цифровой коммуникации, потому что у участников утрачивается уверенность в идентичности собеседника. Даже после разоблачения сохраняются сомнения.

Апробация исследовательского опросника проведена на 330 респондентах. Данные стандартизации отображены в таблице (Таблица 4).

Показатели валидности и надежности авторского исследовательского опросника

№ п/п	Шкала	Валидность		Надежность			Р _{теор} 0,05	Р _{теор} 0,01
		Р _{эксп} содерж ательн ая	Р _{эксп} критер иальная	Инстр умент альная я	Конс тант ность ь	Стаб ильн ость	0,78	0,79
1	Троллинг как провокация в Интернете	0,76	0,85	0,87	0,89	0,88		
2	Оскорбление и личные нападки	0,7	0,83	0,9	0,86	0,79		
3	Разглашение личной информации	0,75	0,86	0,87	0,88	0,88		
4	Моббинг в Интернете	0,89	0,89	0,85	0,9	0,94		
5	Киберсталкинг	0,76	0,79	0,7	0,71	0,71		
6	Флуд и спам	0,86	0,8	0,73	0,76	0,71		
7	Репутационные риски	0,8	0,81	0,7	0,7	0,68		
8	Изоляция	0,7	0,79	0,7	0,71	0,88		
9	Создание ложных профилей	0,75	0,87	0,79	0,9	0,79		

Проверка надежности разработанного инструментария осуществлялась по двум параметрам ретестовой надежности (с интервалом в 3 месяца) и внутренней согласованности (коэффициент α – Кронбаха). Установлено, что значение α – Кронбаха находятся в интервале 0,70 – 0,76, что соответствует критериям приемлемой надежности опросника.

Процедура стандартизации включала оценку содержательной и критериальной валидности. По результатам экспертной оценки шкалы и формулировки ситуаций были дополнены и изменены. После редактирования инструмента он был апробирован на однородной группе респондентов. Оценки согласовали с оценками экспертной комиссии, в которую входили исследователи в области интернет-психологии, психолингвистики и педагогический психологи с профессиональным стажем не менее 5 лет.

Процедура стандартизации включала оценку содержательной и критериальной валидности. По результатам экспертной оценки была уточнена структура блоков и выполнена адаптация формулировок под подростковую

выборку. После редактирования инструмент апробировался на гомогенной выборке респондентов. Первичные баллы по опроснику соотносились с экспертными оценками. На этапе установления критериальной валидности производилось сопоставление результатов опросника с основными выделенными составляющими участников буллинга в условиях виртуального пространства. Установлено, что эмпирические значения критерия ($\rho_{\text{эксп}}$) превосходят теоретические ($\rho_{\text{теор}}$), при $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$, что служит обоснованием для признания валидности разработанного опросника. По эмпирическому распределению суммарных баллов определены интерпретационные пороги для каждой шкалы, где отсутствие или низкие показатели определены порогом в 0 – 6 баллов; тенденция к формированию ролевой позиции – 6 – 12 баллов; сформированная ролевая позиция – 12 – 20 баллов.

Таким образом, указанные авторские опросники успешно реализуют свои цели для определения ролевой позиции в буллинг-структуре в реальном и виртуальном пространстве.

Следующим шагом было эмпирически определить стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге.

2.3. Эмпирические методы исследования коммуникативно-поведенческой, ценностно-смысловой и мотивационно-аффективной составляющей

Применение системного подхода к исследованию коммуникативного поведения участников буллинга в виртуальном пространстве позволило осуществить многоаспектный анализ исследуемой проблематики. Определены составляющие, оказывающие влияние на направленность стратегий коммуникативного поведения участников буллинга в виртуальном пространстве: когнитивно-аффективная, коммуникативно-конативная, мотивационная и ценностно-смысловая. Сформулировано предположение о

существовании взаимосвязи между коммуникативными и когнитивно-аффективными составляющими коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства. Объективность эмпирических данных обеспечивалась применением разнообразных диагностических методов, позволяющих проконтролировать достоверность полученных наблюдений.

Для исследования когнитивно-аффективной составляющей были использованы методики: опросник «11 ловушек» Д. Янга и Дж. Клоско, в адаптации Е. Кваши (адаптированный для подростков) [198]; опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» И.С. Лучинкиной [113]; методика «Шкала безнадежности для детей» А. Каздина, А. Роджерса, Д. Колбуса, в адаптации Е.С. Кагана [75]; методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» Р. Лихи, в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского [161].

Опросник «11 ловушек» Д. Янга и Дж. Клоско, в адаптации Е. Кваши (адаптированный для подростков), представлен как самоотчетный инструмент выявления выраженности жизненных схем, формирующихся на ранних этапах развития и воспроизводящихся во взрослой жизни [198]. Содержательный диагностический инструмент представляет собой одиннадцать шкал, описывающих разные направления базовых убеждений в области привязанности, доверия, принятия, самооценности и границ самоконтроля. Опросник обладает весовым преимуществом, а именно то, что каждая шкала отражает относительно стабильную предрасположенность, а не ситуативную реакцию. Опросник позволяет получить профиль уязвимости, который удобно сопоставлять с коммуникативными стратегиями поведения.

Опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» И.С. Лучинкиной разработан для диагностики ошибочных убеждений мышления, проявляющихся в контексте восприятия информации в виртуальном пространстве [113]. Опросник опирается на когнитивную модель А. Бека. Инструмент включает 40 утверждений, которые сгруппированы в 10

тематических блоков. Ответы кодируются по бальной шкале, что позволяет количественно оценивать выраженность каждой когнитивной ошибки. Преимущество данного опросника – контекстуальная привязанность к виртуальному общению, что делает его удобным для исследования коммуникативного поведения в виртуальном пространстве. Опросник позволяет фиксировать, какие именно искажения повышают вероятность вовлечения и провокации или, наоборот, уязвимости к травмирующей интерпретации обратной связи.

Методика «Шкала безнадежности для детей» А. Каздина, А. Роджерса и Д. Колбуса, в адаптации Е.С. Кагана, концептуально связана с подходом А. Бека, поскольку измеряет негативное ожидание относительно будущего [75]. Методика состоит из 17 полярных утверждений, что делает ее удобной для опроса в подростковых выборках, суммарный балл отражает степень выраженности ощущений отсутствия перспективы и безнадежности. В исследованиях показана достаточная надежность и конструктивная валидность, а также двухфакторная структура.

Методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» Р. Лихи, в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялгонского, предназначена для оценки интерпретации и регуляции собственных эмоций и выявления дисфункциональных эмоциональных схем, которые усиливают уязвимость и затрудняют конструктивную коммуникацию [161]. Ключевые шкалы включают: инвалидизацию, недостаточную осознанность эмоций, вину и стыд, упрощенное понимание эмоций, обесценивание, страх потери контроля, бесчувственность, чрезмерную рационализацию, ожидаемую длительность эмоций, низкую консистентность, сдерживание выражения, руминацию, низкую выраженность и обвинение других. Преимущество данного опросника заключается в диагностике не самих эмоций, а когнитивных правил обращения с ними, что особенно важно при анализе виртуальной коммуникации, где эмоции чаще всего завуалированы оценочными суждениями.

Для исследования коммуникативно-конативной составляющей применялись: «Методика исследования виктимного поведения» О.О. Андронниковой [7]; опросник «Категория ранних решений» С.В. Максимова [67]; «Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления» И.Г. Сизовой, С.И. Филиппченковой, адаптированная для подростков, авторская адаптация [160]; методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» В.В. Бойко [36].

Методика исследования виктимного поведения О.О. Андронниковой ориентирована на выявление предрасположенности подростков к различным формам виктимного поведения [7]. В описании методики выделяются шкалы, которые отражают различные виды виктимного поведения (агрессивный тип, активный тип, инициативный тип, пассивный и некритичный тип потерпевшего), а также показатель реализованной виктимности. Особенно полезным для нас является типологический профиль опросника, который позволяет интерпретировать роли в буллинге. Опросник также отдельно учитывает социально желательные ответы, которые имеют большое значение при исследовании респондентов подросткового возраста.

«Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления» И.Г. Сизовой, С.И. Филиппченковой (адаптированная для подростков, авторская адаптация) направлена на диагностику преобладающих когнитивно-поведенческих стратегий при осмыслении и переработке трудных ситуаций [160]. В описаниях методики группируются блоки, а именно конструктивно-преобразующие, конструктивно-приспособительные и неконструктивные. Преимуществом данной методики является то, что она позволяет получить структуру когнитивного реагирования. Одни стратегии поддерживают прояснение саморегуляции, другие – катастрофизацию и закрепление конфликтного поведения. Для нас данный опросник является ключевым, поскольку позволяет оценить преобладающие конструктивные и неконструктивные стратегии поведения личности. В ходе подготовки психодиагностического инструментария нами была предложена авторская

адаптация для исследования когнитивно-поведенческих стратегий преодоления в виртуальном пространстве.

Примеры адаптированных вопросов для исследования когнитивно-поведенческих стратегий в виртуальном пространстве:

1. Перед тем как ответить на провокационные комментарии, мысленно проговариваю несколько вариантов ответа и их возможные последствия у себя в голове (шкала: когнитивная репетиция).

2. Если диалог в сети становится безвыходным, я пересматриваю свои ожидания от общения и ставлю целью завершить разговор (шкала: коррекция ожиданий).

3. Когда есть риск напряженного общения в сети, заранее продумываю, какие меры могу предпринять, чтобы удержать ситуацию под контролем (шкала: антиципирующее преодоление).

4. Я заранее готовлюсь к наиболее худшим исходам в Интернете (к ситуациям буллинга, потере репутации, давлению со стороны аудитории и пр.) (шкала: предвосхищающая печаль).

5. После неприятного комментария я пытаюсь найти конструктивные смыслы, например, понять, что именно меня задело (шкала: позитивное истолкование ситуации).

6. Конфликт в Интернете я могу воспринять как сигнал пересмотреть круг своего общения (шкала: придание ситуации нетривиального смысла).

7. В трудной ситуации я мысленно обращаюсь к примеру людей, которые сталкивались с кибербуллингом (шкала: идентификация со счастливыми).

8. После неприятного эпизода в сети я долго возвращаюсь к своим переживаниям и мысленно прокручиваю все в голове (шкала: фиксация на эмоциях).

9. Если общение в сети становится тяжелым, я предпочитаю выйти из чата или отключить уведомления (шкала: уход или бегство).

10. Даже если меня кто-то задел в общении в интернете, я могу вести себя так, будто ничего не произошло, и не признавать, что меня задели (шкала: отрицание).

Опросник «Категория ранних решений» С. В. Максимова направлен на выявление устойчивых сценарных предписаний, формирующихся в детско-родительском взаимодействии [67]. Опросник используется как скрининг ограничивающих установок, которые могут поддерживать негативную позицию и повышать уязвимость в межличностных отношениях. Достоинством данного опросника является фокус на неосознаваемых паттернах, что позволяет отслеживать коммуникативные стратегии поведения.

Методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» В.В. Бойко направлена на исследование выраженности негативных коммуникативных установок, которые повышают вероятность возникновения жестких форм общения [36]. В методике выделяются компоненты, описывающие различные формы негативной направленности в коммуникации, а именно – определение причин, мешающих устанавливать эмоциональный контакт с окружающими. К ним относятся: неумение управлять эмоциями, неадекватное проявление эмоций, негибкость и неразвитость эмоциональной сферы, доминирование негативных эмоций и нежелание сближаться с людьми. Диагностическое преимущество методики заключается в возможности получить общее представление о негативных установках к предрасполагающим факторам коммуникативного поведения, что удобно для сопоставления с ролевыми позициями в реальном и виртуальном буллинге.

Исследование мотивационной составляющей применялась с помощью методики А.И. Лучинкиной «Личность в виртуальном пространстве» [100, 108].

Опросник «Личность в виртуальном пространстве» А.И. Лучинкиной направлен на выявление мотивов, которые задают направленность интернет-

активности как устойчивого способа взаимодействия личности с виртуальным пространством [100, 108]. В рамках данного опросника представлены мотивы пребывания в сети, которые определяются через форму присутствия, которые выбирает пользователь при выстраивании контактов и самопрезентации. Мотивы объединяются в две группы: творческие и потребительские. Творческие мотивы отражают ориентацию на производство и конструирование цифровой среды. К ним относится направленность на распространение и создание контента, ориентация на приватное пространство и контроль границ, стремление к созданию нескольких аккаунтов. Потребительские мотивы описывают преимущественно использование готовых возможностей платформ. Они включают в себя: поддержание множественных контактов с различных географических мест), построение виртуального образа по образцу и подобию закрепленных в сетевой культуре. Преимущества использования данного опросника в том, что он позволяет операционализировать мотивационную сторону виртуального поведения через четкие категории цифрового взаимодействия. Опросник позволяет описать интерпретацию различий между группами пользователей и проанализировать связь особенностей виртуальной коммуникации с рисками деструктивных форм взаимодействия через мотивы, которые поддерживают определенные способы присутствия и участия в сетевой среде.

Для исследования ценностно-смысловой составляющей применялись: методика «Антивитальность и жизнестойкость» О.А. Сагалковой, Д.В. Труевцева [157]; опросник «Смыслы личности в виртуальной среде» И.С. Лучинкиной [110].

Методика «Антивитальность и жизнестойкость» О.А. Сагалковой и Д.В. Труевцева позволяет, с одной стороны, выявить антивитальные проявления в виде дезадаптации и неблагополучия, а с другой – ресурсы жизнестойкости [157]. Ключевым преимуществом методики является одновременная оценка рисков и ресурсов, что удобно для оценки благополучия подростка в ситуациях буллинга. Методика позволяет не только фиксировать

неблагополучие, но и видеть компенсаторные точки опоры, которые влияют на выбор коммуникативной позиции.

Для исследования смыслов в виртуальном пространстве был использован опросник «Смыслы личности в виртуальной среде» И. С. Лучинкиной. Опросник направлен на оценку семантических регуляторов и смысловых доминантов поведения в Интернете [110]. Преимущество данного опросника заключается в возможности описать смысловую организацию личности в сети, что может способствовать объяснению возможной смены ролевой позиции буллинга в виртуальном пространстве, а также условий, при которых виртуальное общение становится компенсаторной стратегией.

Для определения психологических травм (отвержение, оставленность, унижение, предательство и несправедливость) использован тест «Тест на пять травм» (Л. Бурбо, в адаптации М. Завизон) [33]. Методика направлена на выявление доминирующей травмирующей темы и связанных с ней привычных защитных способов реагирования при межличностном взаимодействии. Преимуществом данной методики является ясность и удобство первичного описания субъективного опыта, который может усиливать уязвимость в общении, в том числе и при буллинге. Опросник использован как дополнительный источник для описания переживания субъективного опыта в травмирующей ситуации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Обоснована необходимость эмпирического исследования когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства. В рамках когнитивно-аффективной составляющей рассматриваются дисфункциональные установки, когнитивные искажения мышления, которые влияют на коммуникативное поведение пользователя как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Коммуникативно-конативная составляющая позволяет рассмотреть коммуникативные установки, определяющие проблемы, затрудняющие коммуникацию в реальном и виртуальном пространстве. Мотивационная составляющая позволяет определить доминирующие мотивы пребывания пользователя в сети. В рамках ценностно-смысловой составляющей рассматриваются смыслы личности подросткового возраста в виртуальном пространстве. Могут быть выделены стратегии поведения личности в условиях виртуального буллинга, связанные с индивидуально-психологическими особенностями участников и их ролевой позицией в буллинге.

2. Для решения поставленных задач предложен комплекс эмпирических методов исследования: анкетирование и психодиагностическое тестирование. В качестве группирующей методики для выявления ролевой позиции в буллинг-структуре был выбран авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в буллинге». Для исследования когнитивно-аффективной составляющей применялись: опросник «11 ловушек» (Д. Янг и Дж. Клоско, в адаптации Е. Кваша) (адаптированный для подростков) – для изучения иррациональных установок в реальной коммуникации; опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» (И.С. Лучинкина) – для выявления дисфункциональных установок в виртуальном пространстве; методика «Шкала безнадежности для детей» (А. Каздин, А. Роджерс, Д.

Колбус, в адаптации Е.С. Кагана) – для выявления суицидальных рисков; методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» (Р. Лихи, в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского) – для исследования эмоциональных схем в реальной коммуникации. Для исследования коммуникативно-конативной составляющей применялись: методика «Методика исследования виктимного поведения» (О.О. Андронникова) – определение предрасположенности к реализации различных форм виктимного поведения в реальном пространстве; опросник «Категория ранних решений» (С.В. Максимова) – выявление родительских предписаний в поведении; авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в кибербуллинге»; методика «Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления» (И.Г. Сизова, С.И. Филиппченкова; адаптированная для подростков; авторская адаптация) – исследование стратегий совладающего поведения в реальном и виртуальном пространстве; методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» (В.В. Бойко) – установление коммуникативных установок в реальной коммуникации. Исследование мотивационной составляющей осуществлялось с помощью методики «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина). Для исследования ценностно-смысловой составляющей применялись: методика «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалкова, Д.В. Труевцев) – выявление системы ценностных ориентаций в реальном пространстве; опросник «Смыслы личности в виртуальной среде» (И.С. Лучинкина). Для определения психологических травм (отвержение, оставленность, унижение, предательство и несправедливость) использован тест «Тест на пять травм» (Л. Бурбо, в адаптации М. Завизон).

3. Методической проблемой исследования является отсутствие методик, позволяющих оценить ролевую позицию личности в буллинг-структуре с учетом сопротивления респондентов подросткового возраста и индивидуально-психологического многообразия, лежащего в основе этой ролевой позиции. Известными опросниками для выявления ролевой позиции

в ситуации буллинга являются опросники Д. Ольвеуса, в адаптации Е.В. Бушиной и А.М. Муминовой, и «Опросник риска буллинга» за авторством А.А. Бочавер. Однако существующие методики не в полной мере отражают сложность и многогранность ролевых позиций в буллинг-структуре. Опросник Е.Г. Норкиной является наиболее близкими для данного исследования, однако его реализация затруднена в следствии высокого процента социально-желательных ответов и вопросов, которые требуют открытого обозначения позиции респондента, что может вызвать сопротивление. Также одной из главных проблем в исследовании буллинга в виртуальном пространстве является отсутствие методик, позволяющих определить ролевую позицию личности подросткового возраста в кибербуллинге. В связи с этим была поставлена задача разработки специализированного инструментария исследовательских опросников «Ролевая позиция в буллинге» и «Ролевая позиция в кибербуллинге».

4. Процедура стандартизации включала оценку содержательной и критериальной валидности. По результатам экспертной оценки была уточнена структура блоков и выполнена адаптация формулировок под подростковую выборку. После редактирования инструмент апробировался на гомогенной выборке респондентов. Первичные баллы по опросникам соотносились с экспертными оценками. На этапе установления критериальной валидности производилось сопоставление результатов опросника с основными выделенными составляющими участников буллинга в условиях виртуального пространства. Установлено, что эмпирические значения критерия ($p_{\text{экс}}$) превосходят теоретические ($p_{\text{теор}}$), при $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$, что служит обоснованием для признания валидности разработанных опросников.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

3.1. Исследование составляющих коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства

В ходе эмпирического исследования с помощью группирующей методики выявлены группы респондентов, согласно занимаемым ролевым позициям в буллинг-структуре. Среди них: жертвы – 112 человек, инициаторы – 97 человек, помощники инициатора – 159 человек, защитники жертвы – 131, наблюдатели – 393. Результаты исследования отображены на рисунке (Рисунок 7).

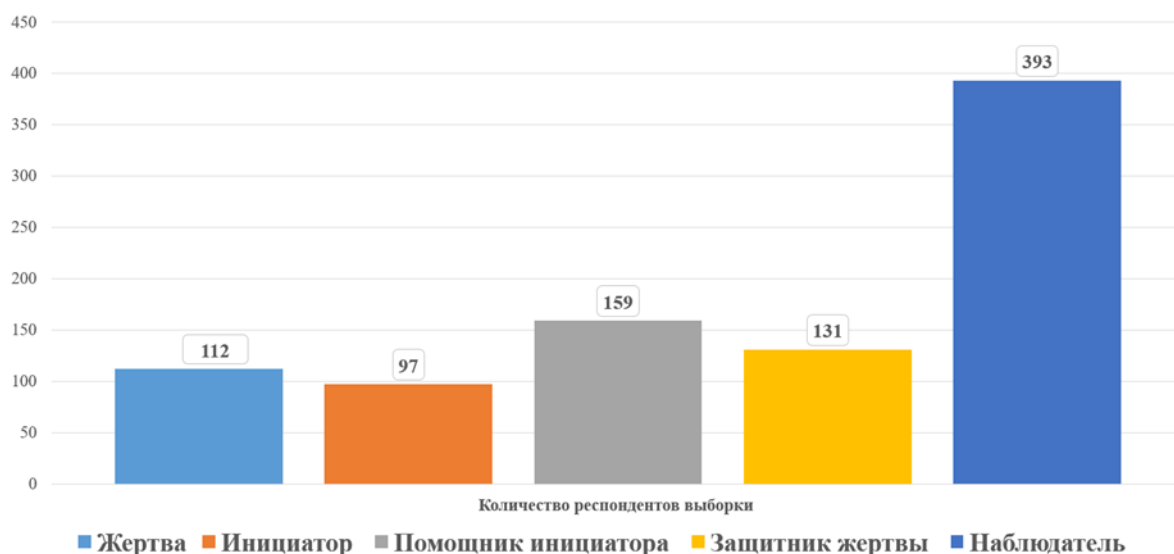

Рисунок 7. Распределение ролевых позиций в группах выборки

Жертва представляет собой участника, который систематически подвергается целенаправленным и агрессивным нападениям со стороны одного человека или группы людей.

Инициатор представляет собой субъекта, который инициирует и целенаправленно поддерживает травлю. Инициатор задает нормативный контур агрессивного взаимодействия, поддерживая нападки, угрозы,

оскорбления и социальную изоляцию. Буллинг часто выступает инструментом для закрепления статусных преимуществ в группе.

Помощник инициатора – это участник, который обеспечивает поддержку агрессору и усиливает воздействие на жертву, не будучи зачинщиком травли. Участие может носить прямой (физическое воздействие), либо косвенный (моральное или психологическое насилие) характер, что способствует эскалации травли и повышает устойчивость динамики буллинг-структуры.

Защитник жертвы представляет собой участника, который направлен на противодействие травле и снижение последствий от нее. Реализуется просоциальные стратегии поведения, а именно вмешательство в конфликт, поддержка пострадавшего от травли, а также направленность на психологическую безопасность и поддержку группы.

Наблюдатель представляет собой участника, который не вмешиваться в ситуацию буллинга, сохраняя нейтралитет позиции.

Дальнейшей задачей исследования было эмпирически изучить когнитивно-аффективные, коммуникативно-конативные, мотивационные и ценностно-смысловые особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

Для исследования когнитивно-аффективной составляющей, а именно наличия и выраженности иррациональных установок в реальном пространстве, использован опросник «11 ловушек» Д. Янг и Дж. Клоско, в адаптации Е. Кваша (адаптирован для подростков) [198].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям выраженности иррациональных установок в реальном пространстве с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 5).

Достоверные отличия выраженности иррациональных установок в реальном пространстве у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Отверженности в отношении себя	20,345	0,01
Недоверие	19,832	0,04
Изгнание из общества	32,421	0,01
Несостоятельность	18,297	0,05
Эмоциональная депривация	17,244	0,05
Неполноценность	15,199	0,04
Покорность	14,927	0,01
Зависимость	11,542	0,05
Избранность	12,932	0,05
Завышенные стандарты	13,125	0,05
Уязвимость	11,571	0,01

Результаты исследования когнитивно-аффективной составляющей иррациональных установок у участников буллинга-структуры приведены на рисунке (Рисунок 8).

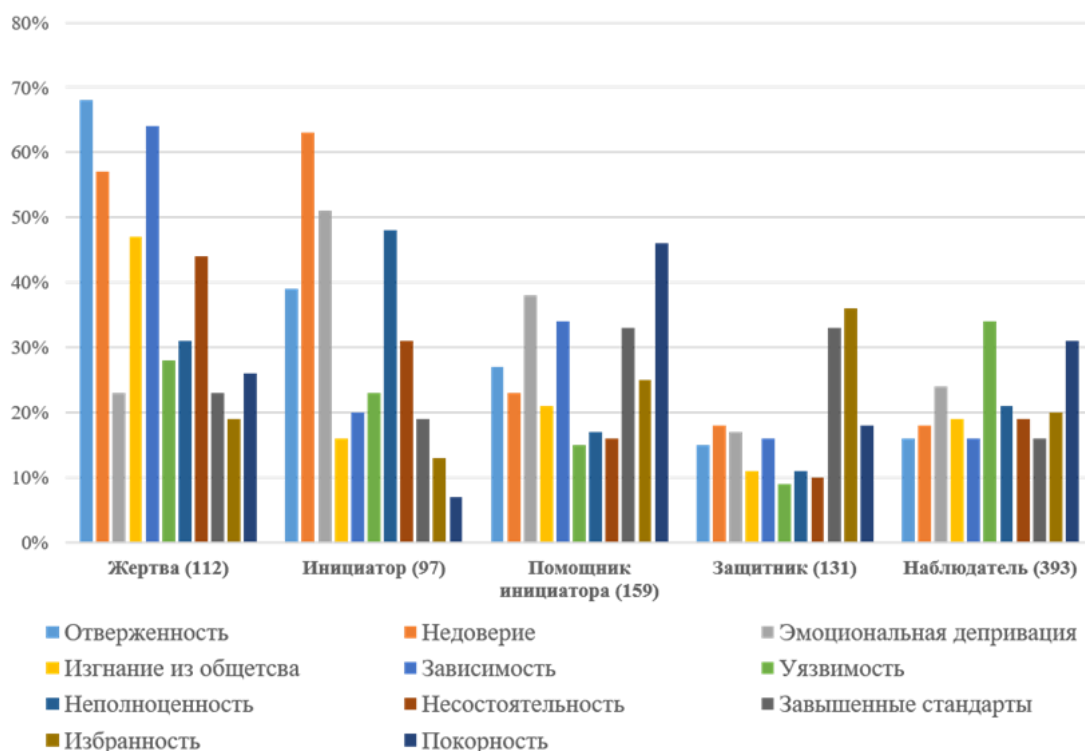

Рисунок 8. Распределение иррациональных установок в реальном пространстве в группах с различными ролевыми позициями в буллинговой структуре ($p \leq 0,05$)

Исходя из Рисунка 8, определено, что группе жертв и группе инициаторов присущи иррациональные установки по типу отверженности в отношении себя ($N_{эмп} = 20,345 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные респонденты демонстрируют средние или низкие показатели по указанной шкале. У личности повышается чувствительность к сигналам дистанцирования из-за убеждения, что ее обязательно покинут, оставят и предадут. Например, жертва буллинга может быть терпима к унижениям и нападениям, а инициаторы и помощники, напротив, демонстрировать силу для предотвращения исключения из группы сверстников.

Группа жертв и инициаторов демонстрируют высокие показатели по шкале недоверия ($N_{эмп} = 19,832 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). У остальных групп выборки низкие показатели по шкале. Недоверие определяется установкой на враждебность и ожиданием унижения или обмана от других. У жертвы буллинга может формироваться недоверие из-за отсутствия помощи и

вмешательства со стороны других в ситуации травли. Отсюда складывается убеждение, что никто не окажет помощь в тяжелый момент. Следует отметить, что жертвы буллинга редко или практически никогда не обращаются за помощью из-за отсутствия постороннего вмешательства в ситуациях травли. У инициаторов и помощников просьба о помощи может восприниматься как слабость, а нападение интерпретироваться как способ защиты.

Эмоциональная депривация была обнаружена у группы инициаторов и помощников инициаторов ($N_{\text{эмп}} = 17,244 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Эмоциональная депривация характеризуется убеждением личности, что никто не способен удовлетворить ее потребность в любви, принятии и принадлежности. У группы инициаторов и помощников это может выражаться в эмоциональной холодности и не включенности в ситуации, где необходимо проявить эмпатию и сострадание.

Высокие показатели были выявлены у группы жертв, а также средние значения у группы помощников инициатора по шкале зависимости ($N_{\text{эмп}} = 11,542 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Зависимость выражается в убеждении личности в отсутствии у себя необходимых компетенций для самостоятельного решения какой-либо задачи. Может наблюдаться потребность в постоянном авторитете или подчинении. У жертвы могут проявляться стратегии приспособления и избегания, отсутствие попыток отстаивать свои границы. А помощники инициатора могут не считать себя субъектом влияния на внешние ситуации, поскольку действуют под подчинением авторитета.

У группы жертв и помощников инициатора были выявлены тенденции по типу изгнания из общества ($N_{\text{эмп}} = 32,421 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы демонстрируют низкие показатели по шкале. Изгнание из общества характеризуется убеждением о собственной непринадлежности к социальным группам, что способствует снижению уровня общения.

Высокий уровень неполноценности был обнаружен у группы инициаторов, а средний уровень у группы жертв ($N_{\text{эмп}} = 15,199 > N_{\text{крит}} = 11,070$,

при $p \leq 0,05$). Остальные демонстрируют сниженные показатели по шкале. Личность убеждена в собственной неполноценности, отчего следует отрицательная оценка себя. Жертва может принимать негативные комментарии в свой адрес как подтверждение собственной дефективности. А инициатор использовать агрессию как компенсаторную стратегию для снижения собственного стыда.

Группа жертв и инициаторов демонстрирует тенденции по типу несостоятельности ($N_{\text{эмп}} = 18,297 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). У остальных групп обнаружены минимальные значения. Несостоятельность выражается в том, что личность убеждена в своей неспособности добиться значимых целей или конкурировать с другими. Например, инициатор может испытывать враждебность в адрес тех, кто более успешен, а жертва снижать коммуникативную активность в группе.

Завышенные стандарты были выявлены у группы защитников и наблюдателей, в то время как остальные группы демонстрируют низкие показатели ($N_{\text{эмп}} = 13,125 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Завышенные стандарты указывают на наличие у личности жестких представлений и требований в адрес себя или других.

Также у группы защитников и помощников инициаторов были обнаружены тенденции к избранности ($N_{\text{эмп}} = 12,932 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Установка выражается в потребности на исключительное отношение к себе. У помощников инициатора это может выражаться в стремлении придерживаться доминирующей стороны, чтобы занимать авторитетную позицию в группе.

Покорность была обнаружена у группы помощников инициатора и наблюдателей ($N_{\text{эмп}} = 14,927 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Личности может быть характерна ориентация на уступчивость, приспособленческая стратегия поведения и высокая зависимость от внешней оценки. Например, наблюдатели могут поддерживать сторону агрессора молчанием или пассивностью.

У группы жертв и наблюдателей отмечена тенденция к иррациональной установке по типу уязвимости ($N_{\text{эмп}} = 11,571 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники демонстрируют средние показатели по указанной шкале. Уязвимость характеризуется ожиданием последствий, что вызывает потребность в контроле ситуации.

Следует отметить нетипичные показатели иррациональных установок у группы жертв: покорность ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,5$, при $p=0,05$), эмоциональная депривация ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,4$, при $p=0,05$), избранность ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,9$, при $p=0,05$) и завышенные стандарты ($\chi^2_{\text{эмп}} = 5,8$, при $p=0,05$). Для инициаторов присущи нетипичные показатели иррациональных установок: уязвимость ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,3$, при $p=0,05$), зависимость ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,1$, при $p=0,05$), завышенные стандарты ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,4$, при $p=0,05$), покорности ($\chi^2_{\text{эмп}} = 5,7$, при $p=0,05$) и изгнание из общества ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,2$, при $p=0,05$). Из нетипичных случаев иррациональных установок у группы помощников инициатора отмечена выраженность завышенных стандартов ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,9$, при $p=0,05$), отверженности ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,9$, при $p=0,05$), уязвимости ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,1$, при $p=0,05$) и несостоятельности ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$). Наблюдаются нетипичные случаи иррациональных установок у группы защитников: недоверие ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,4$, при $p=0,05$), эмоциональная депривация ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,6$, при $p=0,05$) и отверженность ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,8$, при $p=0,05$). Из нетипичных случаев иррациональных установок у группы наблюдателей отмечена эмоциональная депривация ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$).

Таким образом, группа жертв, инициаторов и помощников демонстрирует наиболее выраженные показатели по шкалам иррациональных установок в реальном пространстве, что может свидетельствовать о наличии и выраженности устойчивых эмоционально-когнитивных паттернов, которые были усвоены на ранних стадиях и могут воспроизводиться как привычные стратегии и способы реагирования на различные ситуации.

Для исследования когнитивно-аффективной составляющей, а именно наличия и выраженности когнитивных искажений в виртуальном

пространстве, применялся исследовательский опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» И.С. Лучинкиной [18, 113].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям когнитивных искажений в виртуальном пространстве с помощью H -критерия Краскела-Уоллиса выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 6).

Таблица 6

Достоверные отличия выраженности когнитивных искажений в виртуальном пространстве у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{\text{эмп}}$	Уровень статистической значимости, α
Мысленный фильтр	14,037	0,04
Дихотомическое мышление	16,662	0,05
Персонализация	14,710	0,05
Долженствование	13,277	0,05
Катастрофизация	26,296	0,01
Сверхгенерализация	31,310	0,01
Навешивание ярлыков	21,161	0,01

Результаты исследования выраженности когнитивных искажений в виртуальном пространстве приведены на рисунке (Рисунок 9).

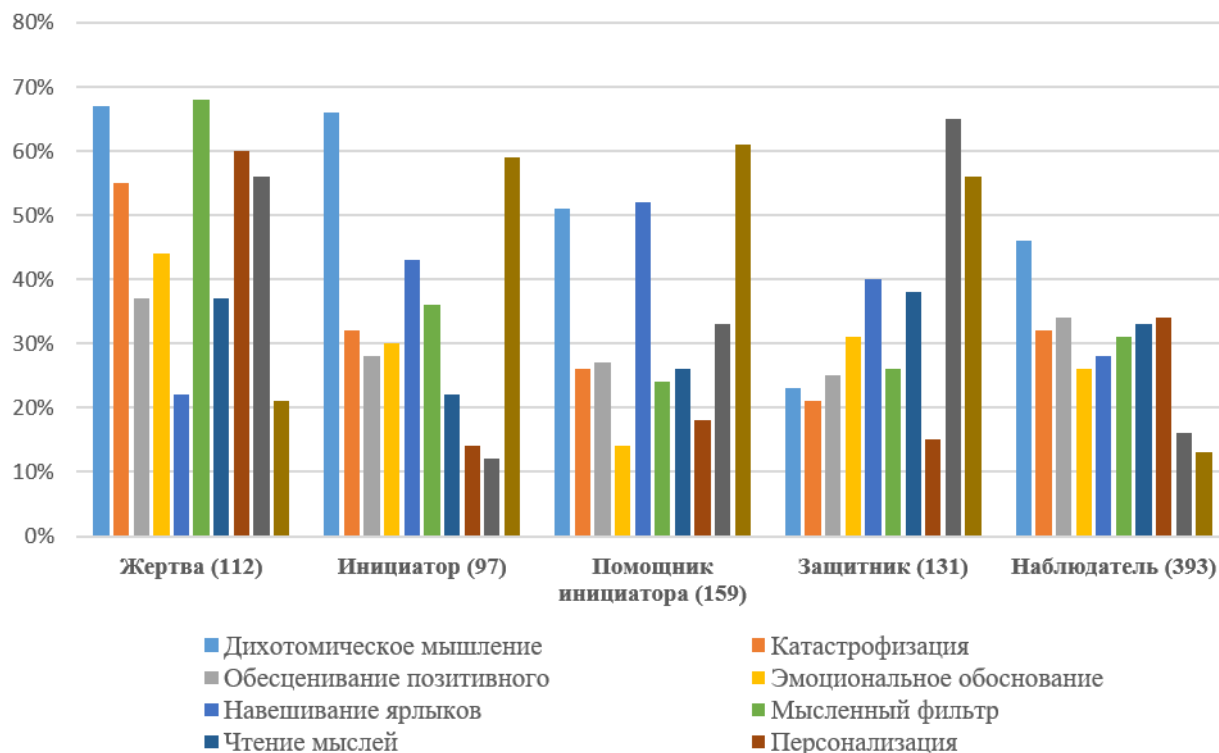

Рисунок 9. Распределение когнитивных искажений в виртуальном пространстве в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

Группа жертв, инициаторов, помощников и наблюдателей демонстрируют выраженность иррациональных установок в ходе интернет-общения по типу дихотомического мышления ($N_{эмп} = 16,662 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Дихотомическое мышление выражается в склонности личности оценивать события в полярных категориях. Например, в ситуации буллинга участники могут воспринимать ситуацию как противостояние «сильных» и «слабых», «плохих» и «хороших», «правых» и виноватых».

Высокий уровень катастрофизации был выявлен у группы жертв, а средний у группы инициаторов и наблюдателей ($N_{эмп} = 26,296 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Катастрофизация выражается в преувеличении значимости и тяжести последствий какой-либо ситуации. Угрозы и нападки могут восприниматься личностью как триггеры для более тяжелых последствий.

Мысленный фильтр был отмечен у группы жертв и инициаторов, в то время как остальные группы показывают средние или минимальные значения

($N_{\text{эмп}} = 14,037 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). В данном когнитивном искажении личность акцентирует внимание только на отрицательных аспектах и игнорирует положительные. Например, жертва буллинга может непрерывно отслеживать угрозы, даже в самых нейтральных ситуациях, что приводит к истощению и повышенному уровню тревожности.

Персонализация выражена у группы жертв, а тенденции обнаружены у группы наблюдателей ($N_{\text{эмп}} = 14,710 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Личность, подверженная данной установке, чаще всего склонна приписывать себе ответственность за внешние обстоятельства. У жертвы может повышаться уровень самообвинения в происходящем, перекладывание вины на себя, что снижает вероятность обращения за помощью.

Высокий уровень сверхгенерализации был отмечен у группы инициаторов, помощников инициатора и защитников ($N_{\text{эмп}} = 31,310 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Личность совершает умозаключение по единичному эпизоду. Стратегия поведения, которая была эффективна в прошлом, может способствовать закреплению ролевой позиции в буллинге.

Навешивание ярлыков было выявлено у группы инициаторов и помощников инициаторов, в то время как остальные демонстрируют низкие показатели по шкале ($N_{\text{эмп}} = 21,161 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Навешивание ярлыков подразумевает под собой закрепление оценки по определенному или единичному признаку. То есть, буллинг переходит от оценки действий к глобальной оценке самой личности и ее качеств.

Следует отметить нетипичные показатели когнитивных искажений у группы жертв: эмоциональное обоснование ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,1$, при $p=0,05$), навешивание ярлыков ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$), чтение мыслей ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,3$, при $p=0,05$) и сверхгенерализация ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,9$, при $p=0,05$). Нетипичные показатели когнитивных искажений у группы инициаторов: катастрофизация ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,5$, при $p=0,05$), эмоциональное обоснование ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,9$, при $p=0,05$), обесценивание позитивного ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,8$, при $p=0,05$). У группы помощников встречаются нетипичные случаи когнитивных искажений: долженствования

($\chi^2_{\text{эмп}} = 9,1$, при $\rho=0,05$), катастрофизации ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,6$, при $\rho=0,05$) и обесценивания позитивного ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,8$, при $\rho=0,05$). Выявлены нетипичные случаи когнитивных искажений у группы защитников: чтение мыслей ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,8$, при $\rho=0,05$), эмоциональное обоснование ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,9$, при $\rho=0,05$) и мысленный фильтр ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,1$, при $\rho=0,05$). Кроме того, у группы наблюдателей обнаружены нетипичные случаи когнитивных искажений: катастрофизация ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,8$, при $\rho=0,05$), персонализация ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,9$, при $\rho=0,05$), чтение мыслей ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,1$, при $\rho=0,05$) и эмоционального обоснования ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,7$, при $\rho=0,05$).

Таким образом, у группы жертв и инициаторов были выявлены выраженные когнитивные искажения в ходе интернет-общения. Данные искажения могут повышать вероятность вовлечения и провокации или, наоборот, уязвимости к травмирующей интерпретации обратной связи в интернет-общении.

Для исследования когнитивно-аффективной составляющей, а именно наличия и выраженности эмоциональных (дисфункциональных схем) применена методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» Р. Лихи, в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского [161].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям выраженности эмоциональных схем с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 7).

Достоверные отличия выраженности эмоциональных схем у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Чрезмерная рационализация	16,212	0,05
Непринятие чувств	14,262	0,03
Вина и стыд	15,075	0,05
Низкий консенсус	13,941	0,04
Потеря контроля	17,666	0,04
Упрощенный взгляд на эмоцию	13,941	0,05
Обесценивание	11,102	0,04
Инвалидизация	12,832	0,05

Результаты исследования выраженности эмоциональных схем приведены на рисунке (Рисунок 10).

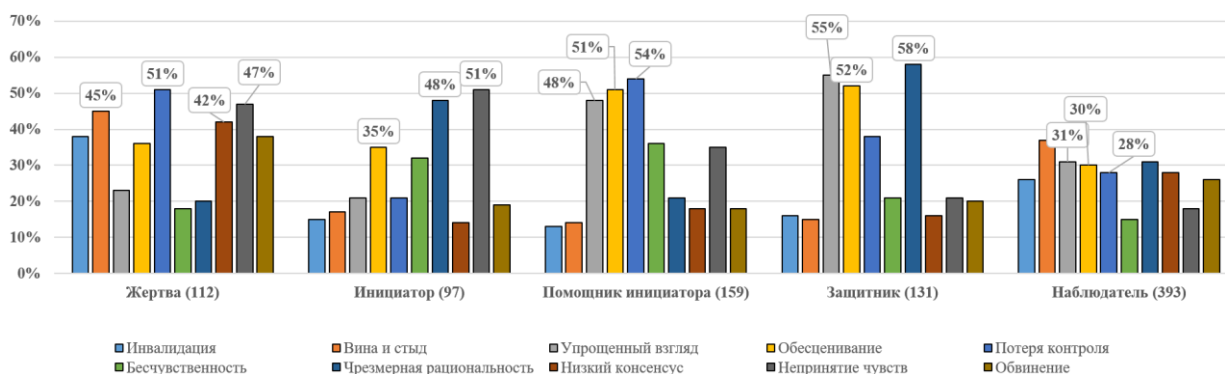

Рисунок 10. Распределение эмоциональных схем в общении в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

Выявлено, что группе инициаторов и защитников присуща эмоциональная схема по типу чрезмерная рационализация ($N_{эмп} = 16,212 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Группа жертв, помощников и наблюдатели демонстрируют низкие показатели по шкале. Чрезмерная рациональность выражается в стремлении личности обосновать ситуацию с точки зрения логики, игнорируя эмоциональную и нравственную сферы. В ситуации буллинга это может проявляться в стремлении сохранять правила, используя

жесткие методы давления. У группы защитников это может выражаться в оказании формальной поддержки жертве, игнорируя ее индивидуально-личностные особенности.

Обнаружено, что группе жертв и инициаторов свойственна эмоциональная схема по типу неприятие чувств ($N_{эмп} = 14,262 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Помощники инициатора демонстрируют склонность к данной схеме, в то время как остальные группы показывают минимальные значения. Неприятие чувств сопровождается запретом на проявление каких-либо чувств и эмоций по отношению к субъекту или ситуации. Следует отметить, что данная схема не означает, что личность не способна к проявлению чувств, а скорее указывает на трудности в их распознавании у себя и окружающих.

Тенденции к вине и стыду обнаружены у группы жертв и наблюдателей ($N_{эмп} = 15,075 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Вина и стыд рассматриваются как устойчивые аффективные реакции после конфликтной или стрессовой ситуации. У жертвы может наблюдаться усиление социальной изоляции, самоуничтожение и обвинение себя в произошедшем, что может способствовать повторной виктимизации со стороны агрессора.

Также группе жертв и наблюдателей свойственны тенденции к низкому консенсусу, в то время как остальные группы выборки демонстрируют низкие показатели по шкале ($N_{эмп} = 13,941 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Низкий уровень консенсуса выражается в убеждении личности в уникальности своего личного опыта, эмоций и мыслей. Отсюда у жертвы может сложиться мнение о своей собственной неполноценности, поскольку этот путь приходится проходить только ей.

Выраженность потери контроля было выявлено у группы жертв, помощников инициатора и защитников ($N_{эмп} = 17,666 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Личность убеждена, что будет неспособна справиться с проблемой, поскольку ситуация развивается независимо от приложенных усилий. Жертва буллинга может быть неспособна дать отпор, поскольку убеждена, что никак не может повлиять на ситуацию. Группа наблюдателей может нормализовать

происходящее, поскольку уже будет выработалась терпимость к конфликтам и нападкам в адрес жертвы.

У группы помощников инициатора и защитников отмечаются высокие показатели по схеме упрощенный взгляд на эмоцию, в то время как остальные демонстрируют средние или низкие показатели ($N_{эмп} = 13,941 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$) [116]. Упрощенный взгляд на эмоцию снижает вероятность содержательного разбирательства, поскольку закрепляются стереотипные роли в позиции агрессор – жертва. Отсюда следует изменение мнение большинства группы о ситуации буллинга, поскольку социальное давление образует конформное поведение.

Стоит отметить, что у данных групп также была обнаружена выраженность эмоциональной схемы по типу обесценивание, а у жертвы и инициатора выявлены тенденции ($N_{эмп} = 11,102 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Ситуация буллинга способствует тому, что группа может обесценить социальный статус жертвы, игнорировать ее достоинства и достижения. Агрессор стремится путем унижений и оскорблений подорвать репутацию жертвы.

Тенденция к инвалидизация выявлена у группы жертв и наблюдателей ($N_{эмп} = 12,832 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$).

Следует отметить нетипичные показатели эмоциональных схем у группы жертв: инвалидизация ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p=0,05$), обвинение ($\chi^2_{эмп} = 6,3$, при $p=0,05$), обесценивание ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p=0,05$) и упрощенный взгляд ($\chi^2_{эмп} = 6,8$, при $p=0,05$) и чрезмерная рационализация ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p=0,05$). В группе инициаторов также определены нетипичные случаи эмоциональных схем: обесценивание ($\chi^2_{эмп} = 6,4$, при $p=0,05$), бесчувственность ($\chi^2_{эмп} = 6,9$, при $p=0,05$) и упрощенный взгляд ($\chi^2_{эмп} = 7,5$, при $p=0,05$). Встречаются нетипичные случаи эмоциональных схем у группы помощников: бесчувственность ($\chi^2_{эмп} = 7,6$, при $p=0,05$) и неприятие чувств ($\chi^2_{эмп} = 8,4$, при $p=0,05$). Встречаются также нетипичные случаи эмоциональных схем у группы защитников: потеря контроля ($\chi^2_{эмп} = 8,5$, при $p=0,05$) и

бесчувственность ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,5$, при $\rho=0,05$). Отмечены нетипичные случаи эмоциональных схем у группы защитников: потеря контроля ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,8$, при $\rho=0,05$) и чрезмерная рациональность ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,5$, при $\rho=0,05$).

Таким образом, у группы жертв, инициаторов и наблюдателей были отмечены повышенные показатели по эмоциональным схемам общения, что может свидетельствовать об усилении уязвимости и затруднении к конструктивной коммуникации.

Для исследования когнитивно-аффективной составляющей, а именно суицидального риска была применена методика «Шкала безнадежности для детей» А. Каздин, А. Роджерс, Д. Колбус, в адаптации Е.С. Кагана [75].

Результаты исследования выраженности суицидального риска отражены на рисунке (Рисунок 11).

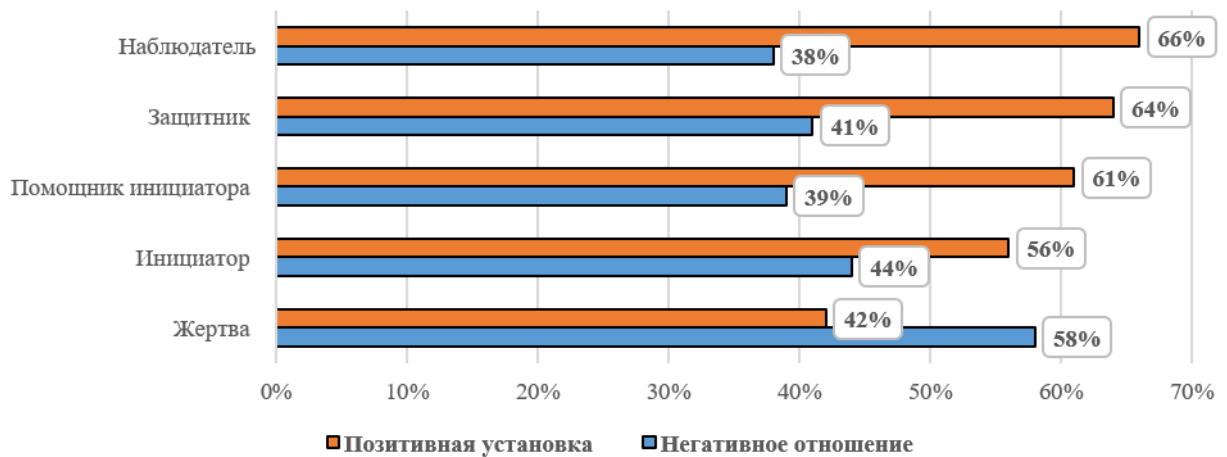

Рисунок 11. Распределение суицидального риска в группах с различными ролевыми позициями ($\rho \leq 0,05$)

Группа жертв демонстрирует тенденции к негативному отношению к будущему (42%) и сниженному уровню выраженности позитивной установки (58%). Отмечено, что у группы инициаторов выражена позитивная установка на будущее (56%) и сниженный уровень негативного отношения (44%). У помощников инициатора определена выраженность позитивной установки (61%) и сниженный уровень негативного отношения к будущему (39%). У

защитников высокий уровень позитивной установки (64%) и сниженный уровень негативного отношения к будущему (41%).

Негативное отношение к будущему подразумевает тенденцию воспринимать текущие перспективы как малоизменяемые и лишённые значимых аспектов в жизни. Например, при ситуации буллинга у личности может снижаться субъективная контролируемость ситуации и ожидание неизменности травли. Жертва склонна ожидать повторения ситуации и воспринимать буллинг как закономерность. У жертв буллинга чаще всего отмечают социальную изоляцию, снижение успеваемости, закрытость и тревожность. Помощь может восприниматься как малоэффективная, из-за чего подростки могут прекратить попытки обращения за ней. Все это увеличивает социально-психологическую дезадаптацию личности в подростковом возрасте, а также повышает вероятность суицидального риска.

Позитивная установка выражается в ожидании возможности улучшения и достижения целей. Высокие показатели свидетельствуют о высокой психической устойчивости и высоком уровне антисуицидального фактора. Например, у жертв с позитивной установкой может наблюдаться возможность использования средств защиты. У защитников это может выражаться в повышенной устойчивости к последовательным действиям, а именно в ориентации на восстановление справедливости в группе и оказание поддержки.

Таким образом, анализ позволил выявить, что группе жертв присущи тенденции к негативному отношению к будущему, в то время как остальные группы выборки демонстрируют выраженную позитивную установку на будущее.

Для исследования когнитивно-аффективной составляющей, а именно наличия и выраженности психологических травмы, применялась методика «Тест на пять травм» Л. Бурбо, в адаптации М. Завизон [33].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям выраженности психологической травмы с

помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 8).

Таблица 8

Достоверные отличия выраженности психологической травмы у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Отвержение	11,070	0,04
Оставленность	18,308	0,05
Унижение	11,462	0,04
Предательство	21,035	0,01
Несправедливость	20,911	0,05

Результаты исследования выраженности психологических травм приведены на рисунке (Рисунок 12).

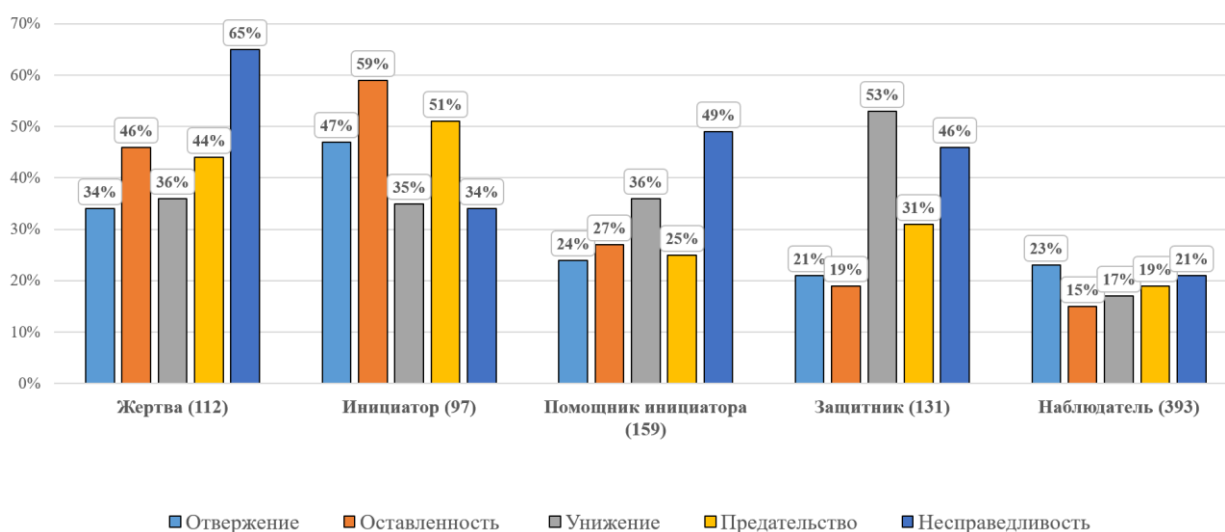

Рисунок 12. Распределение психологических травм в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У группы жертв и инициаторов была выявлена выраженность психологической травмы по типу отверженности ($N_{эмп} = 11,070 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные респонденты выборки демонстрируют минимальные значения по указанной шкале. Отвержение отражает устойчивый опыт

непринятия, при котором формируется ожидание, что значимые люди будут отказываться, предавать и покидать. Например, жертва становится очень чувствительной к игнорированию, насмешкам и социальной изоляции из группы. У инициаторов это может выражаться в стремлении получить одобрение от группы, путем доминирования и унижения более слабого участника.

Выявлены высокие показатели по шкале оставленность у группы жертв и инициаторов ($N_{эмп} = 18,308 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Группы помощников, защитником и наблюдателей показывают низкие результаты. Оставленность, как правило, выражается в переживании потери опоры или привязанности. Личность убеждена, что в критический момент останется одна, поскольку в прошлом мог быть опыт покинутости. Например, человек, ставший жертвой, может нуждаться в опоре и требовать подтверждение сохранности отношений. В будущем подобная модель поведения закрепляется, что влияет не только на групповые, но и на межличностные взаимоотношения. Подросток также может переживать ситуации унижения и издевательства, чтобы не потерять значимый круг общения.

Группа защитников демонстрирует высокую степень выраженности по шкале унижения, в то время как группа жертв и инициаторов имеют тенденцию по этой шкале ($N_{эмп} = 11,462 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Унижение проявляется в систематическом обесценивании своих достоинств, склонности к самообвинению и самоограничению. У подростка может быть большой страх публичной оценки, а именно ситуаций, компрометирующих его. В данной травме стыд является ведущим переживанием. Отсюда у защитника буллинга может включаться компенсаторная стратегия поведения в группе, чтобы минимизировать ситуации сильной уязвимости и критики.

Выраженность травмы предательства обнаружено у группы инициаторов и группы жертв ($N_{эмп} = 21,035 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники демонстрируют сниженные показатели по указанной шкале. Предательство подразумевает, что у личности был опыт нарушения

значимых отношений. Снижается уровень доверия к миру, установлению близких отношений и стремление к контролю дистанции. У подростка это может проявляться в стремлении все проверять и разрывать контакты при малейшем признаке ненадежности.

У групп жертв, помощников инициатора и защитников выявлены выраженность психологической травмы по типу несправедливость ($N_{эмп} = 20,911 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Группа инициаторов и наблюдателей демонстрируют тенденции к данной шкале. Несправедливость связана с переживанием неравного отношения в социальных взаимодействиях. Отсюда следует, что у защитников это может проявляться в нетерпимости к несправедливому обращению агрессоров с жертвой. У помощников это может сопровождаться следованием правилам, установленными группой, что ведет к конформизму.

Среди нетипичных случаев психологических травм у группы жертв отмечено унижение ($\chi^2_{эмп} = 7,6$, при $p=0,05$); у группы инициаторов – несправедливость ($\chi^2_{эмп} = 8,9$, при $p=0,05$); у группы помощников – унижение ($\chi^2_{эмп} = 5,9$, при $p=0,05$), оставленность ($\chi^2_{эмп} = 5,8$, при $p=0,05$), отвержение ($\chi^2_{эмп} = 5,3$, при $p=0,05$) и предательство ($\chi^2_{эмп} = 5,5$, при $p=0,05$); у группы защитников – отвержение ($\chi^2_{эмп} = 7,7$, при $p=0,05$) и предательство ($\chi^2_{эмп} = 8,9$, при $p=0,05$); у группы наблюдателей – предательство ($\chi^2_{эмп} = 6,6$, при $p=0,05$), отвержение ($\chi^2_{эмп} = 5,8$, при $p=0,05$) и оставленность ($\chi^2_{эмп} = 5,7$, при $p=0,05$). Таким образом, проведенный анализ позволил определить у группы доминирующие травмирующие темы и связанные с ней привычные защитные способы реагирования при межличностном взаимодействии.

Для исследования коммуникативно-конативной составляющей, а именно наличия и выраженности виктимного поведения, применялась «Методика исследования виктимного поведения» О.О. Андронниковой [7].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям выраженности виктимного поведения с

помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 9).

Таблица 9

Достоверные отличия выраженности виктимности у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{\text{эмп}}$	Уровень статистической значимости, α
Пассивный тип	29,141	0,01
Агрессивный тип	16,918	0,05
Активный тип	15,475	0,05
Некритичный тип	23,685	0,01
Инициативный тип	16,362	0,05

Результаты исследования выраженности виктимного поведения приведены на рисунке (Рисунок 13, 14).

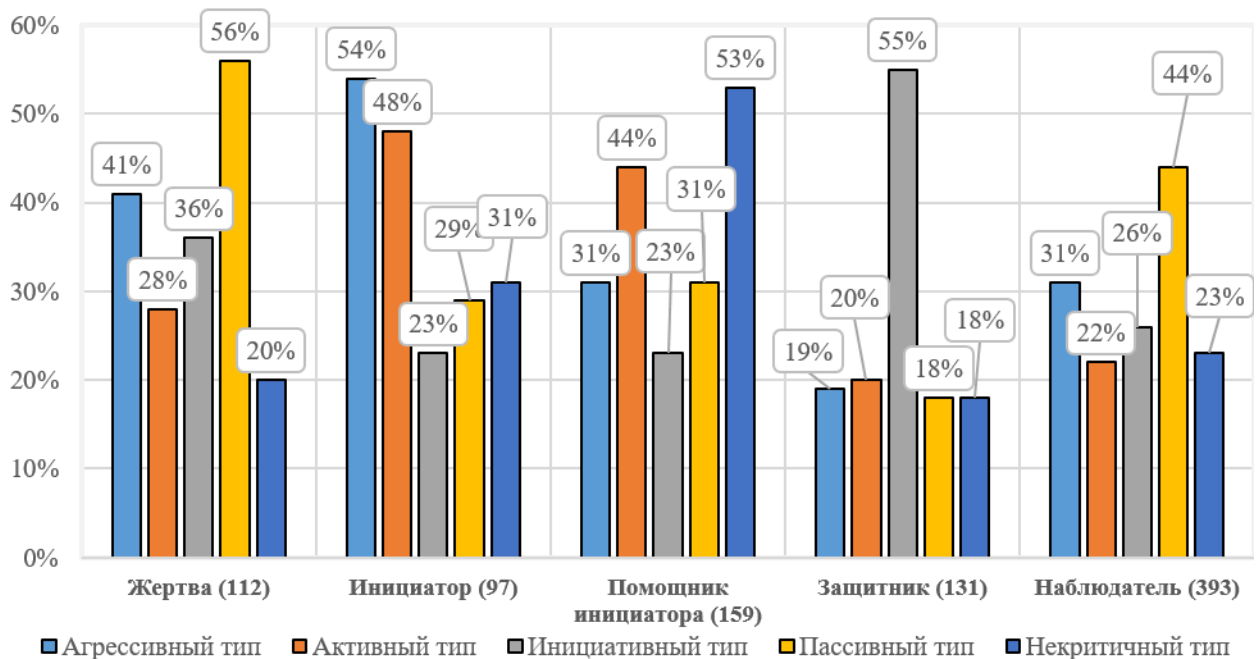

Рисунок 13. Распределение выраженности виктимного поведения в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

Рисунок 14. Распределение выраженности виктимного поведения в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

Группа жертв и наблюдателей демонстрируют высокие показатели по пассивному типу виктимного поведения ($N_{эмп} = 29,141 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы показывают тенденции или низкие значения по указанной шкале. Пассивный тип виктимного поведения отмечается выраженностью уступчивости и избегания. Подросток может испытывать трудности при отстаивании личных границ, а также следовать приспособительной стратегии поведения в конфликтах. Подобная стратегия увеличивает вероятность закрепления позиции жертвы из-за отсутствия сигналов о неприемлемости нападков со стороны агрессора или группы.

Выявлено, что группе жертв и инициаторов присущ агрессивный тип виктимного поведения, а группе помощников и наблюдателей присущи тенденции по данному типу ($N_{эмп} = 19,141 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Агрессивный тип виктимного поведения выражается в стремлении отстаивать свои границы, вступать в конфронтацию при нападках, а также демонстрировать силу. Данный тип поведения чаще всего усиливает ситуации конфликта, поскольку является виктимогенным. Отсюда следует повышенная импульсивность и интерпретация действий как враждебных. Жертва может принимать не только пассивные, но и активные стратегии противостояния.

Реактивная агрессия может выступить на фоне уязвимости, где жертва начинает отвечать «симметрично» группе на нападки.

Активный тип виктимного поведения был обнаружен у группы инициаторов и помощников инициаторов ($N_{\text{эмп}} = 15,475 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). У группы жертв, защитников и наблюдателей отмечен сниженный уровень показателя по шкале. Активность может проявляться в вовлечении подростка в рискованные ситуации. Чрезмерная самоуверенность в возможности контролировать ситуацию может привести к эскалации травли. Например, длительный буллинг может перетекать из косвенного в прямой (физический).

Некритичный тип виктимного поведения присущ группе инициаторов и помощников инициатора, в то время как остальные демонстрируют низкие показатели по шкале ($N_{\text{эмп}} = 23,685 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Некритичный тип поведения подразумевает неспособность личности подростка к своевременной оценке рискованной ситуации, а также ее потенциальных последствий. Упрощенная интерпретация ситуации позволяет быстрее вовлекаться в активный процесс буллинга, игнорируя серьезные последствия.

Группа жертв и защитников демонстрируют высокий показатель по шкале инициативный тип виктимного поведения ($N_{\text{эмп}} = 16,362 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Инициативный тип нетерпим к несправедливому отношению, которое нарушает порядок. Данный тип характеризуется недопустимостью игнорирования или невмешательства в ситуации, где необходимо оказать помощь и поддержку.

Однако в ходе анализа обнаружены нетипичные показатели выраженности различных форм виктимного поведения: у группы жертв – активный ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,8$, при $p=0,05$) и некритичный тип ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,5$, при $p=0,05$); у группы инициаторов – пассивный тип ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,9$, при $p=0,05$); у группы помощников – инициативный ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,8$, при $p=0,05$); у защитника – активный ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,6$, при $p=0,05$) и агрессивный тип ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,4$, при $p=0,05$).

Таким образом, у групп выборки была обнаружена предрасположенность к различным формам виктимного поведения, что позволяет определить устойчивые поведенческие тенденции, которые могут проявляться при коммуникативном взаимодействии в реальном и виртуальном пространстве.

Для исследования коммуникативно-конативной составляющей, а именно наличия и выраженности виктимного поведения, применялась «Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления» И.Г. Сизовой и С.И. Филиппченковой (адаптированная для подростков) [160].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям когнитивно-поведенческих стратегий преодоления с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 10).

Таблица 10

Достоверные отличия выраженности когнитивно-поведенческих стратегий преодоления у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Идущие вниз сравнения	18,202	0,05
Придание нетривиального смысла ситуации	22,309	0,01
Фиксированная на эмоциях стратегия	28,887	0,01
Уход в бегство из трудной ситуации	20,805	0,05
Стратегия отрицания	15,846	0,05
Коррекция ожиданий и надежд	14,232	0,01
Позитивное истолкование ситуации	21,456	0,01
Идентификация со счастливыми	13,567	0,04
Изменение личностных свойств	11,345	0,04
Когнитивная репетиция	30,576	0,01

Результаты исследования конструктивно-преобразующих стратегий преодоления приведены на рисунке (Рисунок 15).

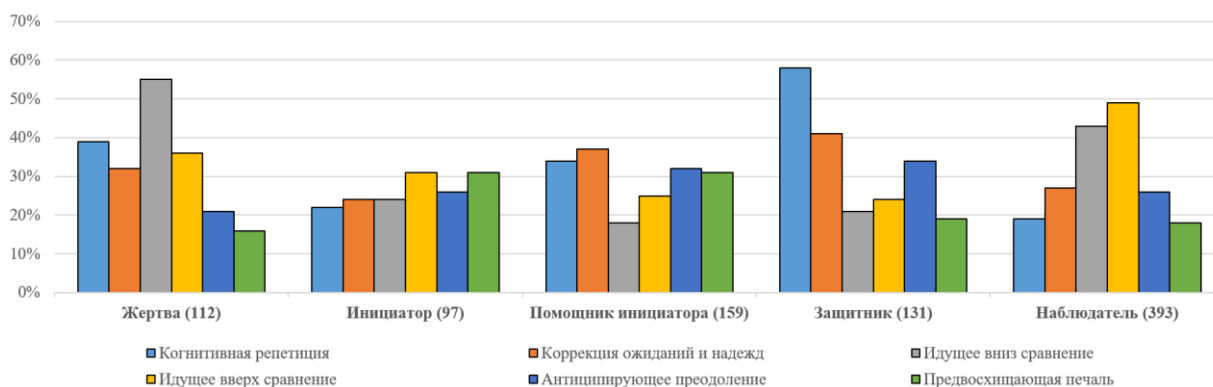

Рисунок 15. Распределение выраженности конструктивно-преобразующих стратегий преодоления в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У группы жертв и защитников выявлен высокий показатель по шкале когнитивная репетиция, в то время как остальные группы выборки демонстрируют средние или низкие значения по шкале ($H_{эмп} = 30,576 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Когнитивная репетиция выражается в стремлении личности предвидеть собственную реакцию на различные варианты событий. Например, жертва может планировать свое поведение в ситуации буллинга, отчего формируется ощущение предсказуемости. Защитник же может планировать вариант вмешательства, чтобы обратиться за помощью.

Группа помощников инициаторов, защитников и жертв демонстрируют тенденции по шкале коррекция ожиданий и надежд ($H_{эмп} = 14,232 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Инициаторы и наблюдатели показывают низкие значения по шкале. Коррекция ожиданий и надежд характеризуется пересмотром прогнозов и планов в сторону более реалистичных. У помощника инициатора это может выражаться в осознании своих границ ответственности и признании чужих. В большинстве случаев помощники не считают, что несут ответственность, поскольку не считаются зачинщиками травли. Однако следует учесть, что подобная стратегия позволяет в будущем подвести помощника инициатора к формированию более точного понимания границ.

Выявлено, что группе жертв и наблюдателей присуще идущее вниз сравнение, когда у остальных групп оказываются минимальные значения ($H_{эмп}$

= 18,202 > $N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Идущее вниз сравнение характеризуется переоценкой ситуации и сравнение ее с более тяжелыми обстоятельствами. У жертвы подобная стратегия может способствовать тому, чтобы сохранять привычный образ жизни, уйти от стыда. Однако это может привести к терпимости к насилию.

Наблюдается выраженность нетипичных случаев в конструктивно-преобразующих стратегиях у группы жертв: идущее вверх сравнение ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,8$, при $p=0,05$); группа инициаторов – когнитивная репетиция ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,7$, при $p=0,05$) и идущее вниз сравнение ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,5$, при $p=0,05$); группе помощников – когнитивная репетиция ($\chi^2_{\text{эмп}} = 5,9$, при $p=0,05$); группе защитников – идущее вверх сравнение ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$); группе наблюдателей – идущее вверх сравнение ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$).

Результаты исследования конструктивно-приспособительных стратегий преодоления приведены на рисунке (Рисунок 16).

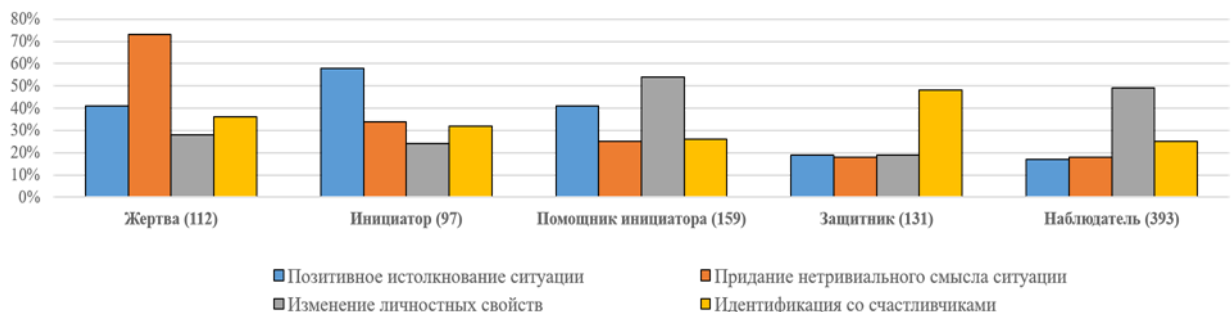

Рисунок 16. Распределение выраженности конструктивно-приспособительных стратегий преодоления в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У группы инициаторов, помощников инициаторов и жертв выявлена стратегия по типу позитивного истолкования ситуации ($N_{\text{эмп}} = 21,456 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники демонстрируют низкие значения по указанной шкале. Позитивное истолкование ситуации выражается в переоценке имеющихся аспектов. У жертвы это может исходить из осознания

необходимости укреплять готовность к поиску поддержки. У инициатора и агрессора может произойти переосмысление и минимизация вреда путем осознания причиненного вреда.

Группа жертв и наблюдателей демонстрирует высокие значения стратегии по типу придание нетривиального смысла ситуации ($N_{\text{эмп}} = 22,309 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники показывают низкие значения по указанной шкале. Придание нетривиального смысла ситуации подразумевает под собой реконструкцию событий и интерпретацию буллинга как социально значимого феномена или значимого опыта. Жертва может уменьшить самообвинение, повысив уровень психологической устойчивости. Наблюдатели могут использовать более активные стратегии совладания и не игнорировать ситуацию травли при актуализации личностного смысла.

Помощникам инициатора и наблюдателям присуща стратегия по типу изменения личностных свойств ($N_{\text{эмп}} = 11,345 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники демонстрируют низкие показатели по шкале. Изменение личностных свойств – это ориентация на внутренние изменения как способ преодоления проблемной ситуации. Например, у помощников это может выражаться в снижении страха групповых санкций, поскольку они находятся рядом с инициатором, формирующим эти санкции.

Группа жертв и защитников демонстрируют высокие показатели по шкале «идентификация со счастливыми» ($N_{\text{эмп}} = 13,567 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Идентификация со счастливыми выражается в стремлении акцентировать внимание на тех, кто находится в более благополучной позиции. Чужой опыт можно использовать как модель для построения внутренней стратегии преодоления.

Отметим выраженность нетипичных случаев в конструктивно-приспособительных стратегиях у группы жертв: изменение личностных свойств ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$); группы инициаторов – придание нетривиального смысла ситуации ($\chi^2_{\text{эмп}} = 5,9$, при $p=0,05$) и идентификация со счастливыми ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,4$, при $p=0,05$); группе помощников – придание

нетривиального смысла ситуации ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$) и идентификация со счастливыми (счастливчиками) ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$); группе защитников – позитивное истолкование ситуации ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,8$, при $p=0,05$), изменение личностных свойств ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$) и придание нетривиального смысла ситуации ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,4$, при $p=0,05$); группе наблюдателей – позитивное истолкование ситуации ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,8$, при $p=0,05$) и идентификация со счастливыми (счастливчиками) ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,4$, при $p=0,05$).

Результаты исследования неконструктивных стратегий преодоления приведены на рисунке (Рисунок 17).

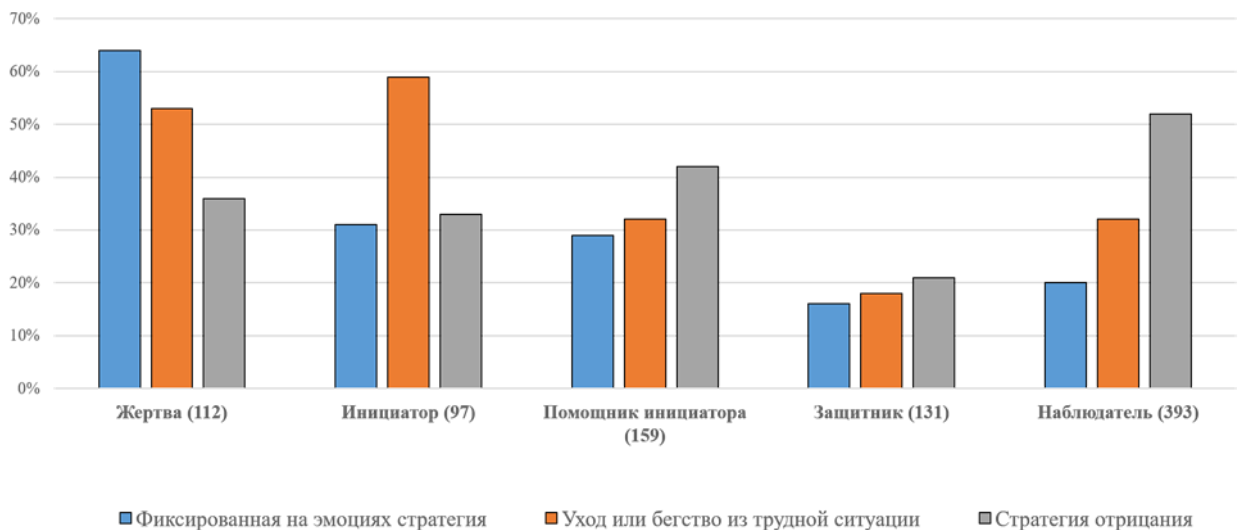

Рисунок 17. Распределение выраженности конструктивно-приспособительных стратегий преодоления в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У группы жертв, инициаторов и помощников обнаружены высокие и средние показатели по шкале «фиксированная на эмоциях стратегия» ($N_{\text{эмп}} = 28,887 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Группа защитников и наблюдателей демонстрирует низкие показатели по указанной шкале. Фиксированная на эмоциях стратегия выражается в преобладании эмоций над рациональным решением проблемы. У жертвы может усиливаться эмоциональная реакция и снижаться способность к выполнению целенаправленных действий для

предотвращения ситуации травли. У инициаторов и помощников эмоциональная импульсивность способствует тому, что происходит фиксация на ситуации буллинга, что приводит к нарастанию нападков и унижений в сторону жертвы.

Группа жертв, инициаторов и помощников показывает высокие и средние значения по шкале «уход или бегство из трудной ситуации» ($N_{\text{эмп}} = 20,805 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). У группы защитников и наблюдателей низкие показатели по шкале. Уход или бегство из трудной ситуации подразумевает избегание травмирующей ситуации, откладывание ее решения и сокращение социальной дистанции. При отсутствии решения проблем или их игнорированием нормализуется ситуация буллинга, поскольку усиливается дисбаланс сил между участниками.

У группы помощников инициатора и наблюдателей обнаружены высокие значения по стратегии отрицания, в то время как остальные демонстрируют тенденцию выраженности по данной шкале ($N_{\text{эмп}} = 15,846 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Стратегия отрицания позволяет минимизировать проблему, вытеснять переживания и снижать их значимость. У помощников данная стратегия позволяет минимизировать уровень ответственности, особенно если в группе отсутствует постороннее вмешательство.

Следует отметить также нетипичные случаи неконструктивных стратегий у группы жертвы по типу стратегии отрицания ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,4$, при $p=0,05$); у группы защитников – фиксированная на эмоциях стратегия ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,6$, при $p=0,05$) и стратегия отрицания ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,4$, при $p=0,05$); у группы наблюдателей – позитивное истолкование ситуации ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$) и идентификация со счастливыми ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,5$, при $p=0,05$).

Таким образом, у группы выборки были выявлены преобладающие когнитивно-поведенческих стратегий при осмыслении и переработке трудных ситуаций, а именно конструктивно-преобразующие, конструктивно-приспособительные и неконструктивные стратегии поведения. Следует

отметить, что одни стратегии поддерживают прояснение саморегуляции, другие – катастрофизацию и закрепление конфликтного поведения.

Для исследования коммуникативно-конативной составляющей, а именно наличия и выраженности негативных родительских предписаний, применялся опросник «Категория ранних решений» С.В. Максимова [67, 118].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям негативных родительских предписаний с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 11).

Таблица 11

Достоверные отличия выраженности негативных родительских предписаний у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Не живи	25,212	0,01
Не принадлежи	17,725	0,05
Не будь значимым	13,567	0,05
Не будь маленьким	16,432	0,05
Не сближайся	26,532	0,01
Не будь собой	11,474	0,04
Не чувствуй	16,818	0,05
Не думай	14,821	0,03

Результаты исследования негативных родительских предписаний приведены на рисунке (Рисунок 18).

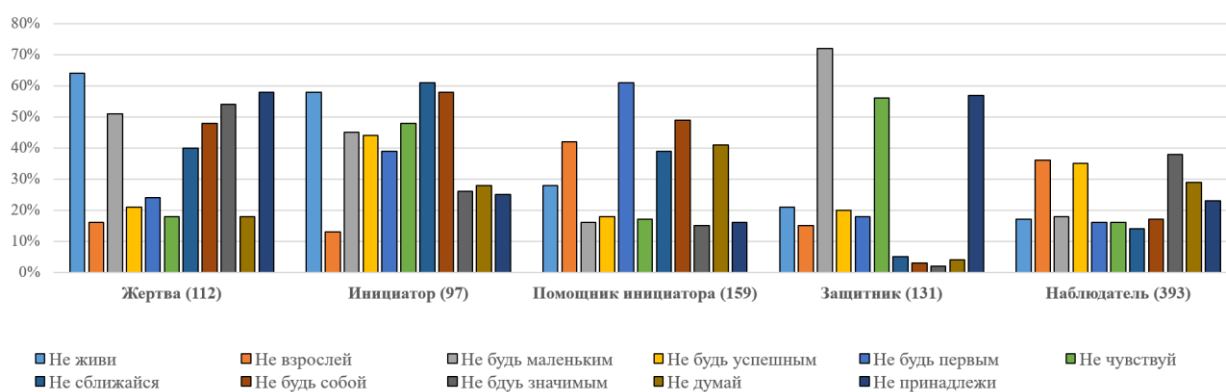

Рисунок 18. Распределение выраженности негативных родительских предписаний в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У жертв и инициаторов по шкале «не живи» выявлены высокие показатели, в то время как остальные участники демонстрируют низкие ($H_{эмп} = 25,212 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). «Не живи» буквально выражает запрет на существование, внушение чувства вины за жизнь, что сопровождается хронической утратой жизненной перспективы. У жертвы буллинга может увеличиваться толерантность к уничижительным оскорблениям и ослабляться интерес к восстановлению статуса.

Группа жертв, инициаторов и защитников показывают наличие выраженности предписания по типу «не будь маленьким» ($H_{эмп} = 16,432 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). У остальных участников отмечены низкие показатели по шкале. «Не будь маленьким» сопровождается запретом на проявление слабости и уязвимости. Подобная директива может приводить к тому, что подросток будет испытывать трудности в обращении за помощью. У защитников это может проявляться в чрезмерной ответственности, в частности, какие-либо поступки могут совершаться без чьей-либо помощи.

Группе жертв и защитников присуще предписание по типу «не принадлежи», которое выражается в запрете на причастность к какой-либо группе или личности ($H_{эмп} = 17,725 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Директива «не принадлежи» закрепляет позицию изолированности, что сопровождается низким уровнем вовлеченности в групповую динамику.

Отметим, что группе жертв и наблюдателей присуще предписание по типу «не будь значимым», в то время как остальные участники демонстрируют низкие показатели по указанной шкале ($N_{\text{эмп}} = 13,567 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Основой данной директивы является запрет на проявление, заметность и активность в группе. Для группы наблюдателей данная позиция может стать стратегией безучастности, что снижает публичную активность. Отсюда следует, что наблюдатель остается сторонним свидетелем, не заявляя о своей позиции.

Родительское предписание «не сближайся» присуще группе жертв, инициаторов и помощников инициатора ($N_{\text{эмп}} = 26,532 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Эмоциональная дистанция как условие безопасности. Отказ от налаживания отношений в группе только усиливает социальную изоляцию и вероятность оказаться жертвой травли. Для агрессоров данная директива выступает возможностью к использовать отношения как инструмент для реализации своих целей.

Также у данной группы было выявлено предписание по типу «не будь собой» ($N_{\text{эмп}} = 11,474 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Запрет на проявление индивидуальности усиливает отказ от самовыражения. У подростка может пропасть опора на собственную систему ценностей, что может усиливать виктимизацию. Группа инициаторов и помощников может использовать давление и агрессию на тех, кто отличается по внешним или внутренним признакам. При этом такое давление может выступать компенсаторной стратегией поведения.

Группа инициаторов и защитников демонстрируют выраженность шкалы «не чувствуй», а остальные участники показывают низкие значения по шкале ($N_{\text{эмп}} = 16,818 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). «Не чувствуй» выражается в запрете на переживание и проявление чувств. У жертвы подавление эмоций может маскировать тяжесть состояния, что может сопровождаться различными исходами, в том числе и летальными. У инициаторов и

помощников могут оказаться трудности в распознавании чужих и собственных эмоций.

Группа инициаторов и помощников показывают тенденции к предписанию по типу «не думай» ($N_{\text{эмп}} = 14,821 > N_{\text{крит}} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники выборки демонстрируют низкий показатель по данной шкале. Запрет выражается в самостоятельном анализе и осмыслении ситуации. Подросток может опираться на готовые внешние интерпретации и убеждения, которые усиливают вероятность уязвимости к давлению и манипуляциям.

Следует отметить нетипичные случаи родительских предписаний у группы жертв: «не думай» ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,5$, при $p=0,05$) и «не чувствуй» ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,3$, при $p=0,05$); группе инициаторов – «не будь значимым» ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,8$, при $p=0,05$); группе помощников – «не живи» ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,1$, при $p=0,05$), не чувствуй ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,6$, при $p=0,05$) и не будь значимым ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,5$, при $p=0,05$); группе защитников – «не живи» ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,8$, при $p=0,05$) и «не будь собой» ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,8$, при $p=0,05$); группе наблюдателей – «не думай» ($\chi^2_{\text{эмп}} = 6,1$, при $p=0,05$).

Таким образом, были выявлены ограничивающие установки, которые могут поддерживать негативную позицию и повышать уязвимость в межличностных отношениях у участников буллинг-структуры.

В ходе эмпирического исследования с помощью методики на выявление ролевой позиции в кибербуллинге, были выявлены группы респондентов, согласно занимаемым ролевым позициям. Результаты исследования отображены на рисунке (Рисунок 19).

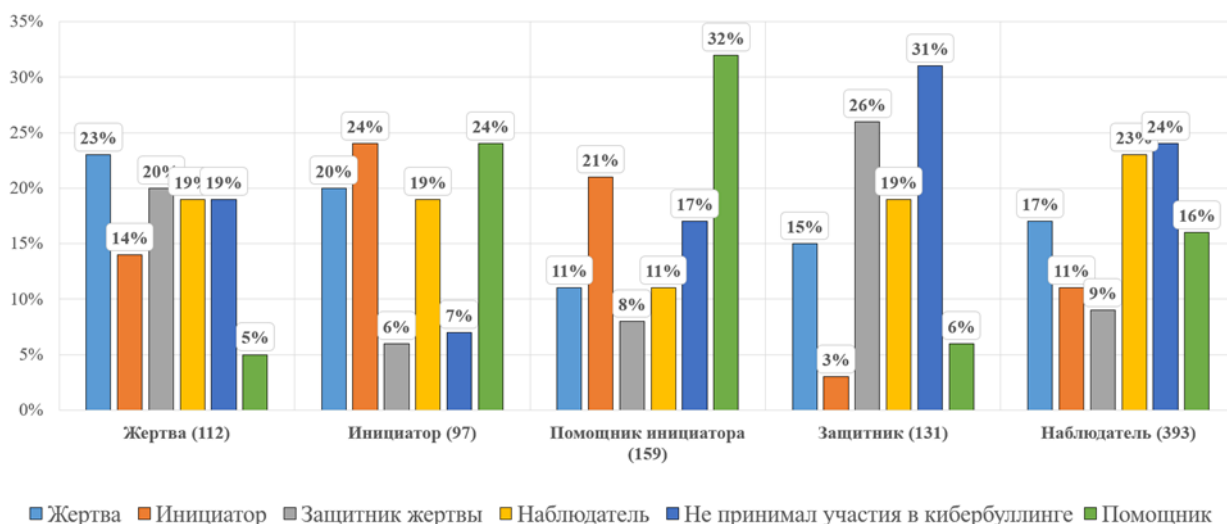

Рисунок 19. Распределение ролевых позиций в кибербуллинге

Определено, что среди групп жертв в реальном пространстве в виртуальном пространстве демонстрируются следующие показатели: 23% (25 респондентов) – жертвы в виртуальном пространстве, 14% (15 респондентов) – инициаторы в виртуальном пространстве, 5% (5 респондентов) – помощники инициатора, 20% (22 респондента) – защитники жертв в виртуальном пространстве, 19% (21 респондент) – наблюдатель в виртуальном пространстве и 19% (21 респондент) – не принимает участие в кибербуллинге.

Среди групп инициатора в реальном пространстве в виртуальном были выявлены следующие показатели: 20% (19 респондентов) – жертвы, 24% (24 респондента) – инициаторы, 24% (23 респондента) – помощники инициатора, 6% (5 респондентов) – защитники жертвы, 24% (23 респондента) – наблюдатель в виртуальном пространстве и 7% (6 респондент) – не принимает участие в кибербуллинге.

Среди групп помощников инициатора в реальном пространстве в виртуальном были выявлены следующие показатели: 11% (17 респондентов) – жертвы, 21% (33 респондента) – инициаторы, 32% (50 респондентов) – помощники инициатора, 8% (12 респондентов) – защитники жертвы, 11% (17 респондентов) – наблюдатель в виртуальном пространстве и 17% (27 респондентов) – не принимает участие в кибербуллинге.

Среди группы защитников жертвы в реальном пространстве в виртуальном были выявлены следующие показатели: 15% (19 респондентов) – жертвы, 3% (3 респондента) – инициаторы, 6% (7 респондентов) – помощники инициатора, 26% (34 респондента) – защитники жертвы, 19% (24 респондента) – наблюдатель в виртуальном пространстве и 31% (40 респондентов) – не принимает участие в кибербуллинге.

Среди групп наблюдателей в реальном пространстве в виртуальном были выявлены следующие показатели: 17% (66 респондентов) – жертвы, 11% (43 респондента) – инициаторы, 16% (62 респондента) – помощники инициатора, 9% (35 респондентов) – защитники жертвы, 23% (90 респондентов) – наблюдатель в виртуальном пространстве и 24% (94 респондента) – не принимает участие в кибербуллинге.

Таким образом, были выявлены ролевые позиции у участников реального буллинга в виртуальном пространстве.

Для исследования коммуникативно-конативной составляющей, а именно наличия и выраженности помех в установлении эмоциональных контактов, применялась методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» В.В. Бойко [36].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям выраженности помех в установлении эмоциональных контактов с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 12).

Таблица 12

Достоверные отличия выраженности помех в установлении эмоциональных контактов у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Нежелание сближаться с людьми	32,543	0,01
Неумение управлять эмоциями	27,564	0,01
Неадекватные проявления эмоций	22,708	0,05
Негибкость, неразвитость эмоций	17,887	0,05

Результаты исследования помех в установлении эмоциональных контактов приведены на рисунке (Рисунок 20).

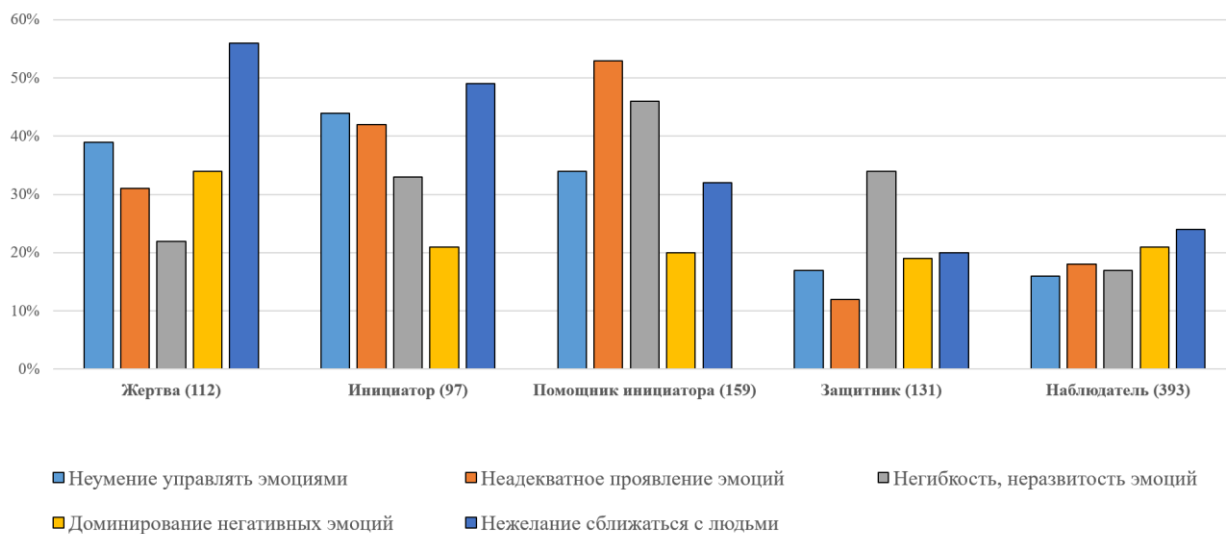

Рисунок 20. Распределение выраженности помех в установлении эмоциональных контактов в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У группы жертв и инициаторов выявлена выраженность показателя нежелания сближаться с людьми, в то время как у других групп выражены средние или низкие значения по шкале ($N_{эмп} = 32,543 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Нежелание сближаться с людьми проявляется в тенденции избегать близких взаимоотношений и доверительных контактов. У жертвы может усилиться эмоциональная дистанция, что способствует отсутствию вмешательства со стороны окружающих. У инициаторов же, отсутствие привязанностей и близких взаимоотношений может привести к снижению внутренних моральных ограничений.

Группе жертв, инициаторов и помощников присуще выраженность шкалы по типу неумение управлять эмоциями ($N_{эмп} = 27,564 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Группа защитников и наблюдателей демонстрирует низкие показатели по шкале. Недостаточная эмоциональная саморегуляция может привести к повышенной вероятности срывов и истощения. У подростка могут

усилиться импульсивные реакции, что повышает вероятность совершения рискованных поступков.

Неадекватное проявление эмоций было отмечено у групп инициаторов и помощников инициаторов ($N_{эмп} = 22,708 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы демонстрируют тенденции и низкие показатели. Форма эмоционального выражения может не соответствовать ситуации или социальному ожиданию. Например, жертву буллинга могут считать странной, что закрепляет статус «неудобного» участника группы. Неадекватное проявление эмоций может вызывать у наблюдателей интерес к зрелищности, что только усиливает пассивное наблюдение.

У группы инициаторов и помощников была обнаружена выраженность помехи по типу негибкости и неразвитости эмоций. Группа защитников демонстрирует тенденцию к выраженности данной шкалы ($N_{эмп} = 17,887 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Негибкость, неразвитость эмоций заключается в ограниченности эмоционального фона и трудности в его дифференциации. У агрессоров может наблюдаться примитивизация эмоционального реагирования, что может способствовать повторению ситуации травли.

Следует отметить нетипичные показатели помех в установлении эмоциональных контактов у группы жертв: неадекватное проявление эмоций ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p=0,05$) и негибкость, неразвитость эмоций ($\chi^2_{эмп} = 6,3$, при $p=0,05$); у группы помощников инициаторов – нежелание сближаться с людьми ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p=0,05$); у защитников – неумение сближаться с людьми ($\chi^2_{эмп} = 5,8$, при $p=0,05$); у наблюдателей – негибкость, неразвитость эмоций ($\chi^2_{эмп} = 6,4$, при $p=0,05$).

Таким образом, у участников групп выборки были выявлены компоненты, описывающие различные формы негативной направленности в коммуникации, а именно – определение причин, мешающих устанавливать эмоциональный контакт с окружающими.

Для исследования мотивационной составляющей, а именно мотивов пребывания в сети, применялась методика «Методика «Личность в виртуальном пространстве» А.И. Лучинкиной [108].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям мотивов пребывания в сети с помощью H -критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 13).

Таблица 13

Достоверные отличия выраженности мотивов пребывания в сети у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $H_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Мотив репликации	17,887	0,05
Мотив личного пространства	28,541	0,01
Мотив вклада	16,487	0,05
Мотив обозначенного присутствия	19,882	0,05
Мотив воплощения в роль	22,726	0,01

Результаты исследования творческих мотивов в сети приведены на рисунке (Рисунок 21).

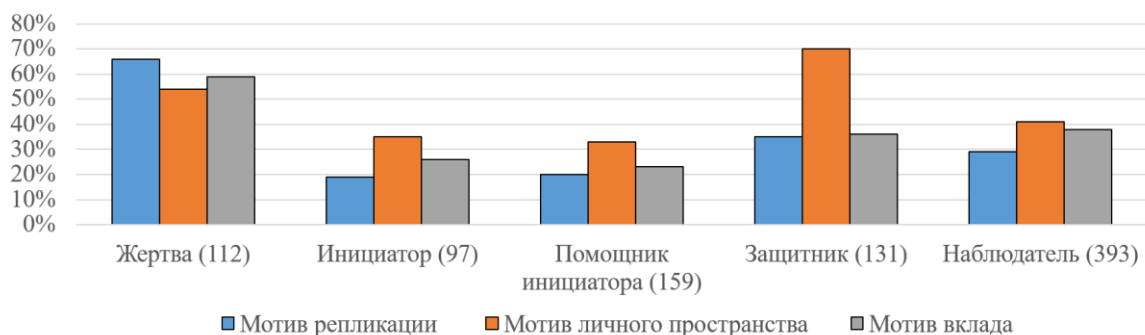

Рисунок 21. Распределение выраженности творческих мотивов в сети в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У группы жертв выявлены высокие показатели по мотиву репликации, а у группы защитников – тенденции по указанной шкале ($H_{эмп} = 17,887 > H_{крит} =$

11,070, при $p \leq 0,05$). Мотив репликации выражается в стремлении повторить себя в цифровой среде, путем создания новых страниц, героев и виртуальных жизней [116]. Жертва травли может переходить в виртуальное пространство для сохранения субъективного чувства контроля.

Группа жертв и защитников демонстрирует выраженность мотива личного пространства ($N_{эмп} = 28,541 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы демонстрируют минимальные значения по шкале. Мотив личного пространства выражается в контроле границ виртуального общения, а именно в избирательности контактов, настройках приватности, обеспечении безопасности и защите персональной информации. Например, жертва стремится к скрытым каналам общения, и ограничению аудитории, а наблюдатель предпочитает сохранять дистанцию при угрозе переноса травли на себя.

Выявлено, что группе жертв присущи высокие показатели по мотиву вклада, а группа защитников демонстрирует тенденции к выраженности по шкале ($N_{эмп} = 16,487 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Мотив вклада предполагает ориентацию на помощь другим, обмен знаниями, и поддержку сообществом. Например, у защитника может наблюдаться высокая вероятность проявления просоциальной активности и поддержки норм безопасного общения.

Нетипичные случаи у группы инициаторов – мотив личного пространства ($\chi^2_{эмп} = 6,1$, при $p=0,05$), у группы помощников – мотив личного пространства ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p=0,05$), у группы наблюдателей – мотив вклада ($\chi^2_{эмп} = 7,7$, при $p=0,05$).

Результаты исследования потребительских мотивов в сети приведены на рисунке (Рисунок 22).

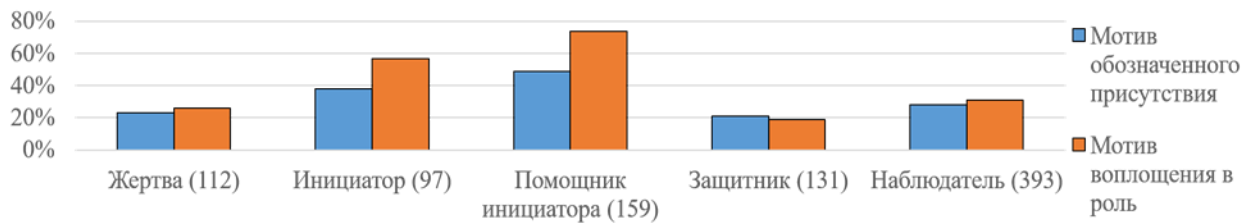

Рисунок 22. Распределение выраженности потребительских мотивов в сети в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

Группе инициаторов и помощников присущ мотив обозначенного присутствия ($N_{эмп} = 19,882 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы выборки демонстрируют низкие показатели. Мотив обозначенного присутствия выражается в потребности быть видимым и подтвердить свое существование в виртуальном социальном поле, а именно – фиксировать присутствие через реакции, комментарии, публикации и обсуждения. Для личности подросткового возраста могут быть важны статусные маркеры и социальная значимость. Например, инициаторы и помощники могут усиливать активность, поскольку она обеспечивает быстрый отклик аудитории, рост вовлеченности и внимание к ситуации травли.

Также данные группы показывают выраженности мотива воплощения в роль ($N_{эмп} = 22,726 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Мотив воплощения в роль выражается в стремлении к экспериментированию с социальной идентичностью в виртуальном пространстве, именно через примерку ролей, образов и моделей поведения, которые недоступны или ограничены в реальном пространстве. Например, роль агрессора может восприниматься как допустимый стиль поведения, что облегчает нападение. Помощник агрессора может присоединиться к сильной стороне ради принадлежности и статуса в группе.

Нетипичные показатели у группы жертв – мотив обозначенного присутствия ($\chi^2_{эмп} = 6,6$, при $p=0,05$), у группы защитников мотив обозначенного присутствия ($\chi^2_{эмп} = 5,8$, при $p=0,05$).

Таким образом, высокие показатели мотива обозначенного присутствия и мотива воплощения в роль у группы инициаторов и помощников может свидетельствовать о наличии и выраженности потребительской мотивации в виртуальном пространстве. Потребительская мотивация ориентирована на получение готового продукта или развлечения без выраженной потребности к созданию контента и активному взаимодействию. При пассивном наблюдении может усиливаться эффект массовости через реакции и просмотры. Например, пользователь может следить за происходящим, но не вмешиваться и воспринимать ситуацию как часть виртуального контента.

У группы жертв и помощников были выявлены высокие показатели по мотиву репликации, вклада и личного пространства, что может свидетельствовать о наличии творческой мотивации. Творческая мотивация ориентирована на самовыражение, создание нового контента и получение удовольствия от процесса творчества. Следует отметить, что для творческой мотивации важным выступает потребность в признании и в позитивной обратной связи. Буллинг нередко воздействует на идентичность автора контента, что также снижает публичную активность. Однако благодаря возможности виртуального пространства переход позволяет снизить прямую видимость и помочь восстановить субъективное чувство контроля жертвы. У инициаторов и помощников эксперименты с идентичностью могут становиться инструментальным ресурсом, который позволяет снизить контроль над ответственностью и усилить эффект безличности. Для наблюдателей множественность цифровых образов снижает ответственность и усиливает эффект толпы, что усиливает пассивное соучастие.

Для исследования ценностно-смысловой составляющей, а именно системы ценностных ориентаций в реальном пространстве, применена методика «Антивитальность и жизнестойкость» О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева [157].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям системы ценностных ориентаций в

реальном пространстве с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 14).

Таблица 14

Достоверные отличия выраженности системы ценностных ориентаций в реальном пространстве у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Страх осмеивания	16,132	0,05
Конфликт в семье	14,231	0,05
Конфликт в группе	15,921	0,05
Стремление к категории жизнестойкости	18,104	0,05
Функциональная семья	21,763	0,01
Удовлетворенность жизнью	17,346	0,05
Саморегуляция/планирование	21,211	0,01
Стремление	18,104	0,05
Позитивный образ будущего	20,546	0,01
Тревожная руминация	16,435	0,05
Демонстративность	14,845	0,05

Результаты исследования показателей антивитаальных действий и мыслей приведены на рисунке (Рисунок 23).

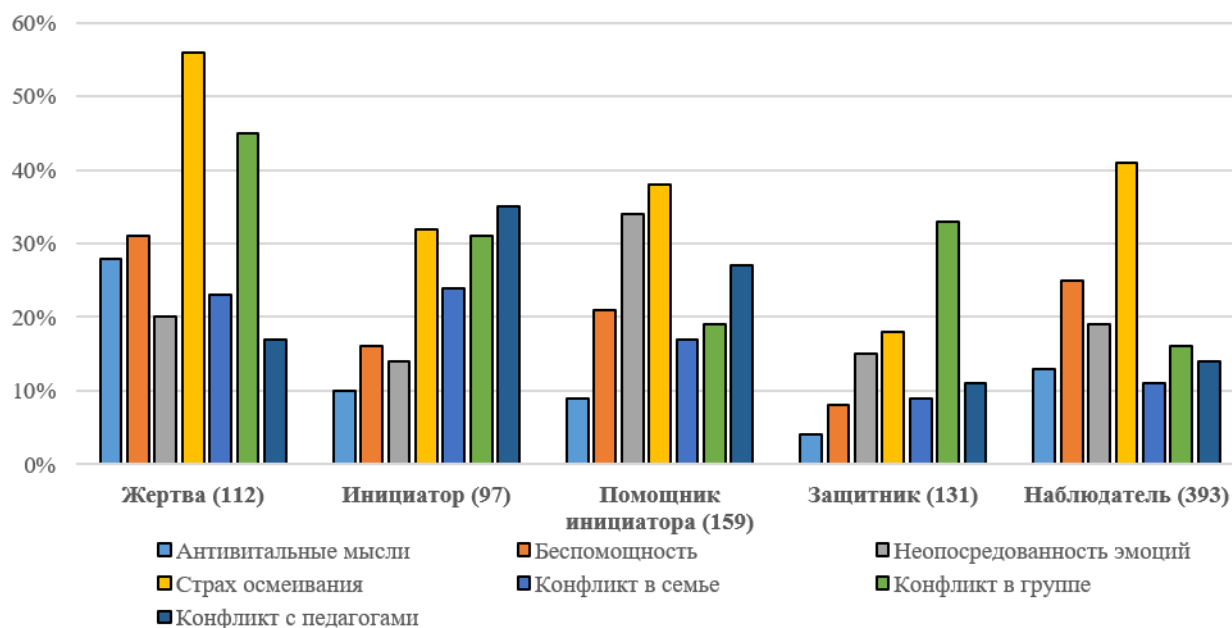

Рисунок 23. Распределение выраженности антивитальных мыслей и действий в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

У группы жертв, помощников инициаторов и наблюдателей выявлена выраженность показателя по типу страха осмеивания ($N_{эмп} = 16,132 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Группа инициаторов демонстрирует тенденцию по данной шкале. Страх осмеивания характеризуется повышенной готовностью к восприятию насмешек от окружающих в отношении собственной персоны, что тяжело переживается личностью в подростковом возрасте. Наличие опыта публичного осмеивания влияет на дальнейшую стратегию ролевого поведения в ситуациях коммуникации.

Выявлено, что у группы инициаторов и помощников присутствует тенденция к показателю «конфликт в семье» ($N_{эмп} = 14,231 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Конфликт в семье выражается в неспособности семьи обеспечить стабильные позитивные отношения. Благодаря данному индикатору повышается уязвимость к ситуации буллинга из-за дефицита поддержки и защищенности, что затрудняет обращение за помощью. Также следует отметить, что агрессия может быть компенсирующей стратегией для переноса конфликта из семьи на группу сверстников.

Группе жертв, инициаторов и защитников присуща выраженность показателя по типу конфликт в группе ($N_{эмп} = 15,921 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы показывают низкие значения по шкале. Конфликт в группе выступает маркером неблагоприятного социально-психологического климата в группе сверстников. Данная категория свидетельствует о закреплении травли как способа регулирования конфликтах взаимодействий.

Результаты исследования показателей жизнестойкости приведены на рисунке (Рисунок 24).

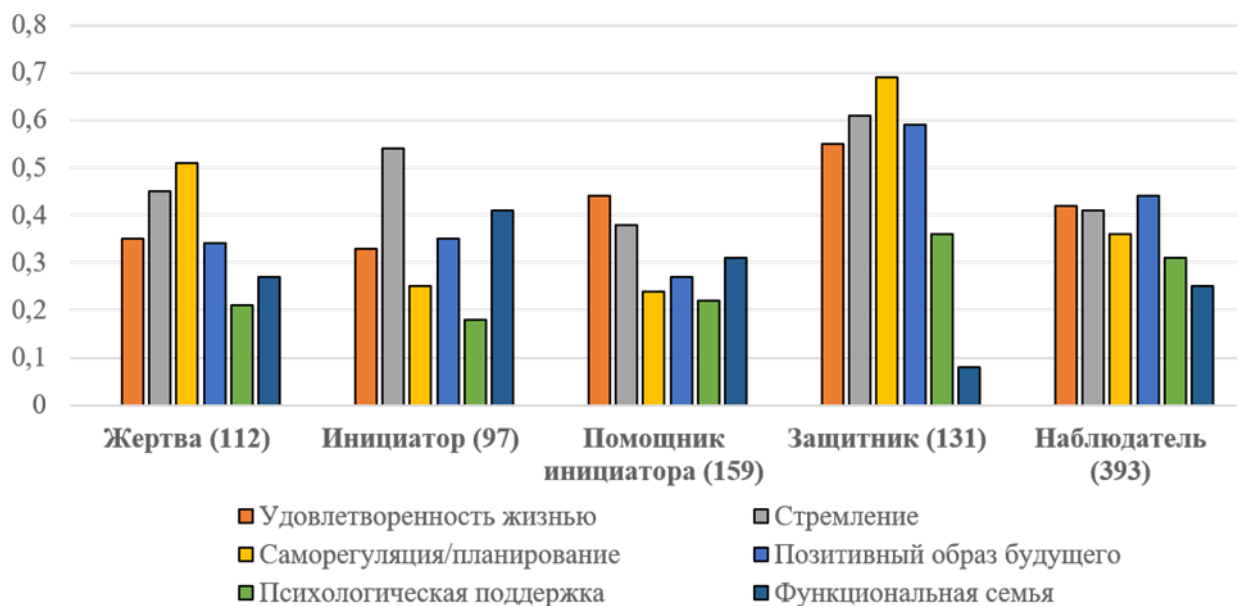

Рисунок 24. Распределение выраженности жизнестойкости в группах с различными ролевыми позициями ($p \leq 0,05$)

Группе жертв, инициаторов и защитников присущи высокие показатели по шкале стремления к категории жизнестойкости. Помощникам и наблюдателям присущи тенденции по данной шкале ($N_{эмп} = 18,104 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Стремление к категории жизнестойкости – это ориентация на преодоление трудностей и удержание жизненных целей и ресурсов. Личность подросткового возраста может более активно защищать границы, обращаться за поддержкой и быть склонной к защитной позиции.

Защитники демонстрируют выраженность по шкале «функциональная семья». Следует отметить, что у группы инициаторов и жертв также присутствуют тенденции по данной шкале ($N_{эмп} = 21,763 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Функциональная семья свидетельствует о наличии ресурсов и семейной поддержки. Данный индикатор снижает риск закрепления роли жертвы и повышает вероятность раннего вмешательства взрослых. Функциональная семья может поддерживать устойчивую роль защитника, а группа инициаторов может выступать ограничителем деструктивных способов поведения.

Наибольшую выраженность по показателю «удовлетворенность к жизни» демонстрируют группы помощников инициаторов, защитников и наблюдателей ($N_{эмп} = 17,346 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Удовлетворенность жизнью – это общая субъективная оценка благополучия. При высокой степени удовлетворенности появляется больше ресурсов для самозащиты и конструктивного реагирования, при низкой – повышается риск изоляции и беспомощности.

У группы жертв и защитников отмечается выраженность саморегуляции и планирования ($N_{эмп} = 21,211 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы демонстрируют высокие или низкие показатели по указанной шкале. Саморегуляция и планирование – это мотивационная направленность на достижение результатов. При конструктивных стратегиях поведения данный вариант поддерживает устойчивую и активную позицию, а при неконструктивных стратегиях может свидетельствовать об использовании буллинга как инструмента для доминирования.

У группы защитников и наблюдателей отмечается выраженность показателя по типу позитивного образа будущего ($N_{эмп} = 20,546 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники группы демонстрируют средние показатели по шкале. Позитивный образ будущего свидетельствует о наличии перспективных целей и ожидания благоприятных исходов, снижается риск антивитальных реакций, что свидетельствует об обращении за поддержкой.

При дефиците позитивного будущего повышается вероятность отказа от борьбы и закрепления способов избегания.

У группы жертв и наблюдателей обнаружена выраженность показателя по типу тревожной руминации, которая выражается в навязчивом прокручивании негативного сценария и фиксации на негативных переживаниях ($N_{эмп} = 16,435 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). У жертвы может усиливаться чувство уязвимости и снижаться эффективность действий. Наблюдатели же могут прибегнуть к пассивности из-за страха перед последствиями.

Группа инициаторов и помощников демонстрируют высокие значения по шкале демонстративности ($N_{эмп} = 14,845 > N_{крит} = 11,070$, при $p = 0,05$). Демонстративность выражается в потребности в интенсивной внешней реакции и подтверждении значимости в группе [116]. Из-за этого может повышаться конфликтность и стремление к публичному доминированию. У жертвы данный показатель может приводить к резким реакциям, которые используют для дальнейших насмешек.

Нетипичные показатели среди группы жертв нетипичные случаи антивитальности и жизнестойкости: беспомощность ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p = 0,05$), стремление ($\chi^2_{эмп} = 7,5$, при $p = 0,05$), удовлетворенность жизнью ($\chi^2_{эмп} = 6,5$, при $p = 0,05$) и антивительные мысли ($\chi^2_{эмп} = 6,5$, при $p = 0,05$). У группы инициаторов среди нетипичных случаев антивитальности и жизнестойкости наблюдается: страх осмеивания ($\chi^2_{эмп} = 7,8$, при $p = 0,05$), позитивный образ будущего ($\chi^2_{эмп} = 7,6$, при $p = 0,05$).

Таким образом, у группы выборки выявлены антивительные проявления и ресурсы жизнестойкости. Результаты исследования позволят оценить риски и ресурсы, обозначить компенсаторные точки опоры, что удобно для оценки благополучия подростка в ситуациях буллинга.

Для исследования ценностно-смысловой составляющей, а именно системы смыслов личности в виртуальном пространстве, применен опросник «Смыслы личности в виртуальной среде» И.С. Лучинкиной [110].

В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям смыслов личности в виртуальном пространстве с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (Таблица 15).

Таблица 15

Достоверные отличия выраженности смыслов личности в виртуальном пространстве у участников буллинг-структуры

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Творец	18,856	0,05
Компенсация проблем в общении	18,341	0,05
Изменение ролевой позиции	31,261	0,01
Сверхкреативность	15,091	0,05
Потребительство	15,754	0,05
Компенсация проблем в коммуникации	18,341	0,05
Общение	29,621	0,01

Результаты исследования показателей смыслов личности в виртуальном пространстве приведены на рисунке (Рисунок 25).

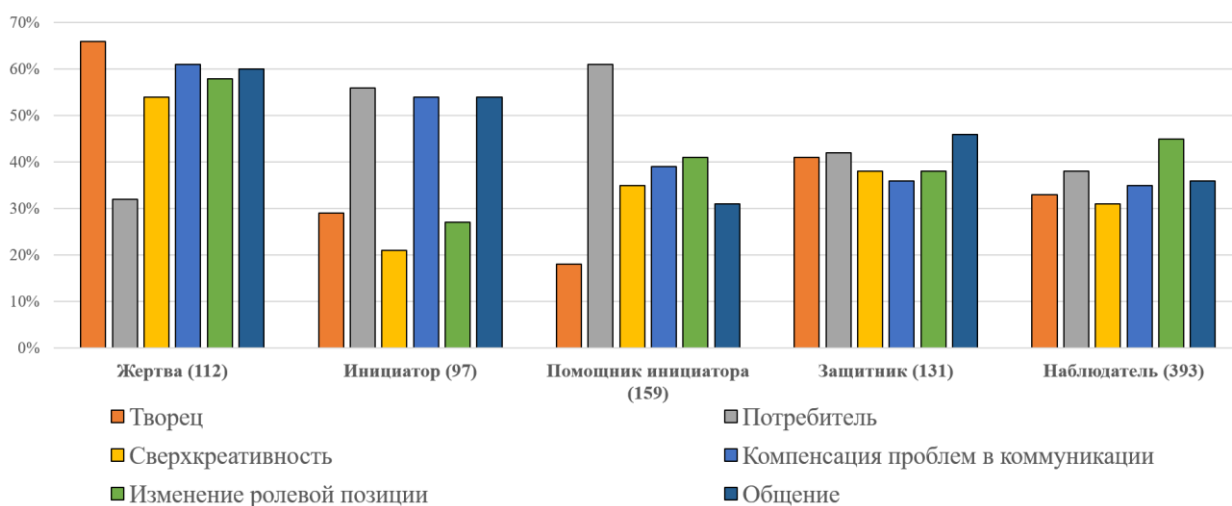

Рисунок 25. Распределение показателей смыслов личности в виртуальном пространстве ($p \leq 0,05$)

У группы жертв и защитников выявлен выраженный показатель по типу творца ($N_{эмп} = 18,856 > N_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные группы

демонстрируют низкие показатели по шкале. При анализе показателей творчества можно отметить пользователя, воспринимающего виртуальное пространство как среду, где он может производить новый контент, идеи или проекты, то есть формировать собственную цифровую продукцию.

Потребитель был выявлен у групп инициатора, помощника инициатора, а также обнаружены тенденции у группы защитников и наблюдателей ($H_{эмп} = 18,341 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Показатель потребителя фиксирует смысл пребывания в сети как потребление, то есть пользователи ориентированы на получение информации, разнообразие впечатлений и готовых продуктов.

У группы жертв, помощников и наблюдателей отмечается выраженность показателя по типу «изменение ролевой позиции» ($H_{эмп} = 31,261 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Изменение ролевой позиции описывает смысл сети как пространство для ролевого экспериментирования, где пользователи используют виртуальное пространство для опробования новых социальных ролей.

Выраженный показатель сверхкреативности демонстрируют группы жертв, а также защитников ($H_{эмп} = 15,091 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Группы помощников инициатора и наблюдателей показывают средние значения по шкале. Сверхкреативность обозначает ориентацию на оригинальность в сети, то есть стремление выделяться и создавать необычные формы подачи, экспериментировать с форматами, образами и стилями.

У группы жертв и инициаторов обнаружены высокие показатели по шкале компенсации проблем в общении ($H_{эмп} = 18,341 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). У группы защитников отмечается тенденции к выраженности по данной шкале. Компенсация проблем в общении отражает смысл виртуального пространства как компенсаторного ресурса. Виртуальное пространство используется для восполнения дефицитов реального общения.

У группы жертв, инициаторов и защитников выявлены высокие показатели по шкале общения ($H_{эмп} = 29,621 > H_{крит} = 11,070$, при $p \leq 0,05$). Остальные участники группы демонстрируют средние значения по шкале.

Общение в интернете фиксирует смысл сети как пространство для поддержания и расширения контактов, принадлежности к сообществам, включенности в обсуждения.

Среди нетипичных случаев смыслов в виртуальном пространстве у группы жертв встречается показатель потребительства ($\chi^2_{\text{эмп}} = 5,9$, при $p=0,05$), у группы инициаторов – творец ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,1$, при $p=0,05$), сверхкреативность ($\chi^2_{\text{эмп}} = 8,1$, при $p=0,05$) и изменение ролевой позиции ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7,9$, при $p=0,05$).

Полученные результаты позволяют описать коммуникативное поведение участников буллинга не только через его проявление, но и через внутреннюю смысловую организацию виртуального присутствия.

Таким образом, нами были эмпирически изучены когнитивно-аффективные, коммуникативно-конативные, мотивационные и ценностно-смысловые особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства. Полученные результаты исследования позволят выявить стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге, обосновать возможность изменения ролевой позиции в ситуации буллинга, присущей личности в реальном пространстве, а также разработать и апробировать программу психологического сопровождения участников буллинга, учитывающую их когнитивно-аффективные и коммуникативно-конативные особенности.

3.2. Исследование стратегий коммуникативного поведения личности в условиях виртуального буллинга

Следующим этапом исследования выступает выявление стратегий поведения, связанных с ролевой позицией в буллинге, и реализующихся в ходе интернет-коммуникации. С целью реализации данной задачи был использован метод факторного анализа. В рамках факторного анализа были учтены такие показатели коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства как когнитивные искажения, дисфункциональные

установки, коммуникативные установки, предрасположенность к различным формам виктимного поведения, негативные родительские предписания, ролевая позиция личности в кибербуллинге, мотивы пребывания в интернете, ценностно-смысловые ориентации, смыслы личности в виртуальном пространстве, а также когнитивно-поведенческие стратегии, определяющие конструктивно-преобразующие, конструктивно-приспособительные и неконструктивные стратегии поведения. Это позволило выделить 8 стратегий коммуникативного поведения респондентов в рамках ролевой позиции в буллинге, имеющих конструктивную и неконструктивную направленность.

Результаты исследования психологических особенностей группы жертв отражены в таблице (Таблица 16):

Таблица 16

**Факторный анализ психологических
особенностей группы жертв**

Показатель	Компонент (стратегия)	
	1	2
Зависимость	,591	
Несостоятельность		,537
Отверженность	,877	,684
Активный тип виктимного поведения	-,601	
Агрессивный тип виктимного поведения		,522
Идущее вниз сравнение	,619	
Фиксирование на эмоциях		,861
Вина и стыд	,504	
Потеря контроля	,568	
Стремление к сближению с людьми		-,747
Тревожная руминация	,815	
Антивитальные мысли		,553
Саморегуляция и планирование	,552	
Конфликт в группе		,672
Беспомощность		,788
Предписание «не будь маленьким»	,607	
Предписание «не живи»		,536
Предписание «не будь значимым»	,511	
Предписание «не принадлежи»		,871
Справедливость	-,714	
Оставленность		,509
Позиция наблюдателя (в виртуальном пространстве)	,569	
Позиция жертвы в виртуальном пространстве	,799	,692

Позиция инициатора в виртуальном пространстве		,744
Неучастие в буллинге		,503
Позиция защитника в виртуальном пространстве	,653	
Потребительская мотивация в виртуальном пространстве	-,819	-,539
Мотив личного пространства в виртуальном пространстве		,785
Мотив вклада в виртуальном пространстве	,639	
Персонализация в виртуальном пространстве	,802	
Катастрофизация в виртуальном пространстве		,644
Мысленный фильтр в виртуальном пространстве		,557
Творческая мотивация	,747	
Смысл виртуального пространства по типу креативности	,514	
Смысл виртуального пространства по типу избегания общества		,611
Смысл виртуального пространства по типу изменения ролевой позиции		,867
Смысл виртуального пространства по типу компенсации		,622
Смысл виртуального пространства по типу компенсация проблем в общении	,742	
S, % (по факторам)	39,6%	41,8%
S, % (в общем)	81,4%	

Конструктивные стратегии поведения:

1. Жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией (компонент

1). Для жертвы с компенсаторно-конструктивной стратегией ведущими являются чувствительность к отвержению и склонность к тревожной переработке ситуации, но при этом сохраняются элементы саморегуляции. В виртуальном пространстве это может сопровождаться конструктивно-смысловой организацией присутствия (мотив вклада, креативность), а также позициями наблюдателя и защитника, что указывает на стремление удерживать контроль и снижать риски вовлечение в ситуацию буллинга. Данная стратегия отражает уязвимость, которая компенсируется творческой мотивацией в виртуальном пространстве.

Неконструктивные стратегии поведения:

2. Жертва с защитной стратегией (компонент 2).

У жертвы с защитной стратегией поведения в сети отмечается ориентация на личное пространство, уход от общества, смена ролей, что приводит к колебанию между дистанцированием и вовлеченностью в более активные ролевые

позиции по типу инициатора. Снижается стремление к сближению и усиливается потребность в защитном контроле и компенсации через виртуальное пространство.

Результаты исследования психологических особенностей группы инициаторов отражены в таблице (Таблица 17):

Таблица 17

Факторный анализ психологических особенностей группы инициаторов

Показатель	Компонент (стратегия)	
	1	2
Неполноценность	,641	
Активный тип виктимного поведения	,587	
Агрессивный тип виктимного поведения		,656
Идущее вверх сравнение	,723	
Эмоциональная депривация		,771
Чрезмерная рационализация	,751	
Недоверие		,742
Непринятие чувств	,679	
Страх осмеивания	,612	
Уход в бегство из трудных ситуаций		,693
Демонстративность (в виртуальном пространстве)		,604
Функциональная семья	,704	-,518
Стремление к успеху	,663	-,512
Одиночество		,681
Предписание «не чувствуй»	,694	
Заброшенность		,727
Психологическая травма: предательство	,571	
Конфликт с педагогами		,612
Позиция наблюдателя (в виртуальном пространстве)	,612	
Недоверчивость		,663
Неучастие в буллинге (в виртуальном пространстве)	,655	-,504
Нежелание сближаться с людьми		,625
Дихотомическое мышление (в виртуальном пространстве)	,598	
Катастрофизация (в виртуальном пространстве)	,533	
Потребительская мотивация (в виртуальном пространстве)	,644	-,541
Мотив обозначенного присутствия (в виртуальном пространстве)	,648	
Общение (в виртуальном пространстве)	,709	
Неумение управлять эмоциями		,743
Предписание «не живи»		,587
Предписание «не сближайся»		,629
Психологическая травма: отвержение		,758

Негативное отношение к жизни		,702
Позиция инициатора (в виртуальном пространстве)		,731
Позиция помощника (в виртуальном пространстве)		,662
Навешивание ярлыков (в виртуальном пространстве)		,706
Мотив воплощения в роль (в виртуальном пространстве)		,749
Смысл в виртуальном пространстве: потребительство		,715
S, % (по факторам)	38,4%	36,9%
S, % (в общем)	75,3%	

Конструктивные стратегии поведения:

3. Инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией (компонент

1). Для инициатора с проактивно-компенсаторной стратегией характерна ориентация на контроль и социальную эффективность. В виртуальном пространстве преобладает наблюдение и дистанцирование от прямого участия в травле, при сохранении потребности в коммуникативной заметности. Отмечается конструктивная направленность коммуникативного поведения, но с контролируемой моделью включенности, где значимы статусные и нормативные ориентиры.

Неконструктивные стратегии поведения:

4. Инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией (компонент 2). Для инициатора с деструктивно-демонстративной стратегией присущи эмоциональная депривация, конфликтность, одиночество и сниженная саморегуляция. В виртуальном пространстве это сочетается с активной ролевой позицией и неконструктивной направленностью по типу инициирования конфликтных ситуаций, использованием ярлыков и инструментальным отношением к коммуникации.

Результаты исследования психологических особенностей группы помощников инициатора отражены в таблице (Таблица 18):

**Факторный анализ психологических
особенностей группы помощников инициатора**

Показатель	Компонент (стратегия)	
	1	2
Зависимость	,672	
Пассивный тип виктимного поведения	,603	
Коррекция ожиданий и надежд	,711	
Негибкость, неразвитость эмоций	,684	
Тенденция к удовлетворенности жизнью	,729	-,524
Предписание «не будь собой»	,658	
Психологическая травма: унижение	,586	
Позиция помощника (в виртуальном пространстве)	,641	,518
Неучастие в буллинге (в виртуальном пространстве)	,623	-,498
Сверхгенерализация (в виртуальном пространстве)	,607	
Мотив обозначенного присутствия (в виртуальном пространстве)	,674	
Покорность		,742
Эмоциональная депривация		,769
Некритичный тип виктимного поведения		,651
Тенденции к непосредственным эмоциям		,608
Конфликт с педагогами		,624
Неадекватное проявление эмоций		,707
Предписание «не думай»		,593
Психологическая травма: несправедливость		,731
Негативное отношение к жизни		,688
Позиция инициатора (в виртуальном пространстве)		,744
Катастрофизация (в виртуальном пространстве)		,669
Навешивание ярлыков (в виртуальном пространстве)		,712
Потребительская мотивация (в виртуальном пространстве)	-,503	,724
Мотив воплощения в роль (в виртуальном пространстве)		,746
Смысл в виртуальном пространстве: потребительство		,715
Смысл в виртуальном пространстве: изменение ролевой позиции		,681
S, % (по факторам)	36,2%	34,5%
S, % (в общем)	70,7%	

Конструктивные стратегии поведения:

5. Помощник с просоциально-компенсаторной стратегией (компонент 1). Для помощника с просоциально-компенсаторной стратегией присуща пассивно-зависимая стратегия, при которой основное усилие направлено на когнитивную адаптацию и удержание ситуации через коррекцию ожиданий и надежд. Участие в коммуникации в виртуальном пространстве сопровождается дистанцированием от прямого вовлечения в

буллинг и ориентацией на обозначение своего присутствия без расширения агрессивных действий.

Неконструктивные стратегии поведения:

5. Помощник с реактивно-компенсаторной стратегией (компонент 2). У помощника с реактивно-компенсаторной стратегией отмечается сниженная критичность и ориентация на подчинение, что усиливает уязвимость к вовлеченности в неконструктивную групповую динамику. Типичны признаки неблагополучия и напряжения, препятствующие осмысленному выбору коммуникативной стратегии. В виртуальном пространстве это возможно благодаря сдвигу к позиции инициатора, а также потребителем мотивом пребывания в сети.

Результаты исследования психологических особенностей группы защитников отражены в таблице (Таблица 19):

Таблица 19

Факторный анализ психологических особенностей группы защитников жертв

Показатель	Компонент (стратегия)	
	1	2
Избирательность	,702	
Инициативный тип виктимного поведения	,635	
Активный тип виктимного поведения		,652
Когнитивная репетиция	,748	
Удовлетворенность жизнью	,721	-,506
Самореализация	,693	
Планирование	,709	-,482
Стремление к успеху	,676	
Предписание «не будь маленьким»	,641	
Предписание «не чувствуй»		,621
Позиция защитника (в виртуальном пространстве)	,664	,512
Позиция наблюдателя (в виртуальном пространстве)		,668
Неучастие в буллинге (в виртуальном пространстве)	,618	-,495
Сверхгенерализация (в виртуальном пространстве)	,603	
Долженствование (в виртуальном пространстве)	-,512	,703
Творческая мотивация (в виртуальном пространстве)	,731	
Мотив личного пространства (в виртуальном пространстве)	,657	,601
Смысл в виртуальном пространстве: самопрезентация	,718	
Смысл в виртуальном пространстве: развитие		,719

Тенденции к унижению	,586	
Завышенные стандарты		,742
Негибкость, неразвитость эмоций		,681
Идентификация со счастливыми		,712
Упрощенный взгляд на эмоцию		,694
Позитивное отношение к будущему		,726
Придание нетривиального смысла ситуации		,705
Отвержение		,757
S, % (по факторам)	35,9%	33,8%
S, % (в общем)	69,7%	

Конструктивные стратегии поведения:

7. Защитник с активно-преобразующей стратегией (компонент 1).

Для защитника с активно-преобразующей стратегией характерны конструктивные преобразующие стратегии: опора на когнитивную подготовку, саморегуляцию и смысл в виртуальном пространстве, позволяющие сохранить границы и контроль степени включенности во взаимодействие в сети.

8. Защитник с адаптивной стратегией (компонент 2). Защитник с адаптивной стратегией ориентирован на поддержание адаптации и нормативного порядка, смысловую переработку ситуации и следование внутренним требованиям при возможной эмоциональной негибкости.

Таким образом, факторный анализ позволил выделить стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге и имеющие конструктивную и неконструктивную направленность коммуникативного поведения в виртуальном пространстве.

Кроме того, при исследовании коммуникативно-когнитивной составляющей выявлены когнитивно-поведенческие стратегии преодоления и смены ролевой позиции в буллинг-структуре при переходе из реального в виртуальное пространство с помощью авторского исследовательского опросника «Ролевая позиция в кибербуллинге». Отмечено, что респонденты могут демонстрировать различные ролевые позиции в реальном и виртуальном пространстве.

На рисунке (Рисунок 26) изображен пример смены ролевой позиции жертв в ситуации буллинга при переходе из реального в виртуальное пространство.

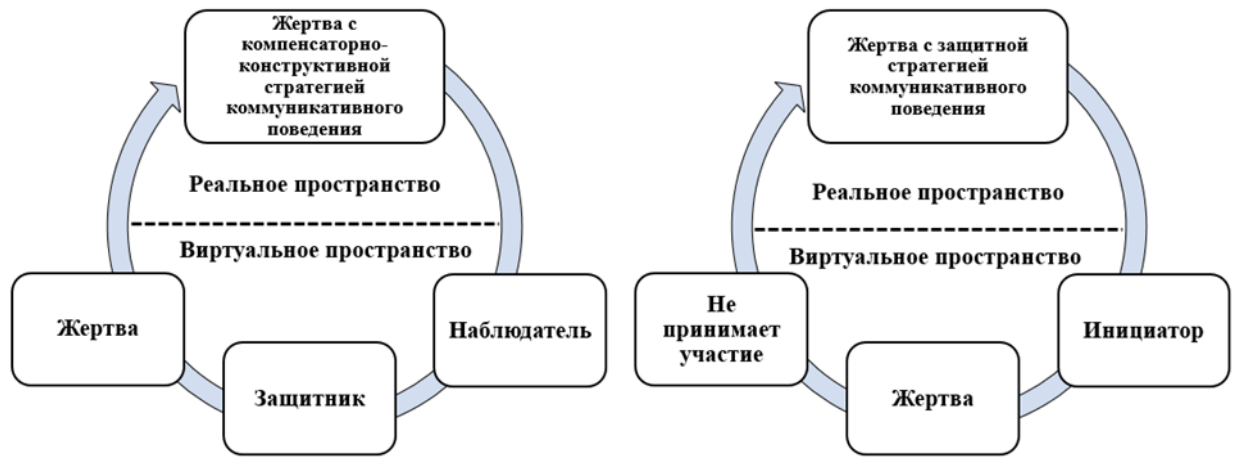

Рисунок 26. Пример смены ролевых позиций жертв в буллинге при переходе из реального в виртуальное пространство

Конструктивная стратегия поведения:

1. Жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию жертвы, наблюдателя и защитника в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 38,5$; $U_{эмп} = 49$; $U_{эмп} = 18,5$, при $p=0,05$). Переход жертвы в позицию защитника часто обусловлен механизмом смысловой переработки. Пережив ситуацию травли, подросток формирует повышенную чувствительность к признакам и более ранним стадиям их распознавания. Это создает предпосылки для просоциального вмешательства.

Неконструктивная стратегия поведения:

2. Жертва с защитной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве занимает ролевую позицию инициатора, жертвы, а также не принимает участие в буллинге ($U_{эмп} = 55$; $U_{эмп} = 33,5$; $U_{эмп} = 77$, при $p=0,05$). В ситуации, когда жертва перенимает стратегию инициатора, результат травли может усиливать ожидания угрозы, поэтому подросток начинает атаковать первым, чтобы снизить вероятность оказаться в уязвимом

положении. Также реактивная агрессия может служить способом разрядки для восстановления самооценки.

На рисунке (Рисунок 27) изображен пример смены ролевой позиции инициаторов в ситуации буллинга при переходе из реального в виртуальное пространство.

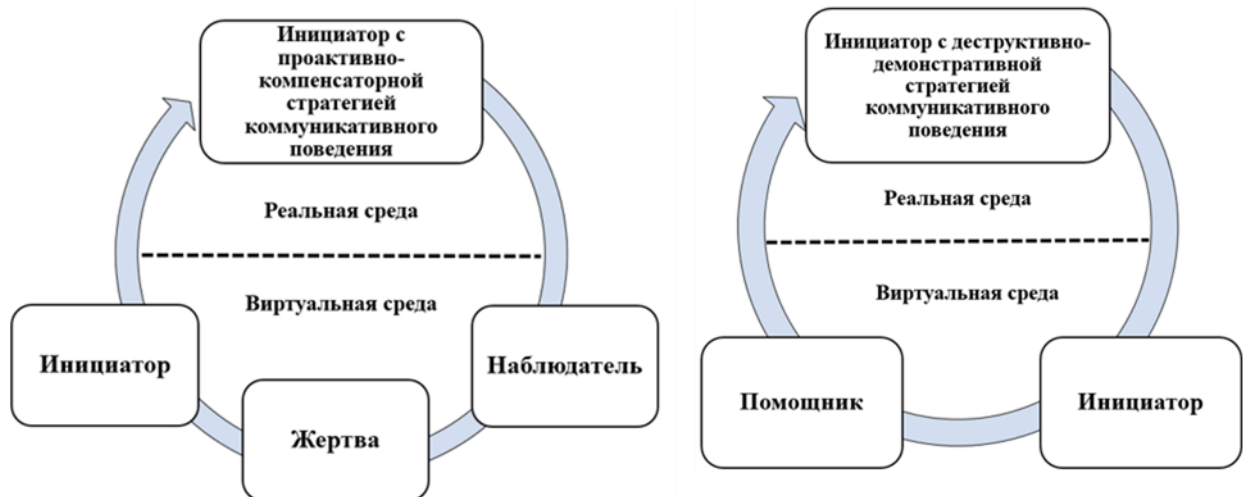

Рисунок 27. Пример смены ролевых позиций инициаторов в буллинге при переходе из реального в виртуальное пространство

Конструктивная стратегия поведения:

3. Инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве занимает ролевую позицию жертвы, инициатора, а также наблюдателя ($U_{эмп} = 13,5$; $U_{эмп} = 64$; $U_{эмп} = 79$, при $p=0,05$). Инициатор может переходить в позицию жертвы вследствие быстрого изменения эффекта массовости в виртуальном пространстве. Агрессивные действия инициатора могут вызвать ответную мобилизацию аудитории, отчего осуществляется вмешательство более статусных участников и переадресация негативного внимания на самого инициатора.

Неконструктивная стратегия поведения:

4. Инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию инициатора и помощника в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 56$; $U_{эмп} = 17$, при $p=0,05$). Переход инициатора в позицию помощника обусловлен

потерей лидерской позиции и интеграцией агрессии в качестве поддерживающего участника. В виртуальном пространстве лидерство определяется не формальным статусом, а динамикой внимания.

На рисунке (Рисунок 28) изображен пример смены ролевой позиции помощников инициатора в ситуации буллинга при переходе из реального в виртуальное пространство.

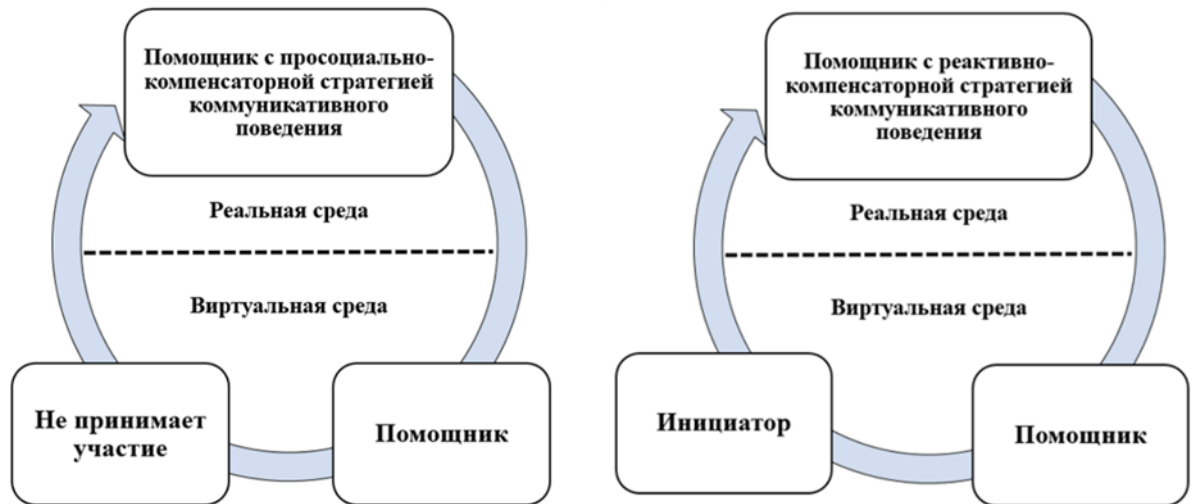

Рисунок 28. Пример смены ролевых позиций помощников инициатора в буллинге при переходе из реального в виртуальное пространство

Конструктивная стратегия поведения:

3. Помощник с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию помощника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 37$; $U_{эмп} = 55$, при $p=0,05$).

Неконструктивная стратегия поведения:

3. Помощник с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию помощника и инициатора в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 61,5$; $U_{эмп} = 49$, при $p=0,05$).

На рисунке (Рисунок 29) изображен пример смены ролевой позиции защитников жертв в ситуации буллинга при переходе из реального в виртуальное пространство.

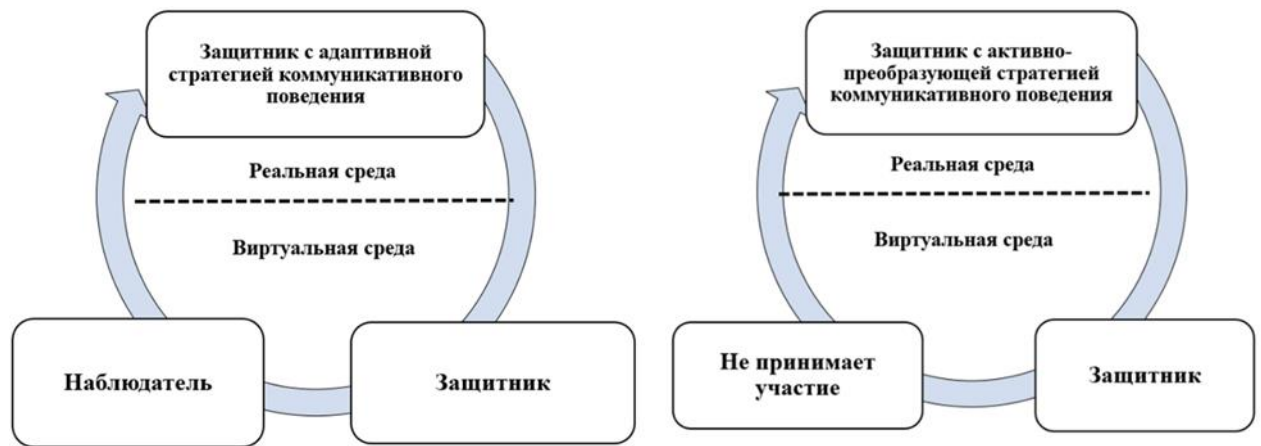

Рисунок 29. Пример смены ролевых позиций защитников жертв в буллинге при переходе из реального в виртуальное пространство

Конструктивные стратегии поведения:

4. Защитник с активно-преобразующей стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{\text{эмп}} = 47$; $U_{\text{эмп}} = 33,5$, при $\rho=0,05$). Защитник с конструктивными преобразующими стратегиями ориентирован на изменение ситуации и перестройку коммуникации. Такой пользователь не реагирует на эпизоды травли, стремится снизить вероятность повторения и поддержать нормы безопасного взаимодействия в виртуальном пространстве, укрепить ресурсную позицию.

5. Защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и наблюдателя в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{\text{эмп}} = 19$; $U_{\text{эмп}} = 34,5$, при $\rho=0,05$). Защитник, использующий конструктивные приспособительные стратегии, ориентирован на сохранение адаптации в существующих условиях. Такой пользователь чаще удерживает баланс между просоциальностью и требованиями группы. Отсюда

в виртуальном пространстве нередко сочетаются роли защитника и наблюдателя.

Следует отметить, что смена ролевой позиции из реального в виртуальное пространство у группы наблюдателей затруднена, поскольку у них, в отличие от других ролевых позиций, нет единого поведенческого маркера, который бы фиксировал начало и продолжение травли. Наблюдатели как правило остаются в зоне поведенческой неразличимости, то есть нейтрально потребляют контент и косвенно подкрепляют травлю. Кроме того, наблюдатели склонны к социальной желательности. После того как ситуация получает негативную оценку, часть респондентов описывает свою позицию как более нейтральную или вне участия, что затрудняет восстановление реальной последовательности перехода.

Таким образом, раскрыта и доказана возможность изменения ролевой позиции личности в ситуации буллинга при переходе из реального пространства в виртуальное. Смена ролевых позиций в буллинг-структуре позволяет расширить представления о коммуникативном поведении личности подросткового возраста в ситуации буллинга.

На следующем этапе исследования нами была проанализирована взаимосвязь между коммуникативно-конативными и когнитивно-аффективными составляющими коммуникативного поведения личности подросткового возраста в буллинг-структуре.

Результаты исследования корреляционного анализа позволили выявить достоверную связь между отдельными коммуникативно-конативными и когнитивно-аффективными составляющими.

На рисунке (Рисунок 30) изображена корреляционная плеяда жертвы с компенсаторно-конструктивной стратегией поведения.

Рисунок 30. Корреляционная плеяда

Исходя из данных на рисунке (Рисунок 30), можно определить, что позиция жертвы в реальном пространстве имеет прямую связь средней силы с идущими вниз сравнениями ($\rho=0,52$, при $\rho=0,05$). Ищущие вниз сравнения имеют прямую сильную связь с позицией жертвы в виртуальном пространстве ($\rho=0,6$, при $\rho=0,05$) и персонализацией в виртуальной коммуникации ($\rho=0,55$, при $\rho=0,51$). Чем больше жертва сравнивает себя с людьми, тем сильнее закрепляется когнитивное искажение по типу персонализации, а также закрепляется роль жертвы в виртуальном пространстве.

В свою очередь, вина и стыд имеют прямую связь средней силы с позицией наблюдателя в виртуальном пространстве ($\rho=0,53$, при $\rho=0,05$). Это свидетельствует о том, что жертва воспринимает свои черты как слабость и нежелательные качества, которые не стоит проявлять, даже в сети. Вина и стыд также имеют сильную прямую связь с творчеством и мотивом вклада, что может свидетельствовать о компенсаторных стратегиях личности в виртуальном пространстве ($\rho=0,77$, при $\rho=0,05$).

На рисунке (Рисунок 31) изображена корреляционная плеяда жертвы с защитной стратегией коммуникативного поведения.

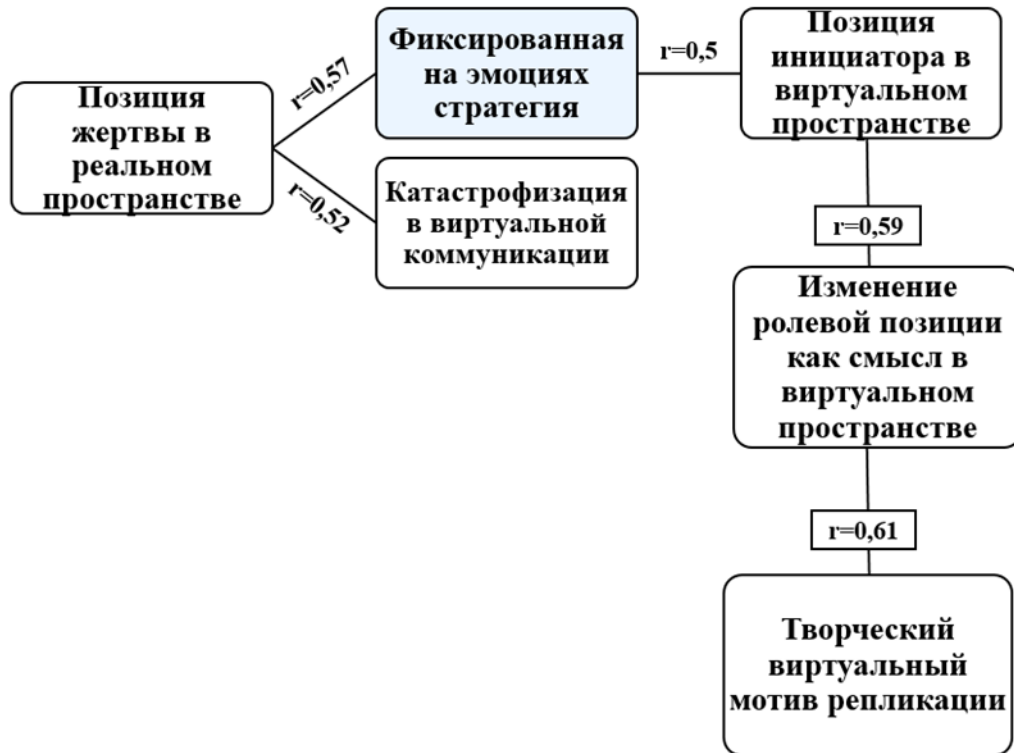

Рисунок 31. Корреляционная плеяда

Благодаря корреляционному анализу выявлено, что позиция жертвы в реальном пространстве имеет прямую связь средней силы с уровнем катастрофизации ($\rho=0,52$, при $\rho=0,05$) и фиксацией на эмоциях ($\rho=0,57$, при $\rho=0,05$). Последнее, в свою очередь, имеет прямую связь средней силы с позицией инициатора в виртуальном пространстве ($\rho=0,5$, при $\rho=0,05$), что свидетельствует о том, что жертва, не преобразовывая ситуацию и положение, компенсирует это в сети. Отсюда мы наблюдаем прямую сильную связь с изменением ролевой позиции как смысла в виртуальном пространстве ($\rho=0,59$, при $\rho=0,05$), что также сопровождается сильной прямой связью с мотивом репликации (создание множества страниц, героев, жизней) ($\rho=0,61$, при $\rho=0,05$) и свидетельствует о компенсаторном характере коммуникативного поведения.

На рисунке (Рисунок 32) изображена корреляционная плеяда инициатора с проактивно-компенсаторной стратегией поведения.

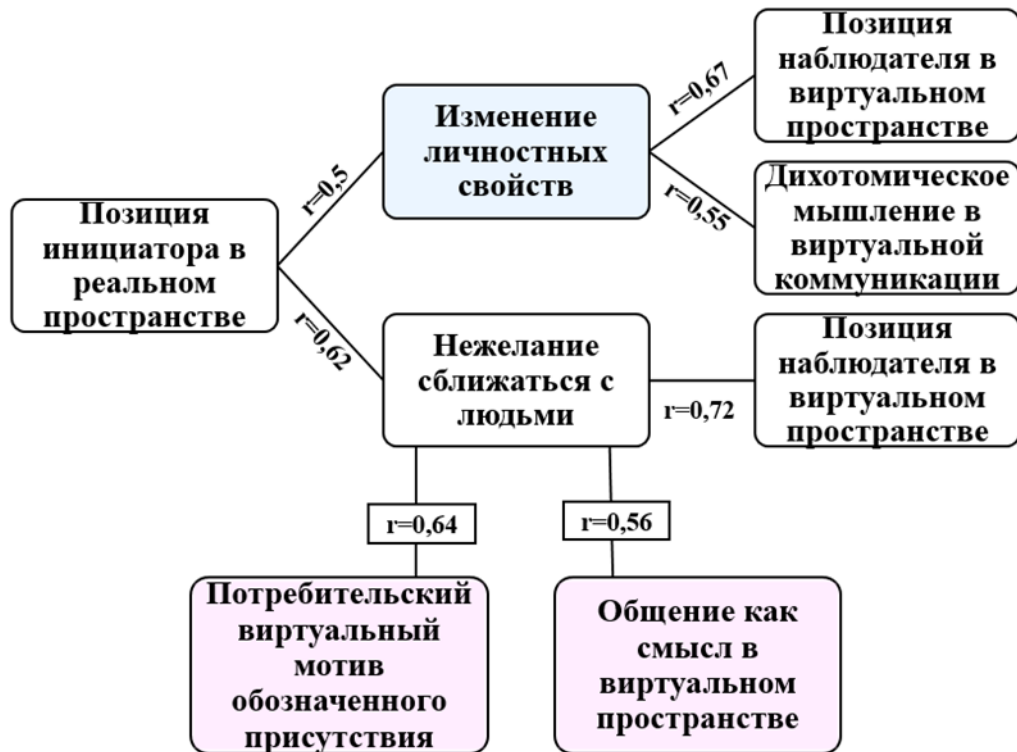

Рисунок 32. Корреляционная плеяда

Корреляционный анализ позволил выявить, что позиция инициатора в реальном пространстве имеет прямую корреляцию средней силы с изменением личностных свойств как стратегии ($r=0,5$, при $p=0,05$), что влияет на позицию наблюдателя в виртуальном пространстве ($r=0,67$, при $p=0,05$), а также на дихотомическое мышление в виртуальной коммуникации ($r=0,55$, при $p=0,05$). Таким образом, стратегия изменения личностных свойств позволяет инициатору отследить некоторые нежелательные черты и не реализовывать их в виртуальном пространстве (например, оставаться безучастным). Однако дихотомическое мышление все еще влияет на категоричность в рассуждении, что позволяет инициатору оставаться в своей ролевой позиции в реальной коммуникации.

Определено, что у инициатора прямая сильная связь с нежеланием общаться с людьми ($\rho=0,72$, при $\rho=0,05$), что обеспечивает ему позицию наблюдателя в виртуальном пространстве ($\rho=0,72$, при $\rho=0,05$). Интересно отметить, что нежелание общаться с людьми имеет сильную прямую связь с потребительским мотивом обозначенного присутствия (желанием общаться с людьми из разных географических мест) ($\rho=0,64$, при $\rho=0,05$), а также связь с общением, которое выступает смыслом в виртуальном пространстве ($\rho=0,56$, при $\rho=0,05$). Таким образом, виртуальное пространство выступает площадкой, которая позволяет компенсировать потребности, которые не представляется возможным реализовать в реальной коммуникации.

На рисунке (Рисунок 33) изображена корреляционная плеяда инициатора с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения.

Рисунок 33. Корреляционная плеяда

Корреляционный анализ позволил выявить, что позиция инициатора в реальном пространстве имеет прямую корреляционную связь средней силы со

стратегией ухода в бегство из трудных ситуаций ($\rho=0,61$, при $\rho=0,05$), что также имеет сильную прямую корреляцию с потребителем мотивом воплощения в роль (например, уход в игры, создание персонажей) ($\rho=0,7$, при $\rho=0,05$). Уход в бегство имеет прямую связь средней силы с позицией наблюдателя ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$) и навешиванием ярлыков в виртуальном пространстве ($\rho=0,64$, при $\rho=0,05$). Мы предполагаем, что инициатор в виртуальном пространстве не способен противостоять социальной ситуации, поскольку находится без помощников и не имеет конструктивных стратегий преодоления. Навешивание ярлыков наталкивает инициатора на постоянное вступление в ситуацию буллинга.

Позиция инициатора также коррелирует с психологической травмой отвержения (все меня бросят, все меня предадут) ($\rho=0,72$, при $\rho=0,05$), которое имеет прямую сильную связь с родительской директивой «не живи» ($\rho=0,68$, при $\rho=0,05$). Впоследствии личность чувствует себя ненужной, отчего сталкивается с позицией жертвы в виртуальном пространстве ($\rho=0,72$, при $\rho=0,05$).

На рисунке (Рисунок 34) изображена корреляционная плеяда помощника с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения.

Рисунок 34. Корреляционная плеяда

Выявлено, что у позиции помощника инициатора существует сильная прямая связь со стратегией коррекции ожиданий и надежд ($\rho=0,67$, при $\rho=0,05$), что часто сопровождается смирением с ситуацией и принятием своего поражения (на примере коммуникативного взаимодействия). Также коррекция ожидания коррелирует с отсутствием выраженной позиции в конфликте ($\rho=0,67$, при $\rho=0,05$) и сверхгенерализацией ($\rho=0,59$, при $\rho=0,05$). Мы предполагаем, что все силы личности (при коррекции ожиданий) направлены на решение собственных проблем, где нет места социальной ситуации буллинга.

В свою очередь, позиция помощника коррелирует со стратегией отрицания ($\rho=0,52$, при $\rho=0,05$), где с одной стороны, личность может переходить на роль инициатора ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$), а с другой, наблюдается очень сильная прямая связь с катастрофизацией в конфликте ($\rho=0,81$, при

$\rho=0,05$). Таким образом, личность все равно подходит к потребительской мотивации воплощения в роль ($\rho=0,7$, при $\rho=0,05$), что сопровождается сменой ролевой позиции как смысла в конфликте ($\rho=0,51$, при $\rho=0,05$). Стратегия отрицания позволяет личности обесценить проблемы и не признаваться в их значимости и вести провокативную деятельность в сети.

На рисунке (Рисунок 35) изображена корреляционная плеяда защитника с адаптивными стратегиями коммуникативного поведения.

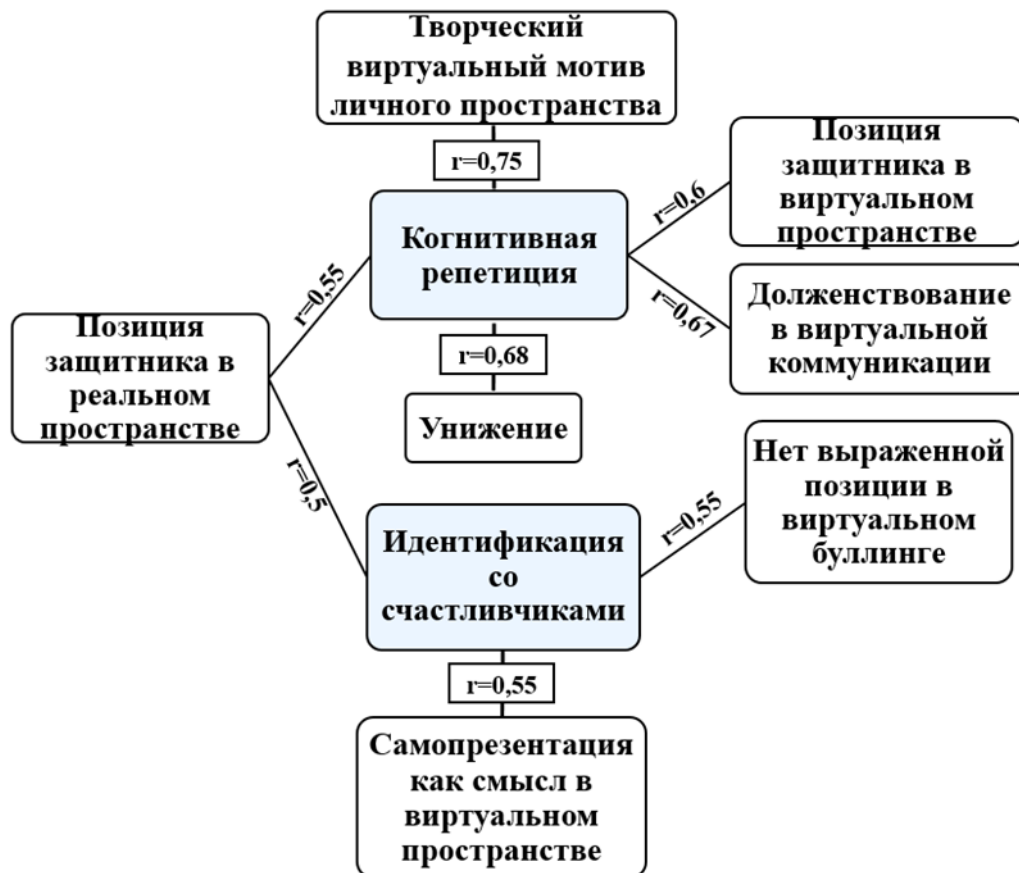

Рисунок 35. Корреляционная плеяда

Позиция защитника в реальном пространстве коррелирует с когнитивной репетицией ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$), отчего у личности присутствует сильная связь с творческим мотивом личного пространства (создание безопасного места, контроль страницы, просмотренного материала, упорядочивание) ($\rho=0,75$, при $\rho=0,05$). Также наблюдается связь с позицией

защитника ($\rho=0,7$, при $\rho=0,6$), долженствованием в виртуальном пространстве ($\rho=0,67$, при $\rho=0,05$) и психологической травмой унижения ($\rho=0,68$, при $\rho=0,05$). Мы предполагаем, что позиция защитника самая устойчивая, в том числе и из-за когнитивного искажения (я должен делать так) и столкновения с опытом унижения (психологическая травма).

Позиция защитника также коррелирует с идентификацией со счастливыми ($\rho=0,5$, при $\rho=0,05$), отчего в виртуальном пространстве нет проявлений каких-либо позиций в буллинге ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$), а также присутствует мотив самопрезентации как смысла в виртуальной коммуникации ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$). Чем больше личность получает удовольствие от своих успехов, тем меньше потребность включения в ситуацию буллинга.

Таким образом, результаты исследования корреляционного анализа позволили выявить достоверную связь между отдельными коммуникативно-конативными когнитивно-аффективными составляющими: изменение личностных свойств и дихотомическое мышление в виртуальной коммуникации ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$), уход и бегство из трудных ситуаций и навешивание ярлыков в виртуальной коммуникации ($\rho=0,64$, при $\rho=0,05$), коррекции ожиданий и надежд и сверхгенерализации в виртуальной коммуникации ($\rho=0,59$, при $\rho=0,05$), стратегия отрицания и катастрофизация в виртуальной коммуникации ($\rho=0,81$, при $\rho=0,05$), когнитивная репетиция и долженствование в виртуальной коммуникации ($\rho=0,67$, при $\rho=0,05$).

Выявлены связи между отдельными коммуникативно-конативными составляющими и ролевой позиции личности подросткового возраста в кибербуллинге: идущие вниз сравнение и позиция жертвы в виртуальном пространстве ($\rho=0,6$, при $\rho=0,05$), фиксированная на эмоциях стратегия и позиция инициатора в виртуальном пространстве ($\rho=0,5$, при $\rho=0,05$), изменение личностных свойств и позиция наблюдателя в виртуальном пространстве ($\rho=0,67$, при $\rho=0,05$), уход в бегство из трудных ситуаций и позиция наблюдателя в виртуальном пространстве ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$),

коррекция ожиданий и надежд и нет выраженной позиции в виртуальном буллинге ($\rho=0,67$, при $\rho=0,05$), стратегия отрицания и позиция инициатора в виртуальном пространстве ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$), когнитивная репетиция и позиция защитника в виртуальном пространстве ($\rho=0,6$, при $\rho=0,05$), идентификация со счастливыми и нет выраженной позиции в виртуальной буллинге ($\rho=0,55$, при $\rho=0,05$).

Отмечено, что между отдельными когнитивно-аффективными и мотивационными составляющими существуют связи: нежелание сближаться с людьми и потребительский виртуальный мотив обозначенного присутствия ($\rho=0,64$, при $\rho=0,05$), вина и стыд и творческий виртуальный мотив вклада ($\rho=0,77$, при $\rho=0,05$).

Таким образом, эмпирически выделены стратегии поведения личности в условиях виртуального буллинга, связанные с ролевой позицией в буллинге. Эмпирически обоснована возможность изменения ролевой позиции в ситуации буллинга, присущей личности в реальном пространстве. Корреляционный анализ позволил выявить достоверную связь между отдельными составляющими коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

3.3. Организация программы психологической коррекции личности в условиях виртуального буллинга

Результаты проведенного корреляционного анализа позволили выявить основные трудности у респондентов группы выборки и сформировать программу психологической коррекции.

Полученные результаты исследования позволили составить модель психологической коррекции, которая включала в себя модули коррекции когнитивных искажений, иррациональных установок, коммуникативных установок и коррекции аффективных состояний.

Отметим, что наиболее эффективным подходом в коррекции является когнитивно-поведенческий подход. Именно этот подход способен целенаправленно расшатывать и реконструировать искаженные убеждения личности, что в последующем приводит к изменению ее моделей поведения и ролевых позиций [115].

Программа психологической коррекции позволила осуществить работу с конструктивными и неконструктивными стратегиями коммуникативного поведения участников буллинга. Таким образом, осуществлена работа на групповом и индивидуальном уровне в зависимости от наличия и выраженности когнитивных искажений, аффективных состояний, иррациональных и коммуникативных установок. Методом случайных чисел были отобраны 300 респондентов, относящиеся к группе с конструктивными и неконструктивными стратегиями поведения.

Программа психологической коррекции представлена на рисунке (Рисунок 31).

Рисунок 36. Программа психологической коррекции личности, включенной в буллинг-структуру

К участию в программе дали свое согласие 101 респондент, из которых: инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией – 14 респондентов,

инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией – 7 респондентов; помощник с конструктивными стратегиями – 21 респондент; помощник с просоциально-компенсаторной стратегией – 11 респондентов; помощник с реактивно-компенсаторной стратегией – 8 респондентов; жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией – 24 респондента; жертва с защитной стратегией – 16 респондентов. Стоит отметить, что наименьшей по количеству человек оказалась группа инициаторов с деструктивно-демонстративной стратегией, так как большинство из них отказывались от участия в программе психологической коррекции.

Программа реализована в реальном и виртуальном пространстве с использованием дистанционных средств – vk.com и Яндекс Телемост.

Программа осуществлялась по расписанию, которое предусматривало личное присутствие или подключение 1-2 раза в неделю, продолжительностью не более 60 минут. Формат работы предусматривал как групповые, так и индивидуальные занятия. Для создания безопасной среды и коррекции трудностей в общении был предусмотрен групповой режим работы, который позволил отрабатывать полученные знания и делиться успехами внутри группы. Также благодаря групповой форме работы было уделено внимание подросткам, которые нуждались в индивидуальном психологическом сопровождении.

Коррекция иррациональных установок и когнитивных искажений включает в себя программы модуля, позволяющие выявить убеждения личности подросткового возраста в реальном и виртуальном пространстве. Модуль коррекции иррациональных установок и когнитивных искажений включает в себя техники когнитивной реструктуризации (выявление и оспаривание когнитивных убеждений), когнитивный континуум, экспозицию, принятие решений, поведенческую активацию (жетонный метод), работу с поведенческими стратегиями и лекции-дискуссии (определение травли и разграничение с конфликтом, классификация видов агрессии, буллинг-

структура, кибербуллинг как форма агрессии, эмоциональная регуляция, техники самопомощи при эмоциональном дистрессе).

Коррекцией иррациональных установок и когнитивных искажений для группы инициаторов с проактивно-компенсаторной и деструктивно-демонстративной стратегиями коммуникативного поведения могут выступать техники, направленные на снижение выраженности показателей когнитивных искажений, таких как дихотомическое мышление и катастрофизация, а также иррациональных установок, таких как чувство неполноценности.

1. Лекции-дискуссии для групп инициаторов с проактивно-компенсаторной и деструктивно-демонстративной стратегиями позволят создать пространство для обсуждения такого явления, как буллинг, и через обсуждение причин и последствий отметить свои собственные мотивы и текущую стратегию поведения.

Примерами лекций-дискуссий для данной группы респондентов могут выступать следующие темы:

1. Когнитивные искажения и эмоциональная регуляция. Механизмы возникновения агрессивных реакций.

2. Психологические особенности и функции инициаторов травли в буллинг-структуре.

3. Произвольная регуляция деятельности. Техники самоконтроля в эмоционально напряженных ситуациях.

4. Моральное развитие и моральные дилеммы в подростковом возрасте.

2. Когнитивная реструктуризация позволит выявить, оспорить и заменить дисфункциональные убеждения на рациональные.

На первом этапе необходимо установить контакт и легитимировать опыт, что позволит снизить общее напряжение и приступить к работе с автоматическими мыслями респондента. Подростку предлагается вспомнить активирующее событие, которое произошло, после чего попробовать сосредоточиться на своих мыслях и вспомнить о последствиях поведения.

Данная техника позволяет объяснить подростку, что не само событие вызывает агрессию, а то, как эта ситуация интерпретируется.

На следующем этапе подростку предлагают оспорить иррациональные убеждения путем проверки фактов, децентрирования (смены перспективы), проверки последствий и поиска альтернатив. Например: «Какие у тебя 100% доказательства, что он думал именно так?», «Как бы ты себя ощущал, если бы кто-то более сильный так поступил с тобой?», «Твой поступок помог тебе добиться уважения? Стали ли тебя больше уважать или бояться?», «Эта стратегия помогает тебе в долгосрочной перспективе или только в моменте?». Следует отметить, что вопросы направлены на то, чтобы поставить логику подростка под сомнение, тем самым не оказывая давления на него по методу «сократовского диалога».

На заключительном этапе необходимо сформулировать новую и рациональную мысль, которая учитывает реальность и снижает эмоциональное переживание подростка. Например, иррациональную мысль «Он меня не уважает, я должен его проучить» можно заменить на рациональную «Мне неприятно, что он так ответил. Возможно, у него есть на это причины, которые могут быть не связаны со мной. Если я хочу поддерживать с ним отношения, я могу позже спросить у него прямо. Травля только усугубит ситуацию. Мне важно думать о себе».

В качестве закрепления рекомендуется выполнение домашнего задания для проверки нового убеждения. Например: «Если кто-то тебя разозлит на этой неделе, попробуй вместо привычной реакции сделать паузу, выдохнуть, сосчитать до десяти или уйти в другую комнату. Зафиксируй у себя в заметках, что ты почувствовал и что произошло».

Подростки могут сами отмечать личный прогресс, используя бланки самонаблюдения (Таблица 20).

Бланк самонаблюдений

Время суток	Описание ситуации (А). Что произошло?	Вызванная ситуацией эмоция (С). Что ты почувствовал тогда?	Мысли, которые были в тот момент (В). Что ты подумали про эту ситуацию в тот самый момент?
7.00-9.00			
9.00-11.00			

3. Техники для снижения интенсивности эмоций позволяют подростку обучиться навыку распознавания первых телесных и эмоциональных сигналов гнева или раздражения. Таким образом, научение первым условным сигналам позволяет дать себе мысленную команду «стоп», после чего совершить несколько телесных движений (сжать кулаки, глубоко вдохнуть и выдохнуть, расслабить мышцы). Данные упражнения позволяют остановить автоматическую и привычную реакцию подростка на раздражитель, поскольку когнитивные техники на первых этапах могут вызывать трудности в исполнении.

Примерами для коррекции когнитивных искажений и иррациональных установок у групп помощников инициаторов с просоциально-компенсаторной и реактивно-компенсаторной стратегиями коммуникативного поведения могут выступать техники на снижение проявлений навешивания ярлыков, катастрофизации и зависимости.

1. Примерами лекций-дискуссий для данных групп респондентов могут выступать следующие темы:

1. Социальная тревожность и страх отвержения. Причины и техники самопомощи.
2. Навыки отказа в условиях группового давления. Тренинг ассертивного поведения.
3. Диффузия ответственности в ситуации буллинга.
4. Зависимость от чужого мнения. Самопринятие и самооценность.

2. Когнитивный континуум позволяет уйти от поляризации мышления и увидеть варианты возможностей между зависимым состоянием и самообладанием.

Следует отметить, что помощникам инициатора чаще всего присуще убеждение: «Если я не поддержу лидера, то стану следующей жертвой». Отсюда следует выявление крайностей, которые подросток изображает от нуля до десяти и отображает на бумаге, где 0% – это полное одиночество, а 100% – абсолютная безопасность. Следующим этапом выступает обозначение на шкале тех, кто просто промолчал, наблюдая за травлей. Совместно с подростком необходимо отметить остальные промежуточные варианты, где 0 – изгой, а 100% – это лидер. На заключительном этапе подросток самостоятельно отмечает себя на линии в данный момент, где бы он хотел находиться и где находится жертва буллинга.

Для помощника инициатора важно отметить, что между двумя полюсами «участия» и «безучастия» существует нейтральная сторона, которая может выступать безопасной зоной для того, чтобы не усугублять ситуацию буллинга и не поддерживать его зачинщика.

3. Техника декатастрофизации позволяет проверить реалистичность своей катастрофической мысли и оценить вероятность ее исполнения.

На первом этапе подростку предлагается выявить свою катастрофическую мысль и максимально корректно ее озвучить. В дальнейшем необходимо развернуть цепочку катастрофы фразой «И что тогда?», которая позволит перебрать варианты развития ситуации. После того как подросток перечислил наихудший из исходов, необходимо задать вопросы на проверку реалистичности исполнения данного сценария: «Какова вероятность по шкале от 0 до 100%, что это действительно произойдет?». На заключительном этапе предлагается оценить ресурсы и способности справиться с этой ситуацией у подростка. Например: «Если представить, что самое страшное случилось, например, тебя начали игнорировать, как ты будешь с этим справляться?», «К кому ты бы мог обратиться в этой ситуации?»

Кто бы тебя мог поддержать?». В конце необходимо завершить технику формулировкой реалистичного прогноза.

Коррекцией когнитивных искажений и иррациональных установок для группы жертв с компенсаторно-конструктивной и защитной стратегиями поведения могут выступать техники, направленные на снижение показателей катастрофизации, персонализации, мысленного фильтра, отверженности, зависимости и несостоятельности.

1. Примерами лекций-дискуссии для данных групп респондентов могут выступать следующие темы:

1. Техники саморегуляции в стрессовых ситуациях. Дыхательные техники и мышечная релаксация.

2. Как мысли поддерживают беспомощность? Когнитивные искажения жертвы буллинга.

3. Как защитить себя в цифровом пространстве? Техники безопасности в сети.

4. Преодоление изоляции и страха общения после травли.

2. Техника экспозиции позволяет снизить переживание травмирующей ситуации и уменьшить страх перед очередным столкновением с ней.

Подростку предлагается составить список ситуаций, которые могут вызывать у него страх перед травлей. Каждая ситуация оценивается от нуля до десяти и начинается с наименее страшной. В качестве домашнего задания предлагается выполнить только первую ступень и зафиксировать свои мысли и реакцию. Например, наименее страшной ситуацией может выступать прогулка по школьному коридору, когда в нем никого нет, а наиболее страшным – ситуация, где подросток должен пройти мимо группы обидчиков и не смотреть в их сторону.

3. Техника принятия решений позволяет совершать осознанный выбор в сложных ситуациях, чтобы уйти от состояния беспомощности.

Предлагается заполнить таблицу для конкретной ситуации буллинга, после чего поднимается вопрос о варианте, который может принести наилучшую перспективу и пользу для подростка (Таблица 21).

Таблица 21

Преимущества и недостатки при решении ситуаций

	Преимущества	Недостатки
Сообщить		
Не сообщать		
Чувства, ощущения		

4. Дневник достижений позволяет подростку сосредоточить внимание на своих достижениях и уйти от постоянного обесценивания, фокуса на неудачах и унижениях. Каждый день в качестве домашнего задания предлагается записать минимум три вещи, которые удалось выполнить в течение дня и за которые можно себя похвалить. Со временем это позволяет сместить фокус внимания с неудач на силу и способность справляться с задачами.

5. Поведенческая активация (жетонный метод) позволяет вовлечь подростка в деятельность путем подкрепления активности при сниженной мотивации.

Подростку рекомендуется составить список действий, которые раньше приносили удовольствие, после чего они ранжируются по уровню сложности выполнения. За выполнение каждого действия вводится система баллов (поощрений). Например, система поощрений может включать в себя отсутствие ограничений на какое-то время, покупку вещи, прогулку или поездку. Следует отметить, что список поощрений подросток формирует самостоятельно.

6. Техники, позволяющие снизить уровень персонализации. Жертвам, в частности, присуще повышенное чувство вины за действия обидчиков, отчего повышается персонализация и стыд.

Необходимо изобразить два круга на листе бумаги – внутри большого маленький. В маленьком кругу подростка просят изобразить то, за что он отвечает на 100% (мысли, чувства и поведение), а в большом – то, что он не может контролировать (мысли, чувства и поведение других людей). Впоследствии необходимо прийти к осознанию, что решение о травле находится в круге постороннего человека, а подросток отвечает за то, как он будет справляться с последствиями и заботиться о себе.

Коррекция коммуникативных установок включает в себя программу модуля, которая позволяет скорректировать когнитивно-поведенческие стратегии и коммуникативные установки личности подросткового возраста в реальном и виртуальном пространстве. Модуль коррекции коммуникативных установок включает в себя рационально-эмотивные игры для моделирования привычных ситуаций и формирования принципиально новых конструктивных стратегий преодоления проблемных ситуаций, техники ассертивного поведения для отработки навыков отказа и безопасного выхода из ситуации травли, техники для отработки социальных навыков.

Коррекция аффективных состояний включает в себя программу модуля для анализа и переоценки ситуаций, которые вызывающих дискомфорт. Модуль включает в себя техники когнитивно-поведенческой терапии, позволяющие оценить график настроения, оценить свои эмоции и ощущения в определенных ситуациях, используя бланки самонаблюдения и отмечая прогресс.

Таким образом, программа психологической коррекции личности подросткового возраста продемонстрировала свою эффективность для каждой из группы выборки с различными стратегиями коммуникативного поведения в ситуации буллинга (при $p \leq 0,05$).

Результаты проведенных мероприятий по коррекции когнитивных искажений и иррациональных установок демонстрируют степень эффективности в группе жертв с компенсаторно-конструктивной стратегией коммуникативного поведения по шкалам «Долженствование» и

«Катастрофизация», «Эмоциональная депривация» ($G_{эмп} = 3$, $G_{эмп} = 2$, $G_{эмп} = 3$ $<G_{теор} = 4$, при $\rho = 0,05$). В группе отмечается позитивная динамика коррекционного процесса коммуникативных установок «Нежелания сближаться с людьми» ($G_{эмп} = 2$ $<G_{теор} = 4$, при $\rho = 0,05$). Также отмечается положительная динамика аффективных состояний «Вина и стыд» ($G_{эмп} = 3$ $<G_{теор} = 3$, при $\rho = 0,05$).

У группы жертв с защитной стратегией коммуникативного поведения отмечается положительное продвижение коррекции когнитивных искажений по типу «Мысленный фильтр» ($G_{эмп} = 1$ $<G_{теор} = 2$, при $\rho = 0,05$). Также отмечается положительная динамика показателей коммуникативных установок по типу «Низкий консенсус» ($G_{эмп} = 2$ $<G_{теор} = 2$, при $\rho = 0,05$) и аффективных состояний по типу «Нежелание сближаться с людьми» ($G_{эмп} = 3$ $<G_{теор} = 4$, при $\rho = 0,05$).

В группе инициаторов с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения отмечено снижение уровня иррациональных установок по шкале «Отверженность» ($G_{эмп} = 3$ $<G_{теор} = 4$, при $\rho = 0,05$). Отмечается снижение уровня аффективных состояний по типу «Непринятие чувств» ($G_{эмп} = 1$ $<G_{теор} = 2$, при $\rho = 0,05$).

Группа инициаторов с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения демонстрируют выраженность положительного продвижения коррекции когнитивных искажений и иррациональных установок по типу «Эмоциональной депривации» и «Навешивания ярлыков» ($G_{эмп} = 4$, $G_{эмп} = 3$, $<G_{теор} = 4$, при $\rho = 0,05$). Также отмечается положительное продвижение коррекции аффективных состояний по типу «Потеря контроля» ($G_{эмп} = 2$, $<G_{теор} = 4$, при $\rho = 0,05$).

У группы помощников с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения отмечается положительное продвижение коррекции когнитивных искажений по типу «Чтение мыслей» ($G_{эмп} = 2$ $<G_{теор} = 3$, при $\rho = 0,05$). Выявлено положительное продвижение коррекции

коммуникативной установки «Негибкость, неразвитость эмоций» ($G_{\text{эмп}} = 1 < G_{\text{теор}} = 2$, при $p = 0,05$).

Помощники с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения демонстрируют положительную динамику коррекции коммуникативной установки «Неадекватность проявления эмоций» ($G_{\text{эмп}} = 4 < G_{\text{теор}} = 3$, при $p = 0,05$). Отмечается положительное продвижение коррекции аффективных состояний по типу «Потеря контроля» ($G_{\text{эмп}} = 2 < G_{\text{теор}} = 3$, при $p = 0,05$).

Таким образом, программа психологической коррекции продемонстрировала значительную положительную динамику в изменении когнитивных искажений, коммуникативных установок и аффективных состояний у групп с различными стратегиями коммуникативного поведения в буллинге. Отмечается меньшая выраженность когнитивных и иррациональных установок, сниженная выраженность аффективных состояний и адекватная коммуникативная установка в отношении себя и окружающих.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. В ходе эмпирического исследования с помощью группирующей методики выявлены группы респондентов, согласно занимаемым ролевым позициям в буллинг-структуре. Среди них: жертвы – 112 человек, инициаторы – 97 человек, помощники инициатора – 159 человек, защитники жертвы – 131, наблюдатели – 393.

2. В ходе исследования выявлено, что существуют различия в рамках когнитивно-аффективной составляющей коммуникативного поведения участников буллинга для каждой из группы выборки: для группы жертв присущи иррациональные установки – отверженности, зависимости, недоверия, изгнания из общества и несостоятельности, эмоциональные схемы по типу вины и стыда, потери контроля, низкого консенсуса, непринятия чувств и инвалидизация, иррациональные установки – дихотомическое мышление, катастрофизация, мысленный фильтр, сверхгенерализация и персонализация; группе инициаторов – иррациональные установки в реальном пространстве по типу отверженности, недоверия, эмоциональной депривации, неполноценности и несостоятельности, эмоциональные схемы по типу чрезмерная рациональность и непринятие чувств, позитивное отношение к будущему, иррациональные установки – дихотомическое мышление, катастрофизация, мысленный фильтр и сверхгенерализация; группе помощников – иррациональные установки в реальном пространстве по типу зависимости, избранности, эмоциональной депривации и изгнания из общества, покорность, упрощенный взгляд на эмоцию, чрезмерная рациональность, обесценивание и потеря контроля, тенденция к позитивному отношению к будущему, иррациональные установки – дихотомическое мышление, навешивание ярлыков и сверхгенерализация; защитникам жертв – завешенные стандарты, избранности, упрощенный взгляд на эмоцию, обесценивание и чрезмерной рациональность, позитивное отношение к будущему, иррациональные установки – сверхгенерализация и

долженствование; наблюдателям присущи завышенные стандарты, уязвимость, покорность, вина и стыд, потеря контроля, низкий консенсус и позитивное отношение к будущему, иррациональные установки – дихотомическое мышление.

3. Выявлено, что существуют различия в рамках коммуникативно-конативной составляющей коммуникативного поведения участников буллинга для каждой из группы выборки: для группы жертв присущ агрессивный тип, инициативный тип и пассивный тип виктимного поведения, стратегии поведения – когнитивная репетиция, коррекция ожиданий и надежд, идущие вниз сравнения, фиксированная на эмоциях стратегия и уход в бегство из трудной ситуации, родительские предписания – «не живи», «не сближайся», «не будь собой», «не думай», «не будь маленьким» и «не принадлежи», помехи в установлении контактов – нежелание сближаться с людьми и неумение управлять эмоциями, в виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция наблюдателя, жертвы и защитника; группе инициаторов присущ агрессивный тип виктимного поведения, активный тип и некритический тип, стратегии поведения – идущее вверх сравнение, фиксированная на эмоциях стратегия и уход в бегство из трудной ситуации, родительские предписания – «не живи», «не чувствуй», «не сближайся», «не будь собой» и «не думай», помехи в установлении контактов – неадекватное проявление эмоций, неумение управлять эмоциями, негибкость и неразвитость эмоций (и нежелание сближаться с людьми, в виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция инициатора, жертвы, наблюдателя; группе помощников присущ тип активный тип и некритический тип виктимного поведения, стратегии поведения – коррекция ожиданий и надежд, уход в бегство из трудной ситуации и стадия отрицания, родительские предписания – «не сближайся», «не будь собой», «не думай», «не чувствуй», помехи в установлении контактов – неадекватное проявление эмоций, неумение управлять эмоциями и негибкость и неразвитость эмоций, в виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция инициатора и помощника; группе защитников присущ тип

инициативный тип виктимного поведения, стратегии поведения – коррекция ожиданий и надежд, придание нетривиального смысла ситуации, когнитивная репетиция, родительские предписания – «не чувствуй», и «не будь маленьким», в виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция защитника и не принимающего участия; наблюдателям присущ тип пассивный тип виктимного поведения, стратегии поведения – идущее вниз сравнение, придание нетривиального смысла ситуации и стадия отрицания, родительские предписания – «не будь значимым», помехи в установлении контактов – тенденции к нежеланию сближаться с людьми.

3. Изучено, что существуют различия в рамках мотивационной составляющей коммуникативного поведения участников буллинга для каждой из группы выборки: для группы жертв – мотивы пребывания в сети, мотив репликации, мотив личного пространства и мотив вклада; для группы инициаторов – мотив обозначенного присутствия и мотив воплощения в роль; для группы помощников инициатора – мотивы пребывания в сети – мотив обозначенного присутствия и мотив воплощения в роль; для группы защитников – мотивы пребывания в сети, мотив репликации, мотив личного пространства и мотив вклада; группе наблюдателей – мотивы пребывания в сети и мотив вклада.

4. Эмпирически выявлено, что существуют различия в рамках ценностно-смысловой составляющей коммуникативного поведения участников буллинга для каждой из группы выборки: для группы жертв в системе антивитальности присущ конфликт в группе, тревожная руминация, антивитальные мысли, в системе жизнестойкости – саморегуляция и планирование, смыслы в виртуальном пространстве – творец, сверхкреативность, компенсация проблем в общении, изменение ролевой позиции и общение; для группы инициаторов смыслы в виртуальном пространстве – потребительство, сверхкреативность, компенсация проблем в общении и общение; для группы помощников инициатора смыслы в виртуальном пространстве – потребительство и сверхкреативность; для

группы защитников присущи смыслы в виртуальном пространстве – потребительство, сверхкреативность, общение и самопрезентация; для группы наблюдателей присущи смыслы в виртуальном пространстве – изменение ролевой позиции и общение.

5. Выявлены стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге, и реализующиеся в ходе интернет-коммуникации. Использован метод факторного анализа. Выделено 8 стратегий коммуникативного поведения респондентов с различными ролевыми позициями, имеющих конструктивную и неконструктивную направленность. Конструктивные стратегии поведения: жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией, помощник с просоциально-компенсаторной стратегией, защитник с активно-преобразующей стратегией и защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения. Неконструктивные стратегии поведения: жертва с защитной стратегией, инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией, и помощник с реактивно-компенсаторной стратегией.

6. Определено, что существует смена ролевых позиций в буллинг-структуре при переходе из реального в виртуальное пространство у жертвы, инициатора, помощника и защитника. Жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию жертвы, наблюдателя и защитника в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 38,500$; $U_{эмп} = 49$; $U_{эмп} = 18,500$, при $p=0,05$). Инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве занимает ролевую позицию жертвы, инициатора, а также наблюдателя ($U_{эмп} = 13,500$; $U_{эмп} = 64$; $U_{эмп} = 79$, при $p=0,05$). Помощник с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию помощника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 37$; $U_{эмп} = 55$, при $p=0,05$). Защитник с активно-преобразующей стратегией коммуникативного поведения перенимает

ролевую позицию защитника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{\text{эмп}} = 47$; $U_{\text{эмп}} = 33,500$, при $\rho=0,05$). Защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и наблюдателя в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{\text{эмп}} = 19$; $U_{\text{эмп}} = 34,500$, при $\rho=0,05$). Жертва с защитной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве занимает ролевую позицию инициатора, жертвы, а также не принимает участие в буллинге ($U_{\text{эмп}} = 55$; $U_{\text{эмп}} = 33,500$; $U_{\text{эмп}} = 77$, при $\rho=0,05$). Инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию инициатора и помощника в виртуальном пространстве ($U_{\text{эмп}} = 56$; $U_{\text{эмп}} = 17$, при $\rho=0,05$). Помощник с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию помощника и инициатора в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{\text{эмп}} = 61,500$; $U_{\text{эмп}} = 49$, при $\rho=0,05$).

7. Доказана взаимосвязь между отдельными коммуникативно-конативными когнитивно-аффективными составляющими: изменение личностных свойств и дихотомическое мышление в виртуальной коммуникации, уход и бегство из трудных ситуаций и навешивание ярлыков в виртуальной коммуникации, коррекции ожиданий и надежд и сверженерализации в виртуальной коммуникации, стратегия отрицания и катастрофизация в виртуальной коммуникации, когнитивная репетиция и долженствование в виртуальной коммуникации. Выявлены связи между отдельными коммуникативно-конативными составляющими и ролевой позиции личности подросткового возраста в кибербуллинге: идущие вниз сравнение и позиция жертвы в виртуальном пространстве, фиксированная на эмоциях стратегия и позиция инициатора в виртуальном пространстве, изменение личностных свойств и позиция наблюдателя в виртуальном пространстве, уход в бегство из трудных ситуаций и позиция наблюдателя в виртуальном пространстве, коррекция ожиданий и надежд и нет выраженной

позиции в виртуальном буллинге, стратегия отрицания и позиция инициатора в виртуальном пространстве, когнитивная репетиция и позиция защитника в виртуальном пространстве, идентификация со счастливыми и нет выраженной позиции в виртуальной буллинге. Отмечено, что между отдельными когнитивно-аффективными и мотивационными составляющими существуют связи: нежелание сближаться с людьми и потребительский виртуальный мотив обозначенного присутствия, вина и стыд и творческий виртуальный мотив вклада.

8. После внедрения системы психологической коррекции наблюдаются значительные конструктивные изменения в когнитивных, психологических характеристиках коммуникативного поведения личности и аффективных состояниях. Отмечается меньшая выраженность когнитивных искажений и аффективных состояний, адекватная коммуникативная установка, из них: в группе жертв с компенсаторно-конструктивной стратегией коммуникативного поведения обнаружена степень эффективности от коррекционных мероприятий по шкалам «Долженствование» и «Катастрофизация», «Эмоциональная депривация, отмечается положительное продвижение коррекции коммуникативных установок по типу «Нежелания сближаться с людьми», отмечается положительное продвижение коррекции аффективных состояний «Вина и стыд». У группы жертв с защитной стратегией коммуникативного поведения отмечается положительное продвижение коррекции когнитивных искажений по типу «Мысленный фильтр», коммуникативной установки по типу «Низкий консенсус» и аффективных состояний по типу «Нежелание сближаться с людьми». В группе инициаторов с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения отмечено снижение уровня иррациональных установок по шкале «Отверженность» и снижение уровня аффективных состояний по типу «Непринятие чувств». Группа инициаторов с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения демонстрируют выраженность положительного продвижения коррекции когнитивных искажений и

иррациональных установок по типу «Эмоциональной депривации» и «Навешивания ярлыков» и аффективных состояний по типу «Потеря контроля». У группы помощников с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения отмечается положительное продвижение коррекции когнитивных искажений по типу «Чтение мыслей» и коммуникативных установок по типу «Негибкость, неразвитость эмоций». Группа помощников с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения отмечается положительное продвижение коррекции коммуникативных установок по типу «Неадекватность проявления эмоций» и коррекции аффективных состояний по типу «Потеря контроля».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Коммуникативное поведение участников виртуального буллинга представляет собой совокупность конструктивных и неконструктивных стратегий межличностного и межгруппового взаимодействия в сети, которые определяются устойчивыми ролевыми позициями и психологическими особенностями участников буллинга.

2. Коммуникативное поведение участников буллинга в условиях виртуального пространства может определяться когнитивно-аффективными (иррациональные установки, рефлексия, эмоциональные схемы, показатели суицидального риска), коммуникативно-конативными (коммуникативные установки, виктимность, совладающее поведение, негативные родительские предписания), мотивационными (мотивы пребывания в сети, анализ самоотчетов) и ценностно-смысловыми составляющими (система ценностных ориентаций, смыслы личности в виртуальном пространстве), определяться стратегиями поведения, связанными с ролевой позицией в буллинге и имеющими конструктивную и неконструктивную направленность коммуникативного поведения в условиях виртуального пространства.

3. Распределение показателей когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих коммуникативного поведения личности подросткового возраста в ситуации буллинга в виртуальном пространстве позволило выделить 8 стратегий поведения, связанных с ролевой позицией в буллинге и имеющими конструктивную и неконструктивную направленность коммуникативного поведения в виртуальном пространстве. Конструктивные стратегии поведения: жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией, помощник с просоциально-компенсаторной стратегией, защитник с активно-преобразующей стратегией и защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения. Неконструктивные стратегии поведения:

жертва с защитной стратегией, инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией, и помощник с реактивно-компенсаторной стратегией.

5. Выявлено, что существует смена ролевых позиций в буллинг-структуре при переходе из реального в виртуальное пространство у жертвы, инициатора, защитника и помощника. Жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию жертвы, наблюдателя и защитника в виртуальном пространстве; жертва с защитной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию инициатора, жертвы, а также не принимающего участия в буллинге; инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию жертвы, инициатора, а также наблюдателя; инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию инициатора и помощника в виртуальном пространстве; помощник с просоциально-компенсаторной стратегией перенимает ролевую позицию помощника и не принимающего участие в буллинге; помощник с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию помощника и инициатора; защитник с активно-преобразующей стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве; защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и наблюдателя в буллинге в виртуальном пространстве.

6. Модель психологической коррекции направлена на участников, имеющих определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге в виртуальном пространстве. Существенные изменения происходят у группы жертв с компенсаторно-конструктивной стратегией и у жертвы с защитной стратегией коммуникативного поведения, а также у группы инициаторов с проактивно-компенсаторной стратегией

коммуникативного поведения и помощников с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения, что свидетельствует о необходимости проведения коррекционно-профилактической работы у личности подросткового возраста в ситуации буллинга в реальном и виртуальном пространстве.

7. По итогам внедрения программы психологической коррекции наблюдаются значительные конструктивные изменения в когнитивных, психологических характеристиках коммуникативного поведения личности и аффективных состояниях у группы жертв с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициаторов с проактивно-компенсаторной стратегией и у помощников с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в виртуальном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова, И. В. Исследование поведения пользователей в сети интернет: особенности смыслообразующей мотивации / И. В. Абакумова, А. В. Гришина // Антология российской психотерапии и психологии, Москва, 24–29 июня 2020 года. Том Специальный выпуск. – Москва: Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига». – 2020. – С. 10-11.
2. Абдрахманов, А. Э. Психологические особенности жертв буллинга подросткового возраста / А. Э. Абдрахманов, Р. Б. Абдрахманова, Ж. Т. Уталиева, Э. Ж. Жапаров // *Psychology and Cognitive Sciences*. – 2025. – № 4 (153). – С. 85-97. DOI 10.32523/3080-1893-2025-153-4-85-97.
3. Алексеева, О. А., Бестужева, О. Ю., Вершинская, О. Н., Скворцова, А. Ю., Евгеньевна, С.Е. Новые возможности и риски потребления электронных услуг людьми старшего возраста / О. А. Алексеева, О. Ю. Бестужева, О. Н. Вершинская [и др.] // *Народонаселение*. – 2019. – Т. 22, № 1. – С. 128-142. DOI 10.24411/1561-7785-2019-00010.
4. Аллахярова, С. Е. Основные подходы к пониманию формирования конфликтного взаимодействия в старшем подростковом возрасте / С. Е. Аллахярова, К. С. Журавель, О. А. Романко // *Мир науки. Педагогика и психология*. – 2025. – Т. 13, № 2.
5. Алтухова, Т. А. Коммуникативная направленность логопедического занятия в обеспечении коммуникативно-речевого развития детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи / Т. А. Алтухова, Е. А. Шилова // *Auditorium*. – 2020. – № 2(26). – С. 19-28.
6. Андронникова, О. О. Распространенность кибербуллинга в образовательной среде / О. О. Андронникова // *Вестник педагогических инноваций*. – 2022. – № 1(65). – С. 83-93. DOI 10.15293/1812-9463.2201.09.
7. Андронникова, О. О. Формирование зависимого поведения как результат реализации виктимного потенциала личности / О. О. Андронникова; Новосибирский государственный педагогический университет. –

Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. – 310 с. ISBN 978-5-00023-884-4.

8. Антонова, Н. В. Интеграционная модель исследования идентичности в контексте Интернет-коммуникации / Н. В. Антонова, М. С. Одинцова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2010. – № 2. – С. 5-16.

9. Арестова, О. Н., Бабанин, Л. Н., Войскунский, А. Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О. Н. Арестова, Л. Н. Бабанин, А. Е. Войскунский // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1996. – № 4. – С. 14–20.

10. Арестова, О. Н., Бабанин, Л. Н., Войскунский, А. Е. Мотивация Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете А.Е. Войскунского. Можайск: «Москва-Терра». – 2000 – С. 55–76.

11. Бабенко, Ю. А. К проблеме развития конфликтологической компетентности подростков / Ю. А. Бабенко, А. В. Груша // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 6.

12. Баева, И.А. Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие: учеб. пособие / под науч. ред. И.А. Баевой, С.В. Тарасова. – СПб.: ЛОИРО, 2017. – 265 с. ISBN 978–5–91143–685–8

13. Баева, И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: как ее создать и измерить / И. А. Баева // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей, Москва, 17–18 марта 2020 года. – Москва: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2020. – С. 280-284. DOI 10.24411/9999-044A-2020-00064.

14. Баева, И. А. Социальная психология молодежной субкультуры / И. А. Баева // Программы подготовки практического психолога для системы образования / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург: Образование, 1994. – С. 74-81.

15. Баранов, А. А. Социально-психологические предикторы риска буллинга в школьном коллективе подростков / А. А. Баранов, О. П. Кондаурова, Р. К. Хайдаров // Проблемы современного образования. – 2023. – № 6. – С. 80-92. DOI 10.31862/2218-8711-2023-6-80-92.
16. Баранов, А. А. Кибербуллинг - новая форма угрозы безопасности личности подростка / А. А. Баранов, С. В. Рожина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – № 11. – С. 62-66.
17. Баранов, А. А. Копинг-стратегии подростка в ситуации кибербуллинга / А. А. Баранов, С. В. Рожина // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 37-46.
18. Бек А. Когнитивная психотерапия // Эволюция психотерапии / Под ред. Л. М. Кроль. М.: Класс, 1998. Т. 2. С. 304-330.
19. Белинская, Е. П. Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия / Е. П. Белинская, Д. К. Франтова // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2017. – № 3(9). – С. 28-43.
20. Белинская, Е. П. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты / Е. П. Белинская, А. Е. Жичкина // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования / Под редакцией В.С. Собкина. Том V. Выпуск VII. – Москва: Федеральное государственное научное учреждение "Институт социологии образования" Российской академии образования, 2000. – С. 395-428.
21. Беляева, Н. Н. Отношение подростков к буллингу и особенности буллинг-структуры школьного класса / Н. Н. Беляева // Альманах мировой науки. – 2017. – № 2-2(17). – С. 79-82.
22. Берн, Ш. Гендерная психология: законы мужского и женского поведения / Ш. Берн; Шон Берн; [пер.: С. Рысев и др.]. – Санкт-Петербург:

Прайм-Еврознак, 2007. – 318 с. – (Серия Научный бестселлер). ISBN 978-5-93878-520-5.

23. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович; Печатается по рекомендации Ученого совета Института психологии и Редакционно-издательского совета АПН СССР. – Москва: Акционерное общество «Издательство «Просвещение», 1968. – 464 с.

24. Бондаренко, С. В. Коммуникативные оппозиции речевого взаимодействия в ситуациях вербальной коммуникации при постороннем слышащем / С. В. Бондаренко, Е. Н. Горбачева, И. О. Сыресина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 543-546. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00401.

25. Болтунова, А. И. Особенности межличностного общения среди подростков / А. И. Болтунова // Молодой ученый. – 2014. – № 1. – С. 492-494.

26. Большакова, Д. С. Кибербуллинг в подростковой среде: риски и угрозы / Д. С. Большакова // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития (к 85-летию ТГПУ им. Л.Н. Толстого): Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Тула, 18–19 октября 2023 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – С. 69-70.

27. Бондарева, Е. Н. Жестокость подростков. Моббинг в школе / Е. Н. Бондарева, Ю. В. Сорокопудова, А. И. Морозова // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2014. – № 1-1. – С. 7-10.

28. Бондаренко, С. В. Коммуникативные оппозиции речевого взаимодействия в ситуациях вербальной коммуникации при постороннем слышащем / С. В. Бондаренко, Е. Н. Горбачева, И. О. Сыресина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 543-546. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00401.

29. Бочавер, А. А. Буллинг как деструктивный совместный копинг школьного сообщества: новая концептуализация / А. А. Бочавер // Психология.

Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 569-586. DOI 10.17323/1813-8918-2024-3-569-586.

30. Бочавер, А. А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 149-159.

31. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 177-191.

32. Булатова, Е. И. Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг / Е. И. Булатова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2(31). – С. 75-78.

33. Бурбо, Л. Пять травм, которые мешают быть самим собой: предательство, отвергнутый, покинутый, униженный, несправедливость / Л. Бурбо; Лиз Бурбо; [пер. с англ. В. Трилиса]. – Москва: София, 2010. – 188 с. – (Серия Слушай свое тело). ISBN 978-5-91250-351-1.

34. Бутенко, В. Н. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей "обидчиков" и "жертв" / В. Н. Бутенко, О. А. Сидоренко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2015. – № 3(33). – С. 138-143.

35. Бушина, Е. В. Взаимосвязь аккультурации и буллинга в российских школах / Е. В. Бушина, А. М. Каримова // Вопросы образования. – 2022. – № 2. – С. 33-59. DOI 10.17323/1814-9545-2022-2-33-59.

36. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – 472 с.

37. Веселова, Е. К. Роль высших эмоций в становлении личности / Е. К. Веселова, Е. Ю. Коржова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13, № 4(49). – С. 190-193.

38. Внебрачных, Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р. А. Внебрачных // Вестник Удмуртского

университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 1. – С. 36-39.

39. Войскунский, А.Е. Научная коммуникация в условиях автоматизации. Психологические проблемы автоматизации научно-исследовательских работ. – М.: Наука, 1987. – С. 139-158.

40. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.

41. Войскунский, А.Е. Коммуникативный контакт и средства его установления. – Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 128-152.

42. Волкова, Е. Н. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова // Вестник Мининского университета. – 2017. – № 3(20). – С. 17. DOI 10.26795/2307-1281-2017-3-17.

43. Волкова, Е. Н. Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова, А. С. Голубовская // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 71-81.

44. Волкова, Е. Н. Проблемы кибербуллинга в современных психологических исследованиях / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова, А. В. Голубовская // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: Материалы международной научно-практической конференции, Псков, 11–13 апреля 2019 года / Под редакцией Д.Я. Грибановой. – Псков: Псковский государственный университет, 2019. – С. 339-342.

45. Выготский, Л.С. Проблема возраста // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Эльконина Д.Б. – М.: Педагогика, 1984. – С. 244-268.

46. Галичкина, Е. Н. Коммуникативное поведение "новичка" в сетевой компьютерной коммуникации / Е. Н. Галичкина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8(223). – С. 41-46.

47. Глазман, О. Л. Психологические особенности участников буллинга / О. Л. Глазман // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – С. 159-165.
48. Гнедаш, А. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практик в online-пространстве современной России: «фейлы», "кейсы", "механики" / А. А. Гнедаш, Н. А. Рябченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 2. – С. 40-54.
49. Горбачева, А. Г. Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети Интернет / А. Г. Горбачева // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2, № 3(17). – С. 17-25.
50. Горбачева, А. С. Особенности коммуникативной активности подростков и студенческой молодежи в цифровой социальной среде / А. С. Горбачева // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 121-141. DOI 10.11621/TEP-24-07.
51. Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. Основы психолингвистики [5-е перераб. и доп. изд.]. – М., 2005. – 224 с.
52. Горошко, Е. И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик интернета / Е. И. Горошко // Образовательные технологии и общество. – 2008. – Т. 11, № 2. – С. 388-411.
53. Григорьева, О. В. Психозоциональная сфера подростков с зависимостью от интернета / О. В. Григорьева, Н. В. Ванюхина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2014. – № 3(8). – С. 32-35.
54. Гриценко, Л. М. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) / Л. М. Гриценко, Т. А. Демидова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 55. – С. 29-42. DOI 10.17223/19986645/55/3.
55. Гришанина, А. Н. Личность в координатах социальных сетей: конструктивизм и деструктивизм речевого поведения / А. Н. Гришанина // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 2. – С. 109-115. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-2-109-115.

56. Гришина, А. В. Психологические предикторы рискованного информационного поведения студенческой молодежи / А. В. Гришина, И. В. Абакумова, Г. П. Звездина, И. Г. Смольянов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 3.

57. Гришина, Т. Г. Социально-психологические факторы ролевого поведения подростков в ситуации буллинга: специальность 19.00.05 «Социальная психология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Гришина Т.Г., 2021. – 208 с.

58. Грушевицкая, Т. Г., Попков, В. Д., Садохин, А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003 – 352 с. ISBN 5-238-00359-5.

59. Ерина, И. А. Буллинг и пути его профилактики в образовательной практике / И. А. Ерина, В. А. Бузни, А. А. Корж // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 1(86). – С. 81-83. DOI 10.24412/1991-5497-2021-186-81-83.

60. Ермаков, П. Н. Влияние цифрового мира на современного человека / П. Н. Ермаков, Д. С. Ключко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 1.

61. Жарова, Д. В. Психологические особенности подросткового буллинга / Д. В. Жарова, Е. Ю. Терех // Научно-педагогическое обозрение. – 2018. – № 1(19). – С. 79-84. DOI 10.23951/2307-6127-2018-1-79-84.

62. Жихарева, Л. В. Психологические особенности агрессии в интернет-пространстве на разных возрастных этапах / Л. В. Жихарева, А. С. Бахшишева // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 2.

63. Жихарева, Л. В. Особенности понимания нормативного поведения в реальном и в виртуальном пространстве / Л. В. Жихарева, И. С. Лучинкина, Е. Ю. Кольчик // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 3.

64. Жихарева, Л. В. Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве / Л. В. Жихарева, И. С. Лучинкина, А. А.

Гребенюк, А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 115-126. DOI 10.18413/2313-8971-2022-8-4-0-9.

65. Жичкина, А. Е. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей интернета / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования / Под редакцией В.С. Собкина. Том V. Выпуск VII. – Москва: Федеральное государственное научное учреждение «Институт социологии образования» Российской академии образования, 2000. – С. 431-460.

66. Журавлева, А. В. Буллинг как деструктивный вид социального взаимодействия в подростковом возрасте / А. В. Журавлева // Вестник науки. – 2023. – Т. 3, № 10(67). – С. 400-409.

67. Завизион, М. Какие раны мешают вам быть собой? // Psychologies, 2017. – №18

68. Зарубина, Н. Н. Теоретические основания анализа непреднамеренных социокультурных последствий развития цифровых технологий: актуализация подхода Л. Мамфорда / Н. Н. Зарубина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 3. – С. 85-97. DOI 10.18384/2310-7227-2020-3-85-97.

69. Зекерьяев, Р. И. Психологические особенности мотивационно-потребностной сферы личности, склонной к троллингу / Р. И. Зекерьяев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2022. – Т. 8 (74), № S. – С. 141-147.

70. Зекерьяев, Р. И. Психологические особенности эмоциональной направленности личности, склонной к кибербуллингу / Р. И. Зекерьяев // Психология человека в образовании. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 426-434. DOI 10.33910/2686-9527-2023-5-3-426-434.

71. Землянова, Л. М. Обсуждение проблем социальной ответственности СМИ в современной зарубежной коммуникативистике / Л. М. Землянова // Медиаскоп. – 2010. – № 4. – С. 16.
72. Зинцова, А. С. Социальная профилактика кибербуллинга / А. С. Зинцова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 3(35). – С. 122-128.
73. Зуева, В. С. Психологические особенности участников школьного буллинга / В. С. Зуева, А. Н. Шамаев // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 16(28). – С. 64-65.
74. Ильина, И. А. Семиотика как метод исследования виртуальной реальности / И. А. Ильина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 10. – С. 36-40.
75. Каган, Е. С. Апробация детского варианта Шкалы безнадежности на неклинической выборке российских подростков, обучающихся в разных образовательных учреждениях / Е. С. Каган, К. Н. Белогай, И. С. Морозова [и др.] // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 210-223. DOI 10.17759/exppsy.2020130214.
76. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: АСТ, 2007. – 256 с.
77. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
78. Кирюхина, Д. В. Кибербуллинг среди молодых пользователей социальных сетей / Д. В. Кирюхина // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 53-59. DOI 10.17759/jmfp.2019080306.
79. Киселев, П. Б. Методика исследования ценностных ориентаций молодых людей в контексте профессиональных сфер информационного общества / П. Б. Киселев, И. М. Богдановская // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 32-42.

80. Клейберг, Ю. А. Девиантология: словарь / автор-составитель Ю. А. Клейберг. – 3-е изд., доп. – Нальчик: Издательство «Тетраграф». – 2019. – 184 с.
81. Колесников, Е. А. Исследование психологических характеристик подростков, склонных к виктимному поведению в виртуальном пространстве / Е. А. Колесников // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 29, № 2. – С. 148-159. DOI 10.35634/2412-9550-2019-29-2-148-159.
82. Кон, И. С. «Что такое буллинг и как с ним бороться» // Семья и школа. – 2006. – № 11. – С. 15-18.
83. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – Москва: Акционерное общество «Издательство «Просвещение», 1989. – 255 с. – (Психологическая наука - школе). ISBN 5-09-001053-6.
84. Конюхова, В. С. Кибербуллинг как форма деструктивного поведения в виртуальной среде / В. С. Конюхова // Юридическая лингвистика в образовательных организациях системы МВД: проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 23 марта 2023 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 119-121.
85. Коржова, Е. Ю. Психология личности. – СПб.: Питер, 2020. – 544 с.
86. Коршак, А. А. Специфика мотивации личности с различными уровнями интернет-активности / А. А. Коршак // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13, № 1(46). – С. 152-154.
87. Костюрина, М. А. Типология ролевой структуры буллинга: сборник трудов конференции // Психолого-педагогические исследования – Тульскому региону: сборник материалов V Регион. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Тула, 14 мая 2025 г.) / редкол.: С. В. Пазухина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. – С. 223-226. ISBN 978-5-907965-58-4.

88. Кошелева, Ю. П. Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт / Ю. П. Кошелева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 1(790). – С. 132-152.

89. Ларионова, А. В. Психология коммуникативной компетентности: Методические указания по подготовке к практическим занятиям и самостоятельной работе [Электронный ресурс] / А. В. Ларионова. – Томск: ТУСУР, 2018. – 20 с. –URL: <https://edu.tusur.ru/publications/8118>

90. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. – 2001. – № 1. – С. 4–10.

91. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон; Густав Лебон. – Москва: Академический Проект, 2011. – 239 с. – (Психологические технологии). ISBN 978-5-8291-1283-7.

92. Лемяскина, Н. А. Коммуникативное поведение младшего школьника / Н.А. Лемяскина, И.А. Стернин. – Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 2000. – 194, [1] с.; 20 см. (Коммуникативное поведение). ISBN 5-7458-0760-8

93. Литневская, Е.И., Багрянцева, В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. Е. И. Литневской. – М.: Академический проект, 2006 – 590 с.

94. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков: патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО) / А. Е. Личко; А. Е. Личко. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. ISBN 978-5-9268-0828-6.

95. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история / Ю. М. Лотман. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 464 с. ISBN 5-7859-0006-8.

96. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992.

97. Луман, Н. Теория общества / Н. Луман; пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова // Теория общества. Сборник. – 1999. – С. 196-235.
98. Лучина, Е. А. Моббинг и буллинг: особенности проявления моббинга в России / Е. А. Лучина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – Т. 3, № 13. – С. 818-820.
99. Лучинкина, А. И. Троллинг в интернет-пространстве как результат девиантной интернет-социализации / А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 68-76. DOI 10.18413/2313-8971-2018-4-2-0-7.
100. Лучинкина, А. И. Психология интернет-социализации личности. Симферополь: ВД «АРИАЛ», 2013. – 356 р. ISBN 978-617-648-161-4.
101. Лучинкина, А. И. Смысловая регуляция поведения интернет-активных пользователей / А. И. Лучинкина, А. А. Коршак // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 109-118. DOI 10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-8.
102. Лучинкина, А. И. Методологические проблемы исследования коммуникативного поведения пользователей в интернет-пространстве / А. И. Лучинкина, И. С. Лучинкина // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2017. – № 4(40). – С. 42-46..
103. Лучинкина, И. С. Особенности социально-психологического исследования провокативного коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве / И. С. Лучинкина // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2018. – № 4(44). – С. 153-158.
104. Лучинкина, А. И. Модель психологического сопровождения процесса интернет-социализации личности / А. И. Лучинкина // Перспективы науки и образования. – 2015. – № 2(14). – С. 118-123.
105. Лучинкина, А. И. Особенности сетевой агрессии интернет-активной молодёжи / А. И. Лучинкина, Л. В. Жихарева, И. С. Лучинкина [и др.] // Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Психологические науки. – 2022. – № 3. – С. 21-35. DOI 10.18384/2310-7235-2022-3-21-35.

106. Лучинкина, А. И. Подростковые девиации в сетевом сообществе / А. И. Лучинкина, Т. В. Юдеева, Л. В. Жихарева [и др.] // Российский психологический журнал. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 34-44. DOI 10.21702/zdz9bs08.

107. Лучинкина, И. С. Психологические особенности поведения подростков в цифровой среде / И. С. Лучинкина, А. С. Андреев, Л. В. Жихарева, Э. О. Расина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2024. – Т. 10 (76), № 4. – С. 164-171.

108. Лучинкина, А. И. Специфика мотивации интернет-пользователей / А. И. Лучинкина // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6(12). – С. 105-109.

109. Лучинкина, А. И. Троллинг в интернет-пространстве как результат девиантной интернет-социализации / А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 68-76. DOI 10.18413/2313-8971-2018-4-2-0-7.

110. Лучинкина, И. С. Смыслы личности в цифровой среде / И. С. Лучинкина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2024. – № 4(182). – С. 279-295. DOI 10.25588/CSPU.2024.182.4.015.

111. Лучинкина, И. С. Особенности мотивации пользователей с различными типами коммуникативного поведения в интернет-пространстве / И. С. Лучинкина // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2018. – № 2(12). – С. 46-50.

112. Лучинкина, И. С. Поведение личности в современной цифровой среде / И. С. Лучинкина // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 51-58. DOI 10.23947/2658-7165-2023-6-3-51-58.

113. Лучинкина, И. С. Специфика исследования когнитивного компонента цифрового поведения личности / И. С. Лучинкина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2021. – № 3(163). – С. 265-272. DOI 10.25588/CSPU.2021.163.3.016.

114. Лучинкина, И. С. Специфика коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве / И. С. Лучинкина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2023. – № 5(177). – С. 309-321. DOI 10.25588/CSPU.2023.177.5.015.

115. Лучинкина, И. С. Психологические особенности личности с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре / И. С. Лучинкина, А. Э. Фазилова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 4.

116. Лучинкина, И. С. Психологические особенности жертв и инициаторов, включённых в буллинг-структуру / И. С. Лучинкина, А. Э. Фазилова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 3. – С. 21-35. – DOI 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35.

117. Лэйн, Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна и Э. Миллера. СПб., 2001. – 438 с.

118. Макаров, В.В., Макарова, Г.А. Транзактный анализ – восточная версия. – М: Академический Проект, ОППЛ, 2002 – 496 с.

119. Макарова, Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления / Е. А. Макарова, Е. Л. Макарова, Е. А. Махрина // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13, № 3. – С. 293-311. DOI 10.21702/rpj.2016.3.17.

120. Малыгин, В. Л., Меркурьева, Ю. А., Искандирова, А. Б., Пахтусова, Е. Е., Прокофьева, А. В. Особенности ценностных ориентаций у подростков с интернет-зависимым поведением / В. Л. Малыгин, Ю. А. Меркурьева, А. Б. Искандирова [и др.] // Медицинская психология в России. – 2015. – № 4 (33). – С. 9.

121. Маховская, О.И. Кибербуллинг: конфликт социокультурных сценариев разного уровня / О. И. Маховская // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: материалы Международной научной конференции. – 2018. – С. 74-82

122. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000 – 207 с.

123. Мирошниченко, О. А. Психологическая профилактика девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения / О. А. Мирошниченко, С. А. Медведева // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2022. – Т. 8, № S1. – С. 220-225.

124. Молчанов, С. В. Роль личностных особенностей подростков в переработке социальной информации в интернет-коммуникации / С. В. Молчанов, О. В. Алмазова, А. Е. Войскунский, Н. Н. Поскребышева // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 4(32). – С. 3-15. DOI 10.11621/npj.2018.0401.

125. Молчанов, С. В. Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте / С. В. Молчанов, О. В. Алмазова, Н. Н. Поскребышева // Психология развития: полвека пути: к 50-летию кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. – С. 325-340.

126. Молчанова, Л. Н., Фомина, А. В. Типология коммуникативного поведения в ситуации буллинга // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2024 . – Т.10. . – №4. . – С. 95-108. DOI: 10.18413/2313-8971-2024-10-4-0-7.

127. Молчанова, Л. Н. Особенности статусно-ролевой структуры риска школьного буллинга среди подростков / Л. Н. Молчанова, А. А. Кузнецова, А. В. Фомина, А. А. Прокофьева // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 4(58). – С. 440-456. DOI 10.32744/pse.2022.4.26.

128. Морозова, И.С. Представления студентов о понятиях «троллинг» и «флейминг» как предикторы возникновения проявлений агрессии в киберкоммуникациях / И. С. Морозова, В. А. Каменева, С. В. Коломиец, Н. В. Рабкина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 12(92). – С. 163-171. DOI 10.24158/spp.2021.12.24.

129. Москаленко, О. Л. Буллинг и кибербуллинг у детей и подростков: признаки, виды, формы, профилактика (обзор литературы) / О. Л. Москаленко // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2025. – Т. 59, № 2. – С. 30-39. DOI 10.31363/2313-7053-2025-2-974.

130. Назаров, В. Л. Реакция на наблюдаемую травлю и её связь с гендерным фактором / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух // International Journal of Open Information Technologies. – 2024. – Т. 12, № 12. – С. 46-59..

131. Назаров, В. Л. Буллинг и кибербуллинг в современной школе / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначева // Образование и наука. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 169-205. DOI 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205.

132. Назаров, В. Л. Связь между типом межличностного поведения и стратегиями участников кибербуллинга: преследователи / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух // Педагогическое образование в России. – 2025. – № 2. – С. 122-143.

133. Назарова, Т. Б. От типологии видов общения к типологии коммуникантов: динамика коммуникативного поведения и коммуникативной личности / Т. Б. Назарова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 107-115. DOI 10.18287/2542-0445-2023-29-2-107-115.

134. Новикова, М. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом / М. А. Новикова, А. А. Реан, И. А. Коновалов // Вопросы образования. – 2021. – № 3. – С. 62-90. DOI 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90.

135. Норкина, Е. Г. Методика на выявление "буллинг-структуры" / Е. Г. Норкина // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 3(8). – С. 170-174.

136. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебник для вузов. – М.: Высшее образование; МГППУ, 2009. – 460 с.

137. Окатов, А. В. Теории коллективного поведения Г. Лебона и Г. Тарда в контексте современного гражданского общества / А. В. Окатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – Т. 2, № 2(6). – С. 5-11.

138. Первухина, В. И. Особенности представлений подростков об участниках буллинга, роль самих подростков в буллинг-структуре и их эмоциональный интеллект / В. И. Первухина // Проблемы теории и практики современной психологии: Материалы XXII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 30-летнему юбилею факультета психологии ИГУ, Иркутск, 27–28 апреля 2023 года / Редколлегия: И.А. Конопак [и др.]. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. – С. 510-511..

139. Петрова, Ю. В. Факторная структура профессионального самоопределения подростков с проблемным использованием интернета / Ю. В. Петрова, Н. Н. Королева, И. М. Богдановская // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 5.

140. Петросянц, В. Р. Проблема буллинга в современной образовательной среде / В. Р. Петросянц // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 6(108). – С. 151-154.

141. Петросянц, В. Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: специальность 19.00.07 "Педагогическая психология": диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Петросянц Виолетта Рубеновна. – Санкт-Петербург, 2011. – 210 с.

142. Печенегова, А. Л. Флейминг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации школьников / А. Л. Печенегова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сборник материалов VII (XXI)

Международной научно-практической конференции молодых учёных, Томск, 16–18 апреля 2020 года. Том Выпуск 21. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. – С. 15-19. DOI 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-4.

143. Погорелов, Д. Н. Кибербуллинг в социальных сетях как фактор риска актуализации нарушений психического здоровья личности / Д. Н. Погорелов // Модернизация системы профессионального образования, на основе регулируемого эволюционирования: Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Москва - Челябинск, 16 ноября 2020 года. – Челябинск: Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования, 2020. – С. 127-137.

144. Полюкова, Т.И. Коммуникативное поведение младших и старших школьников: проблема сходства // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 1998. – С. 40.

145. Пучкова, Е.Б. Когнитивно-личностные предикторы кибербуллинга / Е. Б. Пучкова, Е. И. Чердымова, Е. А. Сорокоумова, Д. Д. Зайцева // Педагогика и психология образования. – 2024. – № 4. – С. 133-150. DOI 10.31862/2500-297X-2024-4-133-150.

146. Расина, Э. О. Место виртуального образа личности в перцептивных процессах социального взаимодействия в виртуальном пространстве / Э. О. Расина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 115-129. DOI 10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-9.

147. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Ф. Райс, К. Долджин; пер. с англ. под науч. ред. Е. И. Николаевой. – 12-е изд. – Москва [и др.]: Питер, 2014. – 812 с.

148. Реан, А. А. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения / А. А. Реан // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 3-8. DOI 10.11621/npj.2015.0101.

149. Реан, А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга / А. А. Реан, А. А. Ставцев // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 37-59. DOI 10.17323/1814-9545-2020-3-37-59.
150. Реан, А. А. Психология личности / А. А. Реан. – СПб.: Питер, 2013. – 288 с.
151. Реан А.А. Психология и педагогика / А.А. Реан. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 432 с.
152. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер. – 712 с.
153. Розина, И. Н. Виртуальные исследовательские сообщества: от зарубежных моделей к отечественным примерам / И. Н. Розина // Образовательные технологии и общество. – 2009. – Т. 12, № 2. – С. 389-408.
154. Романенко, А. А. Тревожность как фактор возникновения суицидального риска у подростков / А. А. Романенко, Д. М. Саенко, Т. Н. Разуваева // Коллекция гуманитарных исследований. – 2018. – № 2(11). – С. 59-65.
155. Рыжкова, С. Ю. Сущность ролевого поведения в условиях межличностного взаимодействия / С. Ю. Рыжкова, Е. Ю. Рыжкова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 2. – С. 97-99.
156. Рязанцева, Т. Н. Некоторые особенности реализации коммуникативных принципов и стратегий в условиях компьютерно-опосредованного общения / Т. Н. Рязанцева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 202-211.
157. Сагалакова, О. А. Опросник «Антивитальности и Жизнестойкости» / О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2017. – Т. 17, № S2. – С. 210-211.

158. Самосват, О. И. Динамика ролевой структуры коммуникативного поведения подростков в социальных сетях / О. И. Самосват // Коллекция гуманитарных исследований. – 2017. – № 1 (4). – С. 48-53.
159. Седов К.Ф. Нейропсихоллингвистика. – М., 2007. – 224 с.
160. Сизова, И.Г., Филиппченкова, С.И. Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления // Современная психология: состояние и перспективы исследований: материалы юбилейной науч. конф. Ин-та психологии РАН. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2002.
161. Психодиагностика эмоциональных схем: результаты апробации русскоязычной краткой версии шкалы эмоциональных схем Р. Лихи / Н. А. Сирота, Д. В. Московченко, В. М. Ялтонский [и др.] // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2016. – № 1. – С. 76-83.
162. Смирнова, Т. В. Семиотическое знание о массовой коммуникации Умберто Эко и проблемы познания цифровой реальности / Т. В. Смирнова, И. А. Унжакова // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 17-23. DOI 10.26425/2658-347X-2019-1-17-23.
163. Собкин, В. С. Жертвы школьной травли: влияние социальных факторов / В. С. Собкин, М. М. Смыслова // Социология образования. Труды по социологии образования / Под редакцией В.С. Собкина. – Москва: Федеральное государственное научное учреждение «Институт социологии образования» Российской академии образования, 2012. – С. 130-136.
164. Солдатова Г. У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87—97. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160409>
165. Солдатова, Г. У. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания / Г. У. Солдатова, А. Н. Ярмина // Национальный психологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 3(35). – С. 17-31. DOI 10.11621/npj.2019.0303.

166. Солдатова, Г. У. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова // Национальный психологический журнал. – 2020. – Т. 2, № 2(38). – С. 3-20. DOI 10.11621/npj.2020.0201.

167. Сорокоумова, Г. В. Буллинг как угроза психологической безопасности образовательной среды / Г. В. Сорокоумова, Е. М. Панова // Вестник Университета Российского инновационного образования. – 2023. – № 1-1. – DOI 10.24412/2949-4524-2023-1-4-14.

168. Сорокоумова, Г. В. Обучение социально приемлемым формам достижения социального успеха как профилактика подросткового буллинга / Г. В. Сорокоумова // Гуманизация образования. – 2023. – № 1. – С. 51-58. – DOI 10.24412/1029-3388-2023-1-59-67.

169. Сорокоумова, Г.В., Волкова, Е. Н. Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации / Е. Н. Волкова, Г. В. Сорокоумова // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 12-27. – DOI 10.17759/sps.2024150202.

170. Сорокоумова, Г.В., Волкова, Е. Н. Экранное время, цифровая грамотность и психологическое благополучие современных подростков / Е. Н. Волкова, Г. В. Сорокоумова // Мир психологии. – 2025. – № 3(122). – С. 98-110. – DOI 10.51944/20738528_2025_3_98.

171. Соловьев, Д. Н. Модель профилактики буллинга среди школьников подросткового возраста / Д. Н. Соловьев // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – № 3(22). – С. 155.

172. Стернин, И. А. Практическая риторика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И. А. Стернин. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008 – 272 с. ISBN 978-5-7695-5256-4.

173. Стернин, И. А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. – С. 279-282.

174. Стернин, И. А., Гришаева Л.И., Стернина М.А. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде. Воронеж: Научная книга, 2009. – 262 с.

175. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения - - Воронеж: «Гарант», 2000 – 27с. Изд. 2 испр. 2015 – 52 с.

176. Стороженко, А. В. Теоретические аспекты подросткового буллинга и психологические особенности участников буллинг-структуры / А. В. Стороженко // Наука и образование в контексте глобальной трансформации: Сборник статей X Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 10 июля 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 89-93.

177. Сулер, Дж. Компьютерная и Интернет-зависимость [Электронный ресурс] / пер. с англ. Е. А. Щепилина. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/suler-cyberaddiction/>

178. Татаринцева, Э. А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе: специальность 10.01.10 «Журналистика»: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Татаринцева Элина Александровна. – Москва, 2009. – 150 с.

179. Торгованова, О. Н. Теоретические подходы к исследованию интернет-коммуникации / О. Н. Торгованова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 3. – С. 77–85.

180. Турмасова, Е. А. Проблема социализации личности подростка в интернет пространстве / Е. А. Турмасова, Т. В. Юдеева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2021. – № 2. – С. 98-104. DOI 10.24412/2304-120X-2021-12003.

181. Фельдштейн, Д.И. Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с. ISBN 5-89395-106-9 ББК 88.4.

182. Фазилова, А. Э. Специфика исследования ролевой позиции личности в буллинге / А. Э. Фазилова // Научный результат. Педагогика и

психология образования. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 90-103. DOI 10.18413/2313-8971-2024-10-2-0-8.

183. Федоров, А. В. Умберто Эко и семиотическая теория медиаобразования / А. В. Федоров // Инновации в образовании. – 2010. – № 5. – С. 56-61.

184. Фомина, А. В. Современные представления о школьном буллинге в России и за рубежом / А. В. Фомина, Л. Н. Молчанова // Коллекция гуманитарных исследований. – 2020. – № 2(23). – С. 6-12. DOI 10.21626/j-chr/2020-2(23)/1.

185. Фомина, А. В. Модель антибуллинговой компетентности в условиях образовательных организаций, и оценка ее эффективности / А. В. Фомина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 151-163. DOI 10.18413/2313-8971-2025-11-1-0-11.

186. Хитрова, Я. М. Социально-психологические факторы ролевого поведения подростков в ситуации буллинга / Я. М. Хитрова // Социально-психологические вызовы современного общества. Проблемы. Перспективы. Пути развития: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Брянск, 20 апреля 2023 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 147-150.

187. Хломов, К. Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К. Д. Хломов, Д. Г. Давыдов, А. А. Бочавер // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 276-295. DOI 10.17759/psylaw.2019090219.

188. Холмогорова, А. Б. Значение культурно-исторической теории развития психики Л.С. Выготского для разработки современных моделей социального познания и методов психотерапии / А. Б. Холмогорова // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 58-92. DOI 10.17759/chr.2016120305..

189. Черная, А. В. Психологические особенности взаимодействия в Интернет-среде в подростковом возрасте / А. В. Черная, Е. И. Погорелова // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 113-118.

190. Чернышова, Е.Б. Коммуникативное поведение дошкольника: Психолингвистическое исследование: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001. – 20 с.

191. Шалагинова, К. С. Учет позиции участников травли как условие эффективности профилактики буллинга в подростковом коллективе / К. С. Шалагинова, Е. В. Декина // Обзор педагогических исследований. – 2024. – Т. 6, № 5. – С. 95-100. – DOI 10.58224/2687-0428-2024-6-5-95-100.

192. Шалагинова, К. С. Оценка эффективности модели профилактики буллинга в подростковом коллективе с учетом позиций участников травли / К. С. Шалагинова, Е. В. Декина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 2. – С. 82.

193. Шалагинова, К. С. Учет сформированности навыков поведения в конфликтах у подростков - представителей цифрового поколения как условие эффективной формирующей работы / К. С. Шалагинова, Е. В. Декина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 4.

194. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.

195. Эллис, А. Гуманистическая психотерапия. Рационально-эмоциональный подход. СПб.: Изд-во Сова; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 272 с.

196. Эльконин, Д.Б., Драгунова, Т.В., Захарова, А.В., Боцманова, М.Э. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков. М.: Просвещение, 1967. – 360 с.

197. Юдеева, Т. В. Мотивация деструктивного коммуникативного поведения подростков в социальных сетях / Т. В. Юдеева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 2-2(116). – С. 178-182. DOI 10.23670/IRJ.2022.116.2.066.

198. Янг Джеффри, Джанет Клоско. Прочь из замкнутого круга! Как оставить проблемы в прошлом и впустить в свою жизнь счастье. Москва: Эксмо, 2019. – 384 с.
199. Ярмина, А. Н. Периодизация изучения феномена буллинга / А. Н. Ярмина // Исследователь/Researcher. – 2018. – № 1-2(21-22). – С. 82-87.
200. Aswat, H. Global Research Trends of Cyberbullying and the Metaverse in the Virtual World: Bibliometric Analysis Using the Scopus Database, International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). – 2025. – 13(1). – P.157-164.
201. Akgül, G. Cyberbullying: relationship with developmental variables and cyber victimization / G. Akgül, M. Artar // Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology. – 2020. – Vol. 8, No. 1. – P. 25-37. DOI 10.21307/sjcapp-2020-004.
202. Bandura, A. Social learning theory. Eaglewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977. – 247 p.
203. Barlett, C. Attacking Others Online: The Formation of Cyberbullying in Late Adolescence. / C. Barlett // Psychology of Popular Media Culture. –2012. – Vol. 1, No. 2. – P. 123–135. DOI: 10.1037/A0028113.
204. Beck, A. T. Cognitive Therapy of Personality Disorders / A. T. Beck, A. Freeman. – New York: Guilford Press, 2003. – 506 p.
205. Beck, A. Thinking and depression: Idiosyncratic content and cognitive distortions. Theory and therapy // Archives of General Psychotherapy. –1963. – №9. – P. 324-333.
206. Bevilacqua, L., Shackleton, N., Hale, D., Allen, E., Bond, L., Christie, D., Elbourne, D., Fitzgerald-Yau, N., Fletcher, A., Jones, R., Miners, A., Scott, S., Wiggins, M., Bonell, C., Viner, R.M. The role of family and school-level factors in bullying and cyberbullying: a cross-sectional study / L. Bevilacqua, N. Shackleton, D. Hale [et al.] // BMC Pediatrics. – 2017. – Vol. 17, No. 1. – P. 1-10. DOI 10.1186/s12887-017-0907-8.

207. Deutsch, M. Social Psychology's Contributions to the Study of Conflict Resolution / M. Deutsch // *Negotiation Journal*. – 2002. – Vol. 18, No. 4. – P. 307-320.
208. Craig, W. Cyberbullying Prevalence, Stability, and Risk Factors during Adolescence. – 2013. – 28 (2). – P.171-192. – DOI: 10.1177/0829573513491212.
209. George, C. H. Social Behavior as Exchange. Source: *American Journal of Sociology*. – 1958. – Vol. 63. – No. 6. – P. 597-606.
210. George, P., Cosgrove, J., Taylor, J., Rao, N., Marshall, T., Ghose, S.S., Patel, N.A. Antibullying Interventions in Schools: Assessing the Evidence Base. *Psychiatr Serv*. – 2024. – Sep.1. – 75 (9). – P. 908-920. DOI: 10.1176/appi.ps.20230541.
211. Giumetti, G. W. Cyberbullying via social media and well-being / G. W. Giumetti, R. M. Kowalski // *Current Opinion in Psychology*. – 2022. – Vol. 45. – P. 101314. DOI 10.1016/j.copsyc.2022.101314.
212. Grice, G. P. Logic and speech communication / *New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics*. Under the general editorship of E. V. Paducheva. – 1985. – Vol. 16. pp. 217-237.
213. Habermas, J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main, 1994. – P. 667.
214. Heinemann, P.P. Mobbing – über Gruppengewalt bei Kindern. / P.-P. Heinemann // Stockholm. – 1972.
215. Hirschi, T. Causes of Delinquency. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. – 2002. – 329 p.
216. Hoffmann, E. T.A. Ausgewählte Werke. Berlin: Directmedia Publishing GmbH, – 1998. – P. 597.
217. Kilmann, R. H., Thomas, K. W. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict-Handling Behaviour: The "MODE" Instrument // *Educational and Psychological Measurement*. – 1977. – Vol. 37. – №. 2. – P. 309-325.
218. Labov, W, Waletzky, J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience1. *J Narrat Life Hist* [Internet]. – 1997. – 7 (1–4). – pp. 3-38.

219. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. -Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251.
220. Lakoff, R. What you can do with words: Politeness, Pragmatics and performatives. // in Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implicatures, edited by R. Rogers, R. Wall & J. Murphy. Arlington, Va.: Center for Applied Linguistics. – 1977. – pp. 79-106.
221. Lakoff, R. The logic of politeness; or minding your p's and q's // In 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago: Chicago Linguistic Society. – 1973 – pp. 292-305
222. Lane, D.A. Dealing with Behaviour Problems: A New Approach. London: Kings Fund Centre. –1975b. – P 21.
223. Lazarsfeld, P., Merton, R. Mass Communication, popular taste and organized social action, in Bryson, (ed.) The Communication of Ideas. – New York: Harper and Brothers, – 1948. – pp. 229-250.
224. Luman N. Teoriya obsch'estva // Teoriya obsch'estva: sbornik statey. M., –1999. P. 238.
225. Menesini, E., Salmivalli, C. Bullying in schools: the state of knowledge and effective interventions. Psychol Health Med. – 2017 – Mar; 22 (sup1). – pp. 240-253. DOI: 10.1080/13548506.2017.1279740.
226. Miranda, R., Oriol, X., Amutio, A. Risk and protective factors at school: Reducing bullies and promoting positive bystanders' behaviors in adolescence. Scand J Psychol. – 2019. – Apr; 60 (2). Pp. 106-115. DOI: 10.1111/sjop.12513.
227. Mumford, L. The city in history: Its origins, its transformations and prospect. N. Y: Harcourt, Brau & World, 1961.
228. Novikova, M. Influence of School Climate on Bullying Prevalence: Russian and International Research Experience / M. Novikova, A. Rean // Educational Studies. Moscow. – 2019. – No. 2. – P. 78-97. DOI 10.17323/1814-9545-2019-2-78-97. (In Russ.).

229. Olweus, D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: Two short-term longitudinal studies of ratings. *Child development*, –1977. – 48. – pp. 1301-1313.
230. Olweus, D. *Aggression in the schools: Bullies and whipping boys*. Washington, DC: Hemisphere (Wiley). –1978. pp. 160-183.
231. Olweus, D. Stability of aggressive reaction patterns in males: A review. *Psychological Bulletin*. 1979. – 86. – pp. 852-875.
232. Ortega, R., Calmaestra, J., & Mora-Merchán, J. Cyberbullying: un estudio exploratorio en educación secundaria. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*. – 2008. – 8. – P. 183–192.
233. Pikas, A. *Slik stoppar vi mobbing*, Oslo: Gyldendal. – 1976. – P. 124.
234. Pikas A. The common concern method for the treatment of mobbing. *Bullying: An international perspective*. E. Roland, E. Munthe (eds.). London: David Fulton Publishers, – 1989. – pp. 91-104.
235. Rigby, K. Attitudes and beliefs of Australian schoolchildren regarding bullying in schools // *Irish Journal of Psychology*, – 1997. – Vol. 18. – P. 202-220.
236. Santre, S. Cyberbullying in adolescents: a literature review. *Int J Adolesc Med Health*. – 2022. – Mar 3. – 35 (1). P. 1-7. DOI: 10.1515/ijamh-2021-0133.
237. Schonfeld, A., McNeil, D., Toyoshima, T., Binder, R. Cyberbullying and Adolescent Suicide. *J Am Acad Psychiatry Law*. – 2023. – 51(1). – P. 112-119. DOI: 10.29158/JAAPL.220078-22.
238. Searle, J.R. *Mind, language and society: Philosophy in the Real World*. – N. Y., 1999. – 180 p.
239. Stavtsev, A. & Rean, A. Positive Psychological Interventions to Prevent Well-Being Issues, Aggression and Bullying in School Students. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. – 2020. – P. 37-59. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-37-59.

240. Shachin, S.V. Jürgen Habermas's Theory of Communicative Rationality and its Applications to Certain Psychological Issues. *Cultural-Historical Psychology*. – 2012. – 8(1). – P. 34–46. (In Russ.).
241. Tattum, D.P., Lane D.A. *Bullying in Schools*, Stoke-on-Trent. Trentham Books. 1988. – P. 137.
242. Tordjman, S. Harcèlement scolaire et violence groupale : comment occuper une place dans le groupe par l'exclusion [School bullying and group violence: How to occupy a place in the group by exclusion]. *Encephale*. – 2022. – 48 (1). – pp. 19-29. DOI: 10.1016/j.encep.2022.08.002.
243. Wang, W., Brittain, H., McDougall, P., Vaillancourt, T. Bullying and school transition: Context or development? *Child Abuse Negl.* – 2016 – 51. Pp. 237-248. DOI: 10.1016/j.chiabu.2015.10.004
244. Williams, A. *Forbidden agendas: Strategic action in groups*. London: Routledge. – 1991. – P. 212.
245. Yang, C., Sharkey, J.D., Reed, L.A., Chen, C., Dowdy, E. Bullying victimization and student engagement in elementary, middle, and high schools: Moderating role of school climate. *Sch Psychol Q.* – 2018. – 33(1). – pp. 54-64. DOI: 10.1037/spq0000250.
246. Zhu, C., Huang, S., Evans, R., Zhang, W. Cyberbullying Among Adolescents and Children: A Comprehensive Review of the Global Situation, Risk Factors, and Preventive Measures. *Front Public Health*. – 2021. 11 (9). P. 634-909. DOI: 10.3389/fpubh.2021.634909.
247. Short, J., Williams, E., Christie, B. *The Social Psychology of Telecommunications* / J. Short, E. Williams, B. Christie // Wiley, 1976. – P. 195. ISBN: 0471015814, 9780471015819.